

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

9

Выпуск (890)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

9

Issue (890)
(068)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 9 (890)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
А. И. ГОРОЖАНОВ

доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь
Д. А. ФУРСОВА

кандидат культурологии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бондарчук Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари М. З.	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Каменский М. В.	доктор филологических наук, доцент (Гуманитарный институт СКФУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Логинова Е. Г.	доктор филологических наук, доцент (РГУ им. С. А. Есенина)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Слышкин Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (РАНХиГС)
Солнышкина М. И.	доктор филологических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 9 (890)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

ALEXEY I. GOROZHANOV Doctor of Philology, Associate Professor

Ответственный секретарь

DARYA A. FURSOVA

PhD in Culturology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bondarchuk G. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kamensky M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (NCFU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Loginova E. G.	Doctor of Philology, Associate Professor (Ryazan State University)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Slyshkin G. G.	Doctor of Philology, Professor (RANEPA)
Solnyshkina M. I.	Doctor of Philology, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЛИНГВИСТИКА

НАУКА О ЯЗЫКЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Теория и практика лингвистической историографии в научном творчестве Конрада Кёрнера ВАЛИУЛИНА Т. А.	9
--	---

Носитель языка и родной язык: метаморфозы понятий ГЕРМАНОВА Н. Н.	16
---	----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Отражение этнокультурных ценностей в коммуникативном поведении (на материале речевого акта «выражение несогласия» в узбекской лингвокультуре) АЛИЕВА И. А.	23
---	----

Опыт экспериментального исследования авто- и гетеростереотипов шведов БАРАНОВ Ю. В.	29
---	----

Вербализация образа Франции в первом томе романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» ВЕДЕРНИКОВА Д. Р.	37
--	----

Закономерности формирования базовых ценностей (на материале древнекитайской лингвокультуры) ДУБКОВА О. В.	44
---	----

Модификация базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре ХЛОПОВА А. И.	51
--	----

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

Специфика песенного дискурса Жака Бреля ГРУШЕВСКАЯ Е. С., ГРУШЕВСКАЯ Т. М., ФАНЯН Н. Ю.	60
---	----

Сенсорные метафоры в жестовых языках: перспективы исследования для русского жестового языка КУМУРЖИ Э. В.	67
---	----

Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики ЛОГИНОВА Е. Г.	73
--	----

Рекап фильма как новый вид медиадискурса ТЕМНОВА Е. В.	80
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА И ФОНЕТИКА

Вариативность просодических характеристик в политической речи ГЛАДКИХ М. В.	89
Латинские и итальянские проverbs с точки зрения интрагенетической типологии ДАВИДЕ СКАЛИЯ	97
Динамика концептуальных подходов к развитию вокализма (на материале монгольского языка) ГАНБААТАР ЦЭНД-АЮУШ	105

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПЕРЕВОД

Формально-семантические преобразования специальной лексики в переводе административных законов с китайского языка на русский ВАН ЛУ	111
Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды ГУРЕВИЧ Л. С.	119
Воздействующий эффект переводных текстов средневековой арабо-христианской литературы (прагмалингвистический аспект) МАТВЕЕВА Г. Г., МЯСИЩЕВ Г. И., БЕЛАНОВА Ф. М.	127
Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод ЦЗУНЮАНЬ НА, СЮЦЗЮАНЬ ГУАНЬ, КАРАБУЛАТОВА И. С.	134

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Амбивалентный образ прометея – персонификация диалектики природы и цивилизации БОНДАРЕВ А. П.	143
Образы Швейцарии и Италии в повести Г. Джеймса «Дейзи Миллер»: К вопросу о художественном пространстве РАРЕНКО М. Б.	153

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Время и хронотоп в философии и искусстве Серебряного века русской культуры ГОРИН Д. Г.	159
Сьюзен Лангер об эстетике художественных символов: влияние на дизайн ресторанного пространства ЧУАНЬХУА ЧЖУ	166

LINGUISTICS

LANGUAGE SCIENCE: METHODOLOGY AND CONCEPTUAL APPARATUS

Theory and Practice of Linguistic Historiography in the Scientific Work of Konrad Koerner VALIULINA T. A.	9
Native Speaker and Native Language: Transformations of the Concepts GUERMANOVA N. N.	16

LANGUAGE AND CULTURE

Reflection of Cultural Values in Communicative Behavior (on the material of speech act “expression of disagreement” in Uzbek linguoculture) ALIEVA I. A.	23
Experimental Research into Auto- and Heterostereotypes of Swedes BARANOV YU. V.	29
Verbalization of the Image of France in the First Volume of Marcel Proust’s Novel “In Search of Lost Time” VEDERNIKOVA D. R.	37
Patterns of Formation of Basic Values (based on the material of ancient Chinese linguoculture) DUBKOVA O. V.	44
Modification of the Basic Value “Family” in German Linguoculture KHLOPOVA A. I.	51

A STUDY OF DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

The Specifics of Jacques Brel’s Song Discourse GRUSHEVSKAYA E. S., GRUSHEVSKAYA T. M., FANYAN N. YU.	60
Sense Perception Metaphors in Sign Languages: Implications for Russian Sign Language Research KUMURZHI E. V.	67
Verbal Aggression in the Discourse of Drama from the Standpoint of Linguistic Pragmatics LOGINOVA E. G.	73
Film Recap as a New Type of Media Discourse TEMNOVA E. V.	80

CONTENTS

GRAMMAR AND PHONETICS

Variability of Prosodic Characteristics in Political Speech GLADKIKH M. V.	89
Latin and Italian Proverbs from the Point of View of Intra-genetic Typology SCALIA DAVIDE	97
Dynamics of Conceptual Approaches to the Development of Vocalism (based on the Mongolian language) GANBAATAR TSEND-AYUSH.....	105

LANGUAGE, CULTURE, TRANSLATION

Formal-Semantic Transformations of Special Vocabulary in Translation of Administrative Laws from Chinese into Russian LU WANG	111
Culturally Determined Meanings Translation Problems: "Untranslatable" Cultural Codes GUREVICH L. S.	119
Impacting Effect of Translated Texts of Medieval Arab Christian Literature (pragmalinguistic aspect) MATVEEVA G. G., MYASISHCHEV G. I., BELANOVA F. M.	127
Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation NA JUNYUAN, GUAN XIUJUAN, KARABULATOVA I. S.	134

LITERARY STUDIES

Ambivalent Image of Prometheus – Personification of the Dialectics of Nature and Civilization BONDAREV A. P.	143
Images of Switzerland and Italy in the Novella by H. James "Daisy Miller": on the Issue of Art Space RARENKO M. B.	153

CULTUROLOGY

Time and Chronotope in the Philosophy and Art of the Silver Age of Russian Culture GORIN D. G.	159
The Inspirations of Susan Lang's Aesthetic Ideas of Art Symbols on Restaurant Space Design ZHU CHUANHUA.....	166

НАУКА О ЯЗЫКЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Научная статья
УДК 81-13/930

Теория и практика лингвистической историографии в научном творчестве Конрада Кёрнера

Т. А. Валиулина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tatiana.valiulina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вклад К. Кёрнера (1939–2022) в развитие лингвистической историографии, в частности учреждение профильного научного журнала, обоснование принципов позитивистского подхода к истории лингвистики, акцентирование внимания на важности совершенствования ее методологии. В работе анализируются ключевые тезисы историографической концепции К. Кёрнера и на основании их сопоставления с его практическими историографическими исследованиями делается вывод о том, что К. Кёрнер не всегда был последователен в соблюдении собственных методических императивов.

Ключевые слова: лингвистическая историография, методология лингвистической историографии, Кёрнер, Шмиттер, позитивизм, субъективизм, история лингвистики

Для цитирования: Валиулина Т. А. Теория и практика лингвистической историографии в научном творчестве Конрада Кёрнера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 9–15.

Original article

Theory and Practice of Linguistic Historiography in the Scientific Work of Konrad Koerner

Tatiana A. Valiulina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tatiana.valiulina@gmail.com

Abstract. The article explores the contribution of K. Kerner (1939-2022) to the development of linguistic historiography, in particular the establishment of a specialized scientific journal, the substantiation of the principles of a positivist approach to the history of linguistics, and the emphasis on the importance of improving the methodology of this area. The paper examines the key tenets of K. Koerner's historiographical concept and based on their comparison with his practical historiographical research concludes that K. Koerner was not always consistent in following his own methodological imperatives.

Keywords: linguistic historiography, methodology of linguistic historiography, Koerner, Schmitter, positivism, subjectivism, history of linguistics

For citation: Valiulina, T. A (2024). Theory and practice of linguistic historiography in the scientific work of Konrad Koerner. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обсуждения теории и практики лингвистической историографии обусловлена как важностью исторического осмысления достижений науки, так и выявлением актуальных тенденций, приоритетных направлений и методов. Хотя историографы не всегда получают такое всемирное признание, как те ученые, чье академическое творчество они анализируют, это нисколько не умаляет их значимости для развития и популяризации науки.

6 января 2022 года умер Эрнст Фридерик Конрад Кёрнер (Ernst Frideryk Konrad Koerner (1939–2022)), «неутомимый исследователь» и один из «пионеров лингвистической историографии»¹ [In Memoriam: E.F.K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022)]. Трудно переоценить его вклад в развитие лингвистической историографии в Европе и Америке. Научная карьера К. Кёрнера была долгой и плодотворной. Преподавать в Оттавском университете К. Кёрнер начал в 1976 году и завершил работу в 2001 году в статусе эмерит-профессора, после чего вернулся в Берлин. Он работал в университетах Техаса, Индианы, Регенсбурга, был приглашенным профессором Британской академии наук, имел статус почетного доктора университетов Эдинбурга, Софии, Торуня, а также Санкт-Петербургского университета. К. Кёрнер был членом оргкомитета XII международного конгресса по истории языкознания, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2011 году.

Со своей главной сферой научных интересов К. Кёрнер определился на этапе работы над докторской диссертацией в Канаде, в Университете Саймона Фрейзера, об истоках лингвистической концепции Ф. де Соссюра и ее эволюции в западном языкознании, которую он представил в 1971 году под руководством Дж. Л. Бурсилл-Холла (G. L. Bursill-Hall (1920–1998)). В 1973 году К. Кёрнер основал «Historiographia Linguistica», первый журнал, посвященный истории лингвистики, и до конца жизни оставался его консультирующим редактором.

Важной частью наследия К. Кёрнера является его теоретическая концепция лингвистической историографии, которую он обсуждает в ряде монографий и статей.

ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К. КЁРНЕРА К ИСТОРИОГРАФИИ

Канадский лингвист, эмерит-профессор университета Калгари, Д. Уокер (Douglas Walker) описал К. Кёрнера как ученого «плодовитого,

педантичного и склонного вступать в полемику» [Walker, 1996, с. 404]. Рассмотрение научного наследия К. Кёрнера заставляет согласиться с данной характеристикой.

В своих методологических работах К. Кёрнер проводит мысль о том, что история в силу зачастую интерпретирующего характера неточна и предвзята. Разоблачение исторических мифов и проблематизация укоренившихся трактовок стали лейтмотивом практических исследований К. Кёрнера. Как позитивист «в широком смысле слова» [Koerner, 2005, с. 154] К. Кёрнер принял в качестве лозунга методический постулат Л. Ранке: «История не должна судить прошлое, поучать настоящее на благо грядущих веков. Ее цель состоит только в том, чтобы показать то, что происходило на самом деле» [Ranke, 1824, с. v–vi].

В данной связи представляется логичным, что в свою типологию историографических нарративов [Koerner, 1999, 2005, с. 292–295]. К. Кёрнер заложил критерий объективности. К пристрастным видам историописания он относил, во-первых, *резюмирующие нарративы*, авторы которых сами принадлежат к описываемым направлениям и стремятся подчеркнуть, что «основные научные цели были достигнуты» [Koerner, 1999, с. 217]; во-вторых, *пропагандистский подход*, или «вигскую интерпретацию истории» [там же, с. 219], цель которого «начать кампанию против ранее популярных взглядов и по сей день превалирующих доктрин» [Koerner, 1974, с. 2]. К. Кёрнер уточняет, что к этому подходу склонны прибегать молодые ученые («an individual usually in his thirties» [Koerner, 1999, с. 217] в попытках доказать, что их предшественники зашли в тупик. Неудивительно, что к представителям пропагандистского стиля он относит Н. Хомского и Ф. Ньюмейера. И хотя, по признанию К. Кёрнера, в первых двух типах историй можно найти достаточно полезной информации, такие нарративы быстро устаревают, как только «их специальная миссия выполнена» [там же, с. 217], и в целом их не стоит считать историей в полном смысле слова [там же, с. 222].

Следующие два типа, выделенные К. Кёрнером, более совершенны с точки зрения непредвзятости автора. *История идей* (Problemgeschichte) не отстаивает правильность отдельных парадигм и не приводит «аргументы в пользу научных революций внутри дисциплины» [там же, с. 220], а просто описывает развитие научной мысли. В качестве примера такого подхода К. Кёрнер приводит труд Г. Аренса (Sprachwissenschaft (1969)). Но несмотря на уважительное отношение к этому типу, он все же продвигает необходимость развития собственно *историографии лингвистики* – «описания лингвистического прошлого, являющегося неотъемлемой частью самой дисциплины» [Там же, с. 222] и «базирующего

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. В.

на строго определенных принципах» [Koerner, 2005, с. 295], «обоснованных и тщательно соблюдаемых методах» [Koerner, 1999, с. 217]. К. Кёрнер выражает сомнения в возможности создания универсальной методологии лингвистической историографии, поэтому ограничивается выдвижением принципов, которые бы задали некоторые методологические рамки и сделали «исторические интерпретации понятными» [Koerner, 1995, с. 23] и убедительными даже для тех, кто стоит на других теоретико-методологических позициях.

Анализируя проблему метаязыка в лингвистической историографической практике, К. Кёрнер выдвигает ряд принципов, которые могут быть трактованы шире и применимы не только к проблеме терминологии, но и к другим сторонам составления историографических нарративов:

1. Первоочередным принципом, или «первым шагом в лингвистической историографии» К. Кёрнер считает контекстуализацию, т.е. учет «духа времени» (Zeitgeist) [Koerner, 1995, с. 17].

2. Второй принцип – имманентности – особо примечателен: в нём присутствует доля противоречия. К. Кёрнер с долей скепсиса отзывается о нарративном подходе Х. Уайта. Он утверждает, что последний занят «не собственным историческим описанием, а анализом и критикой исторических дискурсов» [Там же, с. 10]. И однако, объясняя суть принципа имманентности, К. Кёрнер настаивает на получении полного – «исторического, критического, и, возможно даже филологического» – понимания изучаемого текста, которое достигается путем погружения в контекст и абстрагирования от современных лингвистических доктрин и собственных установок [Там же, с. 18].

3. Принцип соответствия – проведение аналогии между изучаемыми историческими объектами и современными концепциями. Он, в свою очередь, реализуется при условии соблюдения двух предыдущих принципов.

К. Кёрнер обосновывает важность лингвистической историографии, но не предлагает конкретных приемов работы с историческим материалом. Однако модели развития научного знания подробно им описываются и последовательно применяются в его практических исследованиях. К. Кёрнер выделяет целый ряд способов моделирования научного прогресса.

1. Понимание развития науки как простого преумножения знания («Progress-by-Accumulation») он считает «немного наивным и слишком оптимистичным» [Koerner, 1989, с. 51].

2. Модель «магистральное направление и периферийные течения» («Mainstream – vs – Undercurrent») отражает существование центральных тенденций

и второстепенных тенденций в языкознании. Доминирование отдельных парадигм определяется как интралингвистическими факторами, так и идеологическими, политическими и социальными причинами.

3. Маятниковая модель («Pendulum-Swing Model») делает акцент на «чередовании противоположных походов» [Koerner, 1989, с. 52]. Ее ограничение заключается в том, что она фиксирует смену приоритетных направлений, но не объясняет причины изменений.

4. Линейная модель «прерывание традиции – преемственность» («Discontinuity – vs – Continuity») показывает, как некогда популярные тенденции могут «угасать» или «снискать дурную репутацию» [Koerner, 1989, с. 53], а через некоторое время вернуться на авансцену в новой интерпретации на новом этапе развития науки.

5. Модель «относительного прогресса» («Relative Progress Model») отражает те же процессы, что и маятниковая модель, но графически представляет научный прогресс в виде спирали, и особый акцент делается на том, что на каждом новом витке повторение старых тем происходит на качественно новом уровне.

К. Кёрнер указывает на то, что все вышеописанные модели сосредоточены на интралингвистических процессах, но «дисциплины существуют не в вакууме, а зависят от общества, придерживающегося определенных идей, а иногда и идеологий», поэтому важно учитывать экстралингвистические факторы [Там же, с. 55].

6. Модель «экстралингвистического влияния» (Extra-Linguistic Influence Model) является «дополненным вариантом маятниковой модели» [Там же, с. 55]. В нее вписаны превалирующие парадигмы других наук и общий климат научных мнений – всё перечисленное предстает в качестве совокупности факторов развития лингвистики. Недостатком этого способа моделирования прогресса К. Кёрнер называет отсутствие внимания к социальным и политическим процессам.

Что касается мнения К. Кёрнера о валидности приведенных выше моделей, он справедливо отмечает, что не существует универсальных моделей, учитывающих «все события и тенденции изучаемого периода», «любая модель является слишком негибкой» [Там же, с. 53], чтобы применять ее во всех случаях. Однако полностью несостоятельной ему представляется только кумулятивная модель.

Заметим, что хотя историограф красноречиво выступал за совершенствование методологии и настаивал на том, что историография лингвистики должна ставить во главу угла теорию (theory-oriented), а не фактический материал (data-oriented) [Koerner, 1995, с. 4–5], сам он не предложил

никакой идеальной программы исследования или алгоритма создания исторических нарративов в отличие от немецкого лингвиста П. Шмиттера, его оппонента по вопросу допустимости субъективности в историописании. П. Шмиттер, крупнейший представитель нарративного направления в лингвистической историографии, понимал историю как «реконструирующее повествование» (*rekonstruierende Erzählung*) [Schmitter, 1982, с. 56]. По П. Шмиттеру, настоящую историю от хроники отличает присутствие в тексте двух типов связей: нарративных (объясняющих переход из состояния X в состояние Y на основе внешних причин) и аналогово-нарративных (объясняющих внутреннюю динамику научных теорий) [Schmitter, 2003, с. 99].

П. Шмиттер признает возможность субъективности в исторической реконструкции, которая не отменяет валидности результатов при должной степени аргументированности выводов и прозрачности процедуры. К. Кёрнер же убежден в том, что «некоторые интерпретации истории правдивее других» [Koerner, 1995, с. 21]. П. Шмиттер подобную позицию своего оппонента называет не позитивизмом, а «наивным реализмом, в котором исторический объект видится как непосредственная данность, не требующая объяснения» [Schmitter, 2003, с. 52]. То, какие факты историограф использует для выстраивания их в цепочку событий, зависит от задач исследования, логики повествования, личных установок автора. Таким образом, каким бы глубоким и обоснованным ни был исторический нарратив, он не может включить в себя все многообразие фактов рассматриваемого периода – отсюда неизбежная субъективность.

К. Кёрнер считает, что работы П. Шмиттера представляют собой «добротные традиционные историографические исследования» [Koerner, 1995, с. 21–22] потому, что тот нестрого придерживается своих философско-методологических установок. Интересно, что при подробном изучении исторических нарративов К. Кёрнера напрашивается вывод о том, что его методология как раз в полной мере соответствует процедуре, описанной П. Шмиттером. То есть их идеологические разногласия не отражались непосредственно на историографической работе.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА К. КЁРНЕРА

Рассматривая американский структурализм 1930–1950-х годов, К. Кёрнер устанавливает нарративную связь между событиями, способствующими смещению исследовательских приоритетов в сторону структурализма. Ко внешним факторам

он относит прикладную значимость данного направления, с чем была связана серьезная государственная институциональная и финансовая поддержка. К. Кёрнер также выявляет аналогово-нарративный аспект, описывая внутреннюю логику развития науки: когда Ф. Боас и несколько поколений его учеников заинтересовались анализом бесписьменных языков коренных народов Америки, именно структурализм оказался наилучшим путем решения данной задачи [Koerner, 2005].

Интересно, как в рассмотрении К. Кёрнером научного творчества Л. Блумфилда сочетаются использование модели «экстралингвистического влияния» и принципы реконструирующего описания по П. Шмиттеру. Исключительно важен тот факт, что для интерпретации научных взглядов Л. Блумфилда К. Кёрнер привлекает биографическую информацию, раскрывающую внешние факторы его становления: Л. Блумфилд получил образование в Германии и был хорошо знаком с младограмматическим направлением (большая часть книги «*Language*» посвящена сравнительному языкознанию) и современной ему психологией (по признанию Л. Блумфилда, работа «Введение в изучение языка» основана на психологии В. Вундта). Достоинством обзора К. Кёрнера является указание на эволюцию взглядов Л. Блумфилда и переход, вдохновленный А. П. Вайсом (Albert Paul Weiss (1879–1931)), на позиции бихевиоризма в трактовке термина «значение». С позиции метаисториографического анализа, стоит отметить, что К. Кёрнер уделяет такое внимание вопросу значения, ставшему камнем преткновения для американского структурализма, поскольку это помогает ему моделировать развитие американского языкознания, выявить аналого-нарративные связи. К. Кёрнер пишет, что внимание к вопросам значения в конце 1950-х годов пропало (*problems concerning the statement of meaning in linguistic description appeared to have vanished*) [Koerner, 2005, с. 94]. Смещение фокуса внимания с морфологии и фонологии на синтаксис К. Кёрнер объясняет путем выявления накопившихся противоречий и подробной демонстрации объема разногласий по поводу ментализма. Развивая тему разногласий по поводу проблемы значения в лингвистике, К. Кёрнер ставит вопрос взлета и падения генеративной семантики. Для решения этого вопроса он применяет модель «магистральное направление и периферийные течения». По мнению К. Кёрнера, оппоненты Н. Хомского потерпели поражение по причине неспособности их теории решить поставленные проблемы. Здесь К. Кёрнер уходит с позиции стороннего наблюдателя и высказывает своё мнение об ограничениях генеративной семантики

(ГС): «Действительно, что касается значения, ГС предложила больше декларативных заявлений, чем конкретных решений» [Koerner, 2005, с. 126]. Важным фактором в поражении генеративной семантики К. Кёрнер также видит институциональную и финансовую мощь генеративной грамматики Н. Хомского, с которой не могла конкурировать ГС. Упадок ГС К. Кёрнер объясняет внутренними причинами (невозможность с помощью данной теории ответить на поставленные вопросы), а также внешними – социальными, институциональными факторами [Koerner, 2005, с. 193–194] и карьерными соображениями сторонников ГС. Таким образом, К. Кёрнер в своей историографической работе критическими высказываниями о Н. Хомском нарушает упоминавшийся выше принцип Л. Ранке, согласно которому «история не должна судить прошлое» [Ranke, 1824, с. v–vi], К. Кёрнер пропагандирует данный принцип в теоретических статьях, высказываясь против «предвзятых интерпретаций ... последних лет» [Koerner, 2005, с. 154].

Примеры резких и эмоциональных высказываний К. Кёрнера в адрес Н. Хомского многочисленны. Из обзора К. Кёрнера выстраивается нелестный портрет личности Н. Хомского. В частности, К. Кёрнер критически оценивает «методы борьбы [Н. Хомского] с его противниками, его отношение к чужой интеллектуальной собственности и его прочие человеческие недостатки» [Koerner, 2005, с. 114]; «его риторические стратегии, привычку иносказания и неверных интерпретаций чужих взглядов» [там же, с. 120]; а также на то, как Н. Хомский «занимался переписыванием своего прошлого» [там же, с. 180], «создавал эрза-историю» [там же, с. 213].

Среди методологических вопросов, интересовавших К. Кёрнера, особое место отводилось определению истоков лингвистических концепций и доказательству влияния ученых на своих последователей. Задача историка состоит в том, чтобы распознать *косвенное влияние* ученых друг на друга, которое определяется общей академической средой и интеллектуальным климатом, а также указать на *прямое влияние*, т. е. заимствование и развитие идей предшественников и современников. Оно подтверждается эксплицитно цитатами, ссылками и прочими публичными признаниями авторов своих источников научного вдохновения. Но и констатация непосредственного влияния требует от историка подробного анализа текстов и внешних факторов, поскольку, по наблюдению К. Кёрнера, некоторые ученые отстаивают свое новаторство и не признают, что их концепции базируются на чьих-то достижениях.

К. Кёрнера как специалиста по научному творчеству Ф. де Соссюра и активного критика личности

и лингвистической теории Н. Хомского очевидным образом интересовало отражении идей Ф. де Соссюра в концепции Н. Хомского. Этому вопросу он посвятил статью «Прочтение Н. Хомским Соссюра после 1961 года», вышедшую сначала в сборнике «Professing Linguistic Historiography» [Koerner, 1995], а затем практически в той же редакции – в книге «Toward a History of American Linguistics» [Koerner, 2005]. Внимание К. Кёрнера к данной теме, вероятно, вызвано желанием показать взаимосвязь европейской и американской лингвистики в рамках его принципов моделирования исторических тенденций. К. Кёрнер делит творчество Н. Хомского за период 1951–1984 годов на четыре этапа в зависимости от источников, на которые он ссылается [Koerner, 1995, с. 102; Koerner, 2005, с. 137]. Пафос главы заключается не в доказательстве или опровержении того, что Н. Хомский вдохновлялся идеями Ф. Соссюра, В. Гумбольдта, О. Есперсена, а в подчеркивании и в подтверждении того, что Хомский не понял Ф. Соссюра и ссылался на него для легитимации собственных идей через «авторитет Соссюра». Так, по утверждению Кёрнера, Хомский обращался к работам своего предшественника, «не анализируя теорию Соссюра в целом, а вырывая... отдельные высказывания, удовлетворяющие его задачам» [Koerner, 2005, с. 146]. В частности, К. Кёрнер пишет: «Хомский не только неправильно истолковал Соссюра и проигнорировал большинство характерных черт языка в концепции языка Соссюра, но... и не проявлял глубокой заинтересованности в лингвистической теории Соссюра... Однако желание Хомского найти точки соприкосновения с Соссюром интересны в данном контексте» [Koerner, 2005, с. 139].

Поскольку важное место в методологии К. Кёрнера занимает описание моделей развития науки, совершенно логично то обстоятельство, что К. Кёрнер не обошел вниманием вопрос о том, совершил ли Н. Хомский научную революцию. Этому он посвятил статью «Хомскианская революция и её историография» [Koerner, 1983], а её расширенную и дополненную версию он включил в книгу об американской лингвистике [Koerner, 2005]. Работа К. Кёрнера посвящена доказательству того, что теория Хомского была результатом «эволюции проводившейся в то время работы» [там же, с. 179], а не совершила революцию в языкознании, не привела к смене парадигмы, т. е. «рамки проведения исследования» не были «заменены предыдущими или конкурирующими рамками» [там же, с. 162]. Представляется, что наряду с анализом парадигм, еще одной задачей К. Кёрнера могло быть определение экстралингвистических факторов популярности концепции Н. Хомского и указание на его

стремление к безоговорочному лидерству: «Хомский и его сторонники ... хотели только победить в сражении так, чтобы реванш был невозможен» [Koerner, 2005, с. 192].

К. Кёрнер отмечает незрелые попытки Н. Хомского и Ф. Ньюмейера установить приоритет идей Хомского над работой З. Харриса и подчеркнуть «новизну его [Хомского] подхода» [Koerner, 2005, с. 180]. Один из доводов, приводимый К. Кёрнером в пользу преемственности, а не революции в лингвистике – работа Ч. Ф. Хоккета «Две модели грамматического описания» (написана в 1949–1951 годы, опубликована в 1954 году), где он «поднимает проблемы, с которыми Хомский в дальнейшем справился более успешно» [Koerner, 2005, с. 181]. Ф. Ньюмейер парирует данное утверждение следующим образом: «Кёрнер, очевидно не знаком с работами Хомского», указывая на то, что бакалаврская и магистерская работы Н. Хомского, «предлагающие генеративный анализ иврита, опережают работы Харриса и Хоккета на несколько лет» [Newmeyer, 1986, с. 5].

Интересно находить предполагаемые проявления предвзятости в трудах историографа, пропагандирующего объективность и нейтральность и критикующего коллег за субъективность. Во вступлении к книге «Toward a History of American Linguistics» К. Кёрнер подчеркивает необходимость того, чтобы историк «не был причастен к рассматриваемым им событиям и не имел личной заинтересованности в результате исследования» [Koerner, 2005, с. 154]. И в этой же работе мы находим пример обратной ситуации. Так, сложно не заметить негативное отношение К. Кёрнера и к Н. Хомскому, и к его историографу Ф. Ньюмейеру. Но как сообщает К. Кёрнер в своих воспоминаниях, проблема не только в научных разногласиях, но и в личной обиде: будучи редактором журнала «Language», Ф. Ньюмейер отклонил статью К. Кёрнера с замечаниями в свой адрес «по вопросу интерпретации истории американской лингвистики» [Koerner, 2005, с. 196], но воспользовался служебным положением, чтобы прокомментировать критические соображения К. Кёрнера в том же номере. К. Кёрнер рассказывает об этом в сносках, мелким шрифтом, но данный сюжет во

многом проявляет такой объем негативного внимания к данным личностям и лишает историографа статуса беспристрастного наблюдателя.

Абстрагируясь от явного отсутствия симпатии К. Кёрнера к Н. Хомскому и расставленных им в связи с этим акцентов, необходимо подчеркнуть, что труды К. Кёрнера являются образцом тщательной историографической работы с источниками: проведен подробный анализ интра- и экстралингвистических факторов, способствующих становлению и популяризации порождающей грамматики, и рассмотрен обширный список работ предшественников, современников и последователей Н. Хомского. Однако оценочные суждения К. Кёрнера вызывают сомнения в том, может ли он описывать события «так, как они на самом деле происходили» [Ranke, 1824, с. v–vi] и не стать участником «контрреволюции» против Н. Хомского. Во вступлении к статье о хомскианской революции К. Кёрнер пишет, что «не будет навязывать интерпретации и предоставит читателю сделать выводы» [Koerner, 2005, с. 152], но его эмоциональное отношение к вопросу приводит к созданию достаточно предвзятого нарратива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что К. Кёрнер критикует концепцию П. Шмиттера, в работе К. Кёрнера встречаются большинство элементов нарративного метода. В соответствии со своими методическими тезисами К. Кёрнер последовательно применяет модели описания лингвистических тенденций, прослеживая преемственность концепций и устанавливая влияние одних ученых на других. Примеры из его трудов показывают, что императив К. Кёрнера, согласно которому история должна быть точным отражением описываемых событий, оказался невыполнимым. Стремление к построению объективной истории науки может быть полезным и даже необходимым ориентиром для историографа, однако позиция П. Шмиттера, основанная на принятии субъективности интерпретаций при полноте данных, эксплицитности методологии и обоснованности выводов, кажется более реалистичной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. In memoriam: E. F. K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022) // North American Association for the History of the Language Sciences. 2022, January 15. URL: <https://naahols.wordpress.com/in-memoriam-e-f-k-koerner-feb-5-1939-jan-6-2022/>.
2. Walker D. C. Konrad Koerner. Professing Linguistic Historiography. In the Series Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science 79. Amsterdam: John Benjamins, 1995 // Canadian Journal of Linguistics. 1996. Vol. 41. №4. P. 404–407. doi:10.1017/S0008413100016728
3. Koerner E. F. K. Toward a History of American Linguistics. London, New York: Routledge, 2005.
4. Ranke L. Geschichten der Romanischen und Germanischen Völker von 1494 bis 1535. Band 1. Leipzig & Berlin: Georg Reimer, 1824.
5. Koerner E. F. K. What is the History of Linguistics Good for? // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. 1999. Vol. 9. № 2. P. 209–230.

6. Koerner E. F. K. Purpose and Scope of Historiographia Linguistica. Editorial // Historiographia Linguistica. 1974. Vol. 1. № 1. P. 1–10.
7. Koerner E. F. K. Professing Linguistic Historiography. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1995.
8. Koerner E. F. K. Practicing linguistic historiography: selected essays. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1989.
9. Schmitter C. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik Struktur–Methodik–theoret. Fundierung. Tübingen: Narr, 1982.
10. Schmitter C. Historiographie und Narration. Metahistoriographische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. Seoul: Sowadalmmedia / Tübingen: Narr, 2003.
11. Koerner E. F. K. The Chomskyan 'revolution' and its historiography: a few critical remarks // Language & Communication. 1983. Vol. 3 (2). P. 147–169. [https://doi.org/10.1016/0271-5309\(83\)90012-5](https://doi.org/10.1016/0271-5309(83)90012-5).
12. Newmeyer F. J. Has There Been a "Chomskyan Revolution" in Linguistics? // Language. 1986. Vol. 62. № 1. P. 1–18. doi:10.2307/415597.

REFERENCES

1. In memoriam: E. F. K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022). (2022, January 15). North American Association for the History of the Language Sciences. <https://naahols.wordpress.com/in-memoriam-e-f-k-koerner-feb-5-1939-jan-6-2022/>.
2. Walker, D. (1996). Konrad Koerner. Professing Linguistic Historiography. In the series Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science 79. Amsterdam: John Benjamins, 1995. Canadian Journal of Linguistics, 41(4), 404–407. doi:10.1017/S0008413100016728.
3. Koerner, E.F.K. (2005). Toward a History of American Linguistics. London, New York: Routledge.
4. Ranke, L. (1824). Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535 (Band 1). Leipzig & Berlin: Georg Reimer.
5. Koerner, E. F. K. (1999). What is the History of Linguistics Good for? Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft, 9(2), 209–230.
6. Koerner, E. F. K. (1974). Purpose and scope of Historiographia Linguistica. Historiographia Linguistica, 1(1), 1–10. <https://doi.org/10.1075/hl.1.1.01edi>.
7. Koerner, E. (1995). Professing Linguistic Historiography. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
8. Koerner, E. (1989). Practicing linguistic historiography. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing.
9. Schmitter, C. (1982). Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik: Struktur, Methodik, theoretische Fundierung. Tübingen: Narr.
10. Schmitter, C. (2003): Historiographie und Narration. Metahistoriographische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. Seoul: Sowadalmmedia / Tübingen: Narr.
11. Koerner, K. (1983). The Chomskyan 'revolution' and its historiography: A few critical remarks. Language & Communication, 3(2), 147–169. [https://doi.org/10.1016/0271-5309\(83\)90012-5](https://doi.org/10.1016/0271-5309(83)90012-5).
12. Newmeyer, F. J. (1986). Has there been a "Chomskyan revolution" in linguistics? Language, 62(1), 1–18. <https://doi.org/10.2307/415597>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валиулина Татьяна Андреевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valiulina Tatiana Andreevna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Media Technologies
The Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
05.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Носитель языка и родной язык: метаморфозы понятий

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление причин сдвигов в содержательной интерпретации и аксиологическом компоненте понятий «носитель языка» и «родной язык» в социолингвистике XX–XXI веков. Показано, что в эпоху глобализации в условиях массовых миграций четыре базовых критерия «родного языка» (происхождение, компетенция, функция, идентификация) нередко вступают в противоречие друг с другом, в результате чего социолингвисты часто отказываются от прототипических моделей родного языка и его носителя в пользу моделей, учитывающих лишь один критерий.

Ключевые слова: родной язык, носитель языка, терминология социолингвистики, билингвизм, языковое варьирование

Для цитирования: Германова Н. Н. Носитель языка и родной язык: метаморфозы понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 16–22.

Original article

Native Speaker and Native Language: Transformations of the Concepts

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru

Annotation. The author analyses the causes of the changes in the contents and the axiological component of the notions 'native language' and 'native speaker' in sociolinguistics in the 20–21 centuries. It is shown that in the epoch of mass migration the four basic criteria defining the native language (origin, competence, function, identification) often come in collision, which makes sociolinguists drop the prototypical models of the 'native language' and 'native speaker', relying instead on models based on one criteria only.

Keywords native language, native speaker, sociolinguistic terminology, bilingualism, language variation

For citation: Guermanova, N. N. (2024). Native speaker and native language: transformations of the concepts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 16–22. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «native speaker» хорошо известно каждому, кто преподает или изучает иностранный язык, в особенности английский язык. Традиционный перевод этого термина на русский язык звучит как «носитель языка», хотя точнее было бы перевести это словосочетание как «носитель *родного* языка»¹. Однако привычное сокращение этого термина весьма показательное – оно в имплицитной форме отражает распространенное убеждение в том, что только тот, для кого язык является родным, может считаться его полноценным носителем. Это понятие сыграло большую роль в социолингвистике, генеративной лингвистике, а также в лингводидактике, где образцом для подражания при изучении иностранного языка долгое время считалась (и нередко по-прежнему считается) речевая практика носителей языка, чья лингвистическая компетенция не подвергалась сомнению.

Заметим, что хотя сам термин «native speaker» и дискуссия вокруг него во многом фокусируются на английском языке, их значимость выходит за пределы англистики: это понятие существенно для теории социолингвистики и представляет несомненный интерес для общей теории языка, лингводидактики, психолингвистики. Некоторые авторы также связывают его с принятой в генеративной лингвистике теорией нативизма, предполагающей врожденный характер языка.

В последней четверти XX века понятие «native speaker» было подвергнуто критике. «Носитель языка» был объявлен социальным конструктом, «разделяющим орудием этнолингвистического национализма» [Bonfiglio, 2010, с. 23], то есть идеологически неприемлемым мифом, дискриминирующим большое число говорящих на любом полинациональном языке.

Споры вокруг понятия «носитель языка» отражали глубокие изменения в представлениях о социолингвистической иерархии языков и их носителей. Речь идет о пересмотре целого кластера оппозиций: монологизм vs билингвизм (полилингвизм, транслингвизм); родной (материнский, первый) язык vs неродной (второй, иностранный) язык; стандартный язык vs диалект. В преломленном виде этот спор отражает дискуссию примордиалистов и социальных конструктивистов, затрагивая проблему природы языка и его роли в формировании этнического самосознания.

¹В дальнейшем мы будем преимущественно пользоваться термином «носитель языка», поскольку более точный эквивалент англоязычного термина «native speaker» – «носитель родного языка» – не прошел процесс терминологизации.

В настоящей статье представлен обзор трансформации понятий «носитель (родного) языка» и «родной язык» в социолингвистике XX–XXI веков. Целью статьи является выявление причин сдвигов в содержательной интерпретации и аксиологическом компоненте понятий «носитель языка» и «родной язык». В качестве метода исследования использован теоретический анализ научной литературы.

НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Ценность знания родного языка не всегда была очевидной. В эпоху средневекового двуязычия престижным в социальном и культурном плане было использование не родного, а чужого языка. Так, в средневековой западной Европе на вершине лингвистической пирамиды находилась латынь, которая не была родным языком для тех, кто ее использовал в религии, науке, литературе, системе образования: «для всех она была вторым языком, и никто не мог претендовать на обладание особыми правами на нее по праву рождения» [Bonfiglio, 2010, с. 23]. Языки на народной основе, так называемые «вернакуляры» (vernaculars), родные для их носителей, использовались для повседневного общения и не пользовались социальным и культурным престижем, по крайней мере, в эпоху раннего средневековья.

Понятие «носитель родного языка» (пока еще не терминологизированное) с характерными для него позитивными обертонами формируется в определенном историческом контексте. Это понятие оказалось связанным с представлением о родном языке как константной составляющей в формировании народного духа. Данное представление восходит к эпохе романтического национализма, когда складывались национальные государства с их идеологией «одно государство – один этнос – один язык».

В лингвистике эта концепция находит мощную опору в работах И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, В. фон Гумбольдта и других авторов, которые воспринимали язык как основу этнической идентичности. В их трудах роль языка в очерчивании этнических границ не сводилась к коммуникативному аспекту: язык, как предполагалось, выражает и формирует дух народа, воплощая определенное мировидение, которое через язык передается от поколения к поколению. Таким образом, язык связывается с территорией обитания этноса и с его исторической судьбой, а его носитель через знание этого языка приобщается к духовным ценностям (Volkgeist) своего народа. Такое понимание языка, при котором последний наделяется некими неизменными

свойствами, отражающими «дух народа», которые этнос проносит в чистоте и нетронутости сквозь тысячелетия своего существования, в своей основе является примордиалистским. Некоторые авторы утверждают, что «идеология родного языка и носителя языка» увязывает также язык и расу, усматривая истоки этой идеологии в теории органичности языка и изучении генеалогических связей языков, которые достигли пика в XIX веке в сравнительно-историческом языкознании [Bonfiglio, 2010].

Сам термин «native speaker» в его английском варианте впервые зафиксирован в 1859 году в обращении Дж. П. Марша к университету Колумбия в Нью-Йорке, в котором американский дипломат и филолог ратовал за продвижение английской филологии в университетском образовании. Он также встречается в работах американского лингвиста У. Д. Уитни (1827–1894) и британского лексикографа и историка английского языка Г. С. Уайлда (1870–1945). Прилагательное *native* встречалось, даже с большей частотностью, в словосочетаниях *native language*, *native word*, причем нередко в контекстах, подчеркивавших чистоту и аутентичность языка, то есть исконный характер лексики, отсутствие заимствований и т. п. [Hackert, 2012].

Представления об особой роли родного языка нашли отражение и в отечественной культуре. Так, по мнению К. Д. Ушинского, для духовного развития ребенка не безразлично, на каком языке он заговорит: «если язык, на котором начинает говорить дитя, противоречит врождённому национальному его характеру, то этот язык никогда не окажет такого сильного влияния на его духовное развитие, какое оказал бы родной ему язык; никогда не проникнет так глубоко в его дух и тело, никогда не пустит таких глубоких, здоровых корней, обещающих богатое, обильное развитие» [Ушинский, 1948, с. 563].

Такое видение роли родного языка в формировании когнитивных способностей индивида и этнического мировидения лежит в основе иерархизации носителей языка, в результате которой носитель родного языка наделяется интуитивной идеальной лингвистической компетенцией. Этот взгляд характерен для генеративной лингвистики, где носитель языка – разумеется, только тот, для кого этот язык является родным – наделяется способностью интуитивно отличать правильные, то есть возможные в данном языке высказывания, от неправильных и производить правильные высказывания.

Подобные взгляды часто увязываются с пуристическими представлениями о необходимости заботы о чистоте языка: идеальный носитель языка является монолингвом, чей язык не замутнен влиянием чужих языков. Приоритет, который отдают родному языку приверженцы данной точки зрения,

делает дискуссионным вопрос о пользе билингвизма, по крайней мере, в раннем возрасте. Представления о негативном воздействии билингвизма на речемыслительную деятельность были распространены до 20-х годов XX века; начиная с 30-х годов вектор отношения к билингвизму сменяется на нейтральный, а затем и на позитивный.

В течение первых двух третей XX века понятия «носитель языка» и «родной язык» в их сугубо позитивной окраске казались самоочевидными. Критика понятия «носитель языка» начинается в 80-е годы XX века, прежде всего в англоязычной лингвистике. Последнее не случайно: обратной стороной глобализации в области языка является так называемая глокализация, т. е. усиление вариативности за счет образования региональных вариантов языка. Этот процесс, характерный для любого полинационального языка, проявился в английском языке с особой отчетливостью.

Данные процессы влекут за собой плюралистическое видение языка, и в англистике набирает обороты изучение эндоном английского языка. Исследователи подчеркивают, что «все 'world Englishes' (родные и неродные) в равной степени принадлежат всем, кто их использует, и заслуживают серьезного и последовательного изучения по отдельности и в совокупности» [McArthur, 1998, с. 61].

Среди различных терминов, номинирующих английский язык в международном контексте, особое значение приобретают аббревиатуры EIL (English as an International Language) и ELF (English as Lingua Franca). За ними стоят две различные концепции: в то время как теория EIL подразумевает дескриптивное изучение английского языка в его региональном разнообразии, теория ELF нацелена на изучение английского языка как лингва франка: под ELF понимается усредненный транснациональный вариант английского языка, который используют те, для кого английский является вторым или иностранным языком. Объединяет концепции EIL и ELF то обстоятельство, что они обе описывают варианты английского языка, не являющиеся родными для их носителей.

Поворот к изучению вариативности английского языка имеет социально-исторический подтекст: в постколониальный период демографический профиль носителей английского языка претерпел существенные изменения, и носители английского языка как родного остались в меньшинстве. Это касается и неанглоязычных регионов: становится очевидным, что большая часть человечества живет в условиях билингвизма и даже транслингвизма, так что в мировом масштабе монолингвизм является исключением, а не нормой или желанным идеалом.

Это приводит к радикальному пересмотру лингвистами концепции «native speaker» и самой

дихотомии родной / неродной язык. Начиная с середины 80-х годов XX века, выходит целый ряд научных работ с симптоматическими названиями «Носитель родного языка мертв!» (Т. Пайкдэй), «Лингвистика и миф нативизма» (К. Раджагопалан), «Упадок носителя родного языка» (Д. Граддол), «И где сейчас носитель языка?» (В. Кук), «Носитель родного языка: миф и реальность» (А. Дейвис) и др. Эти работы объединяет неприятие понятия «носитель родного языка», оно объявляется мифом, от которого следует отказаться; распространение получает оборот «native-speakerism», употребляемый, естественно, также с негативной окраской. Как пишет сторонник «социолингвистики глобализации» Й. Бломмерт, «хотя понятия «носитель родного языка», «материнский язык» и «этнолингвистическая группа» обладают значительной идеологической силой (и как таковые должны, безусловно, быть объектами анализа), им не место в инструментарии социолингвистики» [Blommaert, 2010, с. 12].

Критика концепции «native speaker» имела во многом лингвополитическую подоплеку и увязывалась с борьбой за языковые права билингвов, мигрантов, и других категорий «не-носителей» [Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1989]. Противники данной концепции указывали, что она имеет дискриминационный характер, поскольку в многоязычном мире ни одна нация не может предъявлять свои исключительные права на язык. Язык принадлежит всем, кто им пользуется, и представители любой нации имеют право использовать язык так, как того требуют их интересы, в том числе придерживаться собственных эндонорм.

Поскольку язык – явление не биологическое и не передается по наследству, носитель языка не может автоматически претендовать на врожденное совершенное знание родного языка. В практическом плане подобный подход оказывает существенное влияние на лингводидактику, поскольку ставит под сомнение преимущества учителя-носителя языка. Популярность приобретает тезис о том, что не-носитель языка (non-native speaker) или «почти-носитель» (near-native speaker) даже в большей степени подходит для иностранных учащихся как человек, лучше понимающий их проблемы и предлагающий учебной аудитории более достижимую модель речевой практики «почти носителя». Учителя-носителя языка также обвиняют в том, что вместе с языком он навязывает своей аудитории ценности чуждой ей западной культуры. Меняется и представление о цели изучения иностранного языка: это с точки зрения новой теории лингводидактики не достижение уровня языковой компетенции носителя языка, а приобретение знаний и навыков, достаточных для того, чтобы обеспечить взаимопонимание в

межкультурной коммуникации. Изменения столь велики, что исследователи говорят о «сдвиге лингводидактической парадигмы» обучения иностранному языку (V. Cook 1999, 2015; P. Mydgyes, 1999; G. M. Jacobs, T. S. Farrell, 2001; A. Holliday, 2006 и др.).

Однако сейчас, три десятилетия спустя, дискуссия вокруг понятия «носитель языка» приобретает более взвешенный характер. Исследователям приходится признать, что оно имеет не только прошлое, но также настоящее и будущее [The Changing Face of the “Native Speaker”, 2011, с. 5–6].

Прежде всего, оно сохраняет свой смысл для рядовых говорящих, которые часто испытывают эмоциональную привязанность к языку предков и идентифицируют себя и окружающих по языковому признаку. Языковая лояльность позволяет говорящим сохранить находящиеся в группе риска миноритарные языки, в том числе и в их экстерриториальном использовании. Для миллионов говорящих это понятие «достаточно реально, даже если анализ показывает, что носитель родного языка – это голый король» [Davies, 2013, с. 24].

Что касается лингвистов, то понятия родного / неродного языка являются принципиально важными для психолингвистов, изучающих когнитивные различия в процессе обучения родному и иностранному языкам, влияние билингвизма на интеллектуальное развитие ребенка, языковую компетенцию билингвов, особенности их ассоциативно-вербальных сетей и другие вопросы, связанные с механизмами овладения иностранным языком и переключением с одного языкового кода на другой. В некоторых научных традициях эти вопросы выходят на первый план: так, в центре французской психолингвистики оказывается проблема овладения родной речью [Баринова, 2022]. Они также актуальны для лингвистов, изучающих процессы интерференции при языковых контактах, а также ученых, работающих в сферах этнолингвистики, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, сопоставительной лингвопрагматики и в других областях, где на первый план выходит понятие лингвокультуры, неизбежно сопряженной с этническим языком.

Что касается лингводидактики, то в данной сфере наблюдаются инерционные тенденции: несмотря на прогноз относительно будущей институционализации эндонорм полинациональных языков, сделанный Б. Качру еще 30 лет назад, приходится признать, что местные эндонормы остаются по большей части узальными, часто являются непрестижными и проходят процесс кодификации только в сфере лексикографии; соответственно, преподаватели европейских языков в странах Азии и Африки (языки второго круга, по Б. Качру) по-прежнему используют в преподавательской практике учебники, ориентирующиеся

на нормы метрополии. Взгляды сторонников преподавания английского языка как «усредненного» общеевропейского лингва франка (Б. Зайдльхофер, М. Мондиано и др.) также имеют много противников среди практикующих педагогов и учащихся.

В любом случае, лингвистам не удалось предложить удачную альтернативу термину «native speaker», так что даже критики данной концепции вынуждены использовать этот привычный термин. Другими словами, проблема заключается не в термине и даже не в понятии, которое за ним стоит: проблематичной и даже неприемлемой в глазах многих исследователей остается его позитивная концептуализация и иерархизация носителей языка по этому признаку. Как пишут исследователи, лингвистика нуждается в «теоретических» (theoretical) конструктах и «обозначение 'native speaker', возможно, имеет будущее, если нам удастся освободить его от различных дискриминационных аспектов» [The Changing Face of the "Native Speaker", 2021, с. 6]

ДИСКУССИИ ВОКРУГ ПОНЯТИЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК»

Выше речь шла о критике понятия «носитель родного языка» с идеологической точки зрения. Но у этого понятия есть и собственно лингвистические слабые стороны, которые стали особенно заметными в эпоху глобализации.

Во-первых, это дихотомия «родной / неродной язык» и само понятие родного языка. В определениях родного языка (и, соответственно, носителя языка) обычно фигурируют четыре критерия: происхождение, компетенция, функция и самоидентификация:

- родной язык – это язык, который человек выучивает в младенчестве первым, перенимая его чаще всего от родителей в неформальной обстановке; в этом смысле его часто называют «материнским языком» (происхождение);
- язык, который он знает лучше всего, причем в этом плане с ним не могут сравниться те, для кого данный язык является вторым (компетенция);
- язык, который говорящий использует чаще всего и / или использует в наиболее интимных областях, таких, как ведение дневника, сновидения и т. п. (функция);
- язык, с которым он сам себя идентифицирует и с которым его идентифицируют окружающие (идентификация).

Когда речь идет о носителях мажоритарных языков, у них, как правило, есть язык, отвечающий всем этим критериям, который однозначно

квалифицируется как родной. Однако во многих случаях ситуация оказывается не столь очевидной. Вот некоторые возникающие вопросы: может ли билингв, воспитанный родителями-носителями разных языков, иметь два родных (первых) языка? Если ребенок растет в семье родителей-билингвов, имеет ли значение для определения его родного языка, в каком возрасте и в каком порядке он овладел языками своей семьи? И, в целом, в каком возрасте ребенок должен овладеть языком, чтобы он считался его родным языком? Какой язык следует считать родным у мигранта, заговорившего в младенчестве на языке своих предков, но перемещенного в раннем возрасте в другое языковое окружение или усыновленного (удочеренного) носителями другого языка, овладевшего языком новой страны-обитания и утратившего язык детства? Соответственно, может ли у человека на протяжении жизни меняться родной язык?

На наш взгляд, многозначность понятия «родной язык» отнюдь не является основанием для отказа от него. Если взглянуть на него с точки зрения когнитивной лингвистики, то перед нами сложная когнитивная модель, очень похожая на идеализированную когнитивную модель (ИКМ) «мать», которую Дж. Лакофф охарактеризовал как кластерную модель с радиальной структурой [Lakoff, Johnson, 2008]. Языки, отвечающие всем четырем критериям (происхождение, компетенция, функция, идентификация), составят центр данной категории с прототипическими эффектами; языки, отвечающие одному (нескольким) критериям, репрезентируют периферийные модели (родной язык – это доминантный язык, родной язык – это материнский язык и т. п.). Соответственно, ответ на перечисленные выше вопросы зависит от той когнитивной модели, которую берет за основу исследователь: для социолингвиста, занимающегося ревитализацией языков под угрозой исчезновения, на первый план может выйти критерий «идентификация»; для психолингвиста и сторонника генеративной лингвистики – критерии «происхождение» и «компетенция» и т. п.

Как отмечают Т. Скутнабб-Кангас и Р. Филипсон, проблема определения родного языка представляет не только академический интерес: при определении контуров языковой политики, разработки образовательных программ, для защиты языковых прав граждан бывает важно знать, сколько носителей того или иного языка проживает в многоэтническом государстве [Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1989]. С их точки зрения, акцент на функциях и компетенции при определении родного языка приводит к ущемлению языковых прав мигрантов и носителей миноритарных языков, которые не имеют возможности обучаться родному языку (в данном

контексте он понимается как материнский язык, язык предков, домашний язык) и использовать его в официальных контекстах.

Многие из дискуссий, разворачивающихся вокруг понятия «родной язык», связаны с критерием «компетенция». Вопрос заключается в том, могут ли говорящие, для которых некоторый язык не является родным по критерию «происхождение», овладеть им на уровне носителей языка; если это возможно, то в каком возрасте и в языковых практиках какого рода (в устной спонтанной или подготовленной письменной речи, литературном творчестве и т. п.). Отдельный вопрос возникает в связи с утверждением Н. Хомского, что носители языка обладают врожденной интуицией относительно возможного и невозможного на родном языке.

Проводимые исследования дают неоднозначные ответы на эти вопросы. Некоторые из них показали, что носители второго языка, даже достигшие высокого уровня коммуникативной компетенции, отличаются от носителей родного языка в том, что касается интерпретации высказываний без эксплицитного контекста (например, содержащих грамматические формы времени и залога [Corpieters, 1987], беглости речи [Götz, 2013] и ряда других параметров). Выводы этого рода представляют особый интерес для генеративной лингвистики для установления границ врожденной «универсальной грамматики». Авторы других исследований приходят, напротив, к выводу о возможности для «не-носителя» достичь компетенции носителя языка (Montrul, Slabakova, 2001; Birdsong, 1992; Bongaerts, 1999; Bruhn de Garavito, 1999, White, Genesee, 1996 и др.). В любом случае, исследователи соглашались с тем, что большую роль может иметь возраст, в котором говорящий освоил язык: люди, освоившие язык до 12 лет (или даже ранее) имеют больше шансов сравняться в компетенциях с носителями языка.

Критерий «компетенция» ставит перед исследователями еще один вопрос: поскольку любой язык вариативен, то компетенция в каком из его вариантов имеет первостепенное значение? Если носитель языка обладает, по мнению Н. Хомского, способностью интуитивно отделять правильные высказывания от неправильных, то возникает вопрос, на какие нормы следует ориентироваться при определении «правильности» высказывания. Следует ли ориентироваться на кодифицированные нормы, признанные большинством западных лингвистов искусственными и навязанными носителям сверху [Германова, 2011], или, вслед за У. Лабовым, признать, что подлинно аутентичной разновидностью языка является *vernacular* – спонтанная необработанная речь, которую говорящие производят в

неофициальной обстановке? Даже если ограничить компетенцию знанием норм литературного языка, то следует признать, что ни один говорящий не знает в совершенстве все орфографические, орфоэпические и прочие нормы родного языка. Вариативность языка порождает проблемы при определении границ «родного языка». Если ребенок заговорил в семье на диалекте, а в школьном возрасте познакомился с кодифицированной формой языка, то можно ли считать стандартный язык его родным языком? Можно ли признать носителем европейского языка жителя африканского или азиатского государства, для которого родным является один из многочисленных *World Englishes*? Вопросы такого рода, полагают исследователи, ставят под сомнение определение носителя языка Н. Хомским как такого говорящего, который интуитивно отличает правильные высказывания от неправильных, так как оспаривают саму концепцию «правильности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано выше, среди аргументов противников понятий «носитель языка» и «родной язык» можно выделить, во-первых, аргументы социополитического характера и, во-вторых, критические рассуждения о их внутренней противоречивости. Анализ трансформации понятий «носитель языка» и «родной язык» показывает зависимость интерпретации социолингвистических терминов от социополитических изменений в общественной жизни и общественном сознании. Хотя термины «носитель языка» и «родной язык» сохраняются, происходят сдвиги в их концептуализации. В условиях массовых миграций четыре базовых критерия «родного языка» (происхождение, компетенция, функция, идентификация) нередко вступают в противоречие друг с другом, в результате чего исследователи часто работают не с прототипическими моделями родного языка и его носителя, но с их частными субмоделями, учитывающими лишь один критерий. Меняется и аксиологическая составляющая соответствующих понятий, подвергающихся критике за «ущемление лингвистических прав» говорящих. Подобный негативный подход характерен, прежде всего, для социолингвистики и отчасти лингводидактики, в которой, по мнению многих теоретиков и практиков, намечается парадигмальный сдвиг, связанный с переосмыслением целей обучения иностранному языку. В то же время в других областях языкознания – психолингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, сопоставительной лингвопрагматике – эти термины в их традиционном значении остаются востребованными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bonfiglio Th. P. Mother Tongues and Nations: The Invention of the Native Speaker. New York: Walter de Gruyter, 2010.
2. Hackert S. The Emergence of the English Native Speaker: A Chapter in Nineteenth-Century Linguistic Thought. Boston–Berlin: Walter de Gruyter, 2012.
3. Ушинский К.Д. Родное слово // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 10 т. М.–Л.: Издательство академии педагогических наук РСФСР, 1948. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. С. 554–574.
4. McArthur T. The English Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. Mother tongue: the theoretical and sociopolitical construction of a concept // Status and Function of Languages and Language Varieties / Ed. by U. Ammon. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1989. P. 450–477.
7. The Changing Face of the “Native Speaker”: Perspectives from Multilingualism and Globalization / Ed. by N. Slavkov, S. Melo-Pfeifer, N. Kerschhofer-Puhalo. Boston – Berlin: Walter de Gruyter, Inc., 2021.
8. Davies A. Is the native speaker dead? // Histoire Épistémologie Langage. 2013. № 35 (2). P. 17–28.
9. Баринаева П. С. Исследование закономерностей овладения родным языком как направление французской психолингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 70–77.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
11. Coppieters R. Competence differences between native and near-native speakers // Language. 1987. № 63. P. 544–57.
12. Götz S. Fluency in Native and Nonnative English Speech. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2013.
13. Германова Н. Н. Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М.: Либроком, 2011.

REFERENCES

1. Bonfiglio, Th. P. (2010). Mother Tongues and Nations: The Invention of the Native Speaker. New York: Walter de Gruyter.
2. Hackert, S. (2012). The emergence of the English native speaker: A chapter in nineteenth-century linguistic thought. Boston–Berlin: Walter de Gruyter.
3. Ushinsky, K. D. (1948). Rodnoe slovo = Native word. In Essays (vol. 2, Pedagogicheskie stat'i. 1857–1861, pp. 544–574): in 10 vols. Moscow ; Leningrad: Izdatel'stvo akademii pedagogicheskikh nauk RSFR. (In Russ.)
4. McArthur, T. (1998). The English Languages. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Blommaert, J. (2010). The sociolinguistics of globalization. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Skutnabb-Kangas, T., Phillipson, R. (1989). Mother tongue: the theoretical and sociopolitical construction of a concept. Status and Function of Languages and Language Varieties (pp. 450–477). Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
7. Slavkov, N., Melo-Pfeifer, S., Kerschhofer-Puhalo, N. (Eds.). (2021). The changing face of the “native speaker”: perspectives from multilingualism and globalization. Boston – Berlin: Walter de Gruyter, Inc.
8. Davies, A. (2013). Is the native speaker dead? Histoire Épistémologie Langage, 35(2), 17–28.
9. Barinova, P. S. (2022). First language acquisition as a domain of French psycholinguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6 (861), 70–77. (In Russ).
10. Lakoff, G., Johnson, M. (2008). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.
11. Coppieters, R. (1987). Competence differences between native and near-native speakers. Language, 63, 544–57.
12. Götz, S. (2013). Fluency in Native and Nonnative English Speech. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
13. Guermanova, N. N. (2011). Teoriya i istoriya literaturnogo yazyka v otechestvennom i angloyazychnom yazykoznanii = Theory and History of Standard Language in Domestic and English Linguistics. Moscow: Librokom. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	24.06.2024	accepted for publication

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Научная статья
УДК 81'271

Отражение этнокультурных ценностей в коммуникативном поведении (на материале речевого акта «выражение несогласия» в узбекской лингвокультуре)

И. А. Алиева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
iroda.aliyeva73@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние культурных ценностей этноса на коммуникативное поведение. Проводится анализ способов выражения несогласия узбекскими информантами на основе теста на завершение дискурса. Подтверждается, что в процессе коммуникации представители узбекской лингвокультуры часто избегают прямого несогласия со своими оппонентами, используя такие тактики, как митигация, предоставление объяснений, внесение встречных предложений или частичное согласие. Косвенность и избегание конфликтов являются речевыми тенденциями, которые отражают узбекские культурные ценности.

Ключевые слова: узбекская культура, лингвопрагматика, коммуникативные стратегии, речевой акт «выражение несогласия», вежливость

Для цитирования: Алиева И. А. Отражение культурных ценностей в коммуникативном поведении (на материале речевого акта «выражение несогласия» в узбекской лингвокультуре) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 23–28.

Original article

Reflection of Cultural Values in Communicative Behavior (on the material of speech act “expression of disagreement” in Uzbek linguoculture)

I. A. Alieva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
iroda.aliyeva73@gmail.com

Abstract. This article explores the influence of cultural values of an ethnic group on communicative behavior. It analyzes the ways of expressing disagreement by Uzbek informants on the basis of the discourse completion test. The representatives of Uzbek linguoculture often avoid direct disagreement using such tactics as mitigation, providing explanations, making counteroffers or partially agreeing while redirecting. Indirectness and conflict avoidance become noticeable tendencies reflecting Uzbek cultural values.

Keywords: Uzbek culture, linguapragmatics, communicative strategies, speech act “expression of disagreement”, politeness

For citation: Alieva, I. A. (2024). Reflection of cultural values in communicative behavior (on the material of speech act “expression of disagreement” in Uzbek linguoculture). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 9 (890), 16–28.

INTRODUCTION

Language serves as a window into culture, with linguistic patterns often reflecting underlying cultural values and norms. This relationship manifests in the pragmatics of language use, which studies how speakers utilize language to perform social actions and manage interpersonal relations. As anthropological linguist Anna Wierzbicka states, “To understand a society’s ways of speaking is to understand its assumptions about the world and human life” [Wierzbicka, 2003, p. 25].

Disagreement is a particularly salient speech act for examining cultural orientations, as it can disrupt social harmony if not mitigated properly, being, in terms of P. Brown and S. Levinson’s influential theoretical framework, a typical face-threatening act (FTA) [Brown, Levinson, 1987]. The linguistic strategies used to realize disagreement can reveal a culture’s fundamental premises and preferences.

The increase in communication between people of different nationalities led to more interest in the research into the interrelation between universal and nationally-specific features of communicative behaviour. Such research involves eliciting and analyzing empirical data concerning the ways people in different cultures interact with each other in various socio-cultural contexts, taking into consideration the social status, gender, age, degree of acquaintance, topic of conversation and other relevant variables.

One of the results of such research was the demonstration of the differences existing between collectivist and individualistic cultures revealed in the ways the underlying cultural values are reflected in the overt modes of their communicative behaviour.

The present study aims at demonstrating the correlation between core beliefs shared by the representatives of a certain linguoculture and their communicative practices. While some research has probed Uzbek communication patterns [Reeves, Madelene, 2011], in-depth pragmatic analysis of Uzbek disagreement remains an understudied area. As Uzbekistan’s role on the world stage expands, it becomes increasingly vital to understand the nuances of Uzbek communicative norms to foster effective cross-cultural interaction. This study addresses that need using empirical data from Uzbek informants to shed light on how core cultural values are enacted through disagreement strategies.

THEORETICAL FRAMEWORK

This study is grounded in theories from cross-cultural pragmatics and politeness research pioneered by linguists such as P. Brown, S. Levinson, S. Blum-Kulka, A. Wierzbicka and others. A key concept is the notion

of “face” – the public self-image that people strive to maintain in social interactions. Face consists of two basic desires: positive face, the need to be liked and approved of by others, and negative face, the need for autonomy and freedom from imposition [Brown, Levinson, 1987]. Certain speech acts like disagreement inherently threaten the addressee’s positive face (by implying a negative evaluation) and sometimes negative face (by impeding their action). Thus such FTAs require softening through politeness strategies to uphold social harmony. Positive politeness strategies seek to build rapport and emphasize common ground, while negative politeness uses deference, hedging and indirectness to minimize imposition [Brown, Levinson, 1987].

Cultures vary in the relative importance placed on each type of face and the degree of face threat seen to be posed by particular acts. In collectivist high-context cultures like Uzbekistan’s [Merkin, 2015], where group needs are prioritized over the individual and meaning is often implied rather than explicitly stated, indirect face-saving communication and conflict avoidance tend to be the norm [Blum-Kulka et al., 1989]. Attention to face and use of indirect speech has been identified as a defining feature of many Eastern cultures [Леонтович, 2014; Воробьев и др., 2012; Сянлинь, Германова, 2021]. Thus, analyzing the linguistic strategies used to perform a face-challenging act like disagreement can reveal underlying cultural premises and interactional scripts.

METHODOLOGY

Data was collected using an open-ended discourse completion test (DCT) [Blum-Kulka, House, Kasper, 1989], a common tool in cross-cultural pragmatics that allows gathering comparable responses to the same prompts across participants [Германова, 2021]. Native Uzbek speakers were presented 20 scenarios designed to elicit disagreement in various contexts (with interlocutors of differing power / distance relations). Respondents were asked to express disagreement either with their interlocutor’s opinion on some issue or with his / her suggestion or plans.

Some sample scenarios include:

- Your coworker suggests changing the work process, but you think the current system is more effective. Will you object? If so, what will you say?
- Your friend is going to implement a certain project. You don’t like this project. Will you object? If so, what will you say?
- Your teacher criticizes the new textbook. You liked the new textbook. Will you object? What will you tell him / her?

The scenarios encompassed professional, personal, and educational relationships to examine the impact of power dynamics and social distance on disagreement strategies. Crucially, the open-ended DCT format allows participants to respond in their own words, providing a window into authentic language use and strategic choices. A total of 20 DCT questionnaires yielding 30 responses from Uzbek speakers aged 20–35, balanced for gender (10 male, 10 female), were collected and qualitatively analyzed using P. Brown and S. Levinson's politeness theory and conversation analysis framework to identify emergent patterns. The focus was on the linguistic means used to express opposing stances, which were categorized into distinct strategies.

RESULTS AND ANALYSIS

Mitigating Disagreement

The analysis of the questionnaire showed that Uzbek respondents displayed a marked preference for indirect disagreement strategies. Only 20 % of responses featured direct negation or contradiction of the interlocutor's position. Far more common were evasive and mitigating maneuvers to soften the FTA:

- providing explanations / rationales (50 %)
- partially agreeing while offering a different perspective (32 %)
- suggesting alternatives / putting forward counter offers (30 %)
- expressing uncertainty (24 %)
- replying with questions (18 %)

For instance, in reply to a coworker suggesting a process change, one participant stated:

Taklifingiz uchun rahmat, lekin men hozirgi jarayonimdan mamnunman. – Спасибо за ваше предложение, но меня устраивает мой текущий процесс¹.

The sentence contains a polite expression of gratitude *I thank you for your suggestion*, showing respect for the other person's input, followed by a formal register to further blunt disagreement *but I'm fine with my current process*. Rather than a bald *no*, an explanation is given to justify the eventual negative assessment of the proposed changes in the work process.

Similarly, to a friend proposing a disliked project, respondents utilized moves like:

Bu yaxshi fikr, lekin ishonchingiz komilmi? – It's a good idea, but are you sure about it?

Here token agreement prefaces the expression of doubt, a less overtly oppositional approach than simply saying:

Menga bu yoqmadi. –
I don't like it.

Another typical tactic is using a question in response to disagreement, which facilitates a deeper understanding of the opposing viewpoint and promotes constructive dialogue, e.g.:

Siz nima uchun bunday o'ylaysiz? –
Why do you think so?

The question format also shifts the burden back to the addressee rather than directly challenging their idea. The high proportion of explanations, partial agreements, alternatives, uncertainties and questions demonstrates the Uzbek tendency to avoid stark disagreement in favor of more oblique and cooperative stances. Speakers expend considerable effort to frame their opposition in face-sensitive and rhetorically persuasive ways. Even when speakers do ultimately express negative assessments, these are usually delayed, qualified and depersonalized. There is heavy use of implicature and reliance on the addressee to infer the speaker's true intent. The strong preference for verbal indirectness aligns with Uzbek cultural values of harmony and conflict avoidance [Reeves, Madelene, 2011]. As Leontovich notes, "In Uzbek communication, the aim is to minimize friction and confrontation. Directness is seen as rude and undesirable" [Леонтович, 2014, p. 205]. The DCT responses show this cultural script in action – Uzbek speakers consistently work to preserve the addressee's "face" while still finding ways to express opposing stances.

Variability by Social Factors

While indirectness was the dominant tendency overall, the degree and form of mitigation was mediated by contextual variables like power distance and social closeness. Participants were more likely to use bare, unmodified disagreement with equal-status intimates like friends (28 % of friend responses were direct) in contrast to upward communication with bosses or teachers (only 8 % of responses to higher-power addressees were direct). This aligns with politeness theory predictions that greater power differentials require more extensive face-saving strategies. Social distance also licensed more direct disagreement among distant? friends / acquaintances (25 %) as compared to nuclear family members (10 %), reflecting the special face needs and etiquette accorded to kin relationships in Uzbek culture.

An interesting gender effect was also observed, with male respondents disagreeing directly at over

¹ Эд. перевод наш. – И. А.

twice the rate of females (27 % vs. 13 %) across situations under analysis. Women showed a stronger tendency to use hedges, disclaimers and other distancing techniques, with forms like: “I think...”, “In my opinion...”, “It seems to me...” and “It can be said that...”. This pattern is consistent with research finding gender-based differences in politeness strategies cross-culturally [Holmes, 1995], perhaps reflecting the relatively greater social pressure on Uzbek women to conform to norms of verbal modesty and conflict avoidance.

Finally, the nature of the disagreement object also influenced realization patterns. When the prompt involved a proposed action (e.g. coworker’s process change, visiting a dispreferred restaurant) rather than an opinion or assessment (e.g. teacher’s textbook criticism, boss’s negative evaluation of colleague’s work), respondents were somewhat more willing to express direct disapproval (25 % for action-oriented prompts vs. 15 % for assessment-oriented ones). This distinction likely stems from the different face-threat level involved – while contradicting someone’s opinion challenges their judgement (positive face), blocking their intended action imposes on their autonomy (negative face). Both are FTAs in Brown and Levinson’s model, but the latter is more severe, so requires greater redress. The DCT results show Uzbeks are attuned to this contextual difference and adjust their disagreement strategies accordingly.

CULTURAL VALUES REFLECTED IN COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

The overarching preference for mitigated, indirect disagreement revealed in the DCT data can be clearly linked to foundational Uzbek cultural values and norms. As a country with ancient traditions of hospitality, mutual aid, and neighborly cohesion [Merkin, 2015; Емтыль, 2016], Uzbekistan places paramount importance on preserving social harmony and minimizing public displays of difference or conflict [Reeves, Madelene, 2011]. The linguistically indirect, emotionally restrained communication style preferred by Uzbeks has been noted by both Western and Uzbek scholars. The elaborate explanations, partial agreements, hedged alternatives and other face-saving strategies used by respondents illustrate the lengths to which Uzbek speakers will go to communicate a differing stance without causing undue offense or friction. As Ziyaeva [Ziyaeva, 2002, p. 6] explains in her ethnographic interviews with Uzbek women, “We are taught from a young age, better to stay silent than to argue... better to find points of common ground

than to insist on your own view.” The DCT responses consistently demonstrate this cultural imperative to avoid stark disagreement in favor of tactful, face-sensitive approaches. At the same time, the fact that most respondents did find ways to express opposing stances, albeit indirectly, shows that Uzbeks do value making their voice heard on important issues. As O. A. Leontovich notes, Uzbeks appreciate honest communication, but have a strong distaste for confrontation [Leontovich, 2014]. The DCT strategies like prefacing disagreement with agreement, offering alternative suggestions, and asking questions rather than stating outright criticism all enable speakers to make their differing view known in a culturally appropriate, face-respecting manner.

The greater prevalence of unvarnished disagreement in communication with equal-status friends and family members vs. in upward interaction with bosses or elders highlights another key aspect of Uzbek culture – the emphasis on hierarchy and respect for authority [Peshkova, 2009]. In Uzbekistan’s traditional family and social structure, deference to elders and superiors is expected, and open contradiction is taboo. This is reflected in the linguistic choices of DCT respondents, who took special pains to soften disagreement (often avoiding it entirely) with high-power addressees while using more direct forms with peers. The gender differences observed in disagreement strategies, with females using more hedges and other distancing language than males, may also reflect persistent cultural norms and attitudes linked to Uzbekistan’s patriarchal history. Research has identified a societal expectation for Uzbek women to embody spiritual-moral qualities like kindness, modesty and agreeableness [Peshkova, 2020]. Ziyaeva’s female respondents stress the importance of speaking “softly and sweetly” [Ziyaeva, 2002, p. 6]. These traditional femininity ideals appear to influence women’s pragmatic choices, motivating an even more indirect, deferential style compared to men. Finally, the greater willingness to bluntly disagree with proposed actions vs. opinions indicates Uzbek speakers may be more protective of negative face (autonomy) than positive face (approval). This is consistent with cultural values stressing the importance of personal honor, pride and self-determination, captured in Uzbek proverbs like “Yaxshilikni qabul qilib olish ham mahorat” (“Accepting kindness is also a skill”) [Емтыль, 2016]. Blocking someone’s freedom to make their own choice is seen as more of an imposition than merely disagreeing with their view. At a broader level, the pragmatic tendencies revealed in this data illustrate the dialectic between two competing forces in Uzbek culture – the desire for individual self-expression and the obligation to

uphold social harmony. The creativity and diversity of the linguistic strategies respondents use to finesse this tension point to the central Uzbek value of adaptability. As Ziyaeva explains, "An Uzbek knows how to adjust herself to the situation" [Ziyaeva, 2002, p. 6].

CONCLUSIONS

This analysis of disagreement strategies in Uzbek discourse completion responses reveals clear correspondences between cultural values and pragmatic communication choices. Uzbek speakers consistently prefer indirect, mitigated means of expressing opposing stances, relying on implied meanings and face-saving maneuvers to preserve interpersonal harmony. This aligns with fundamental Uzbek cultural premises stressing social cohesion, conflict avoidance, respect for authority, and context-sensitive communication.

The findings support theoretical frameworks like politeness theory that predict greater use of negative politeness (deference, hedging, indirectness) in communication between interlocutors of asymmetric power [Brown, Levinson, 1987] and in collectivist, large power distance cultures like Uzbekistan's that prioritize relational harmony over individual expression. The gender differences observed also point to the influence of societal norms and expectations on individual language use.

By analyzing the specific linguistic forms Uzbek speakers use to perform the inherently face-threatening act of disagreement, this study concretely illustrates how cultural macrostructures are realized through everyday language choices. The

rich variety of mitigating strategies attested in the data demonstrates the sociopragmatic competence involved in formulating a polite and persuasive disagreement in Uzbek cultural context. While this study's sample is limited in size and demographic scope, it provides an empirically grounded starting point for mapping Uzbek disagreement norms and opens up avenues for further research.

Contrastive analysis of other cultural groups is needed to determine which of the observed tendencies are distinctively Uzbek vs. shared more widely. Examination of Uzbek speakers' disagreement behavior in authentic interaction (*e.g.* using conversation analysis of audio / video data) would be a valuable complement to the DCT approach. Future studies could also explore how Uzbek disagreement strategies may be changing among younger, urban, globally connected generations. Such research is important as Uzbekistan navigates a path between preserving cultural traditions and adapting to the demands of globalization. As Linn, Andrew et al. [Linn, Andrew et al., 2020] argues, understanding Uzbek language practices and cultural identities is key for predicting the country's social, economic, and political development.

By shedding light on how Uzbeks enact cultural values through communication, pragmatic studies like this one can contribute to more nuanced cross-cultural understanding and dialogue. The results are in conformance with current linguopragmatic theoretical frameworks, proving the relevance of collectivistic and individualistic cultures division for contrastive linguistics and demonstrating the range of the impact ethnic cultural values make on communicative behaviour.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin: De Gruyter Mouton, 2003.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
3. Reeves M. The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan – By Laura L. Adams // The Sociological Review. 2011. DOI:10.1111/j.1467-954X.2011.02009_3.x.
4. Merkin R. The Relationship between Individualism / Collectivism Consultation and Harmony Needs // Journal of Intercultural Communication. 2015. Vol. 15. № 3. P. 1–17. <https://doi.org/10.36923/jicc.v15i3.704>.
5. Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Русистика. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnaya-lingvokulturologiya-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie> (дата обращения: 17.04.2024).
6. Пэй Сянлинь, Германова Н. Н. Концепт «лицо» в коллективистской культуре Китая // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 299–306.
7. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ: Ablex Pub., 1989.
8. Германова Н. Н. Тест на завершение дискурса в контексте когнитивной лингвопрагматики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 84–90.
9. Леонтович О. А. Теория межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: УРСС, 2014.
10. Holmes J. Women, Men and Politeness. London: Longman, 1995.
11. Емтыль Р. Х. Отражение национального менталитета в пословицах, поговорках и афоризмах Х. Анчока // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 4. С. 130–138

12. Ziyaeva D. H. The role of women in social and political life in the history of Uzbekistan // Proceedings of the scientific-practical conference "Women of Uzbekistan yesterday and today". Tashkent, 2002. P. 6. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/ref/2023/57/e3sconf_ebwff2023_06053/e3sconf_ebwff2023_06053.html
13. Пешкова С. Х. Язык, идентичность и власть в постсоветском Узбекистане: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 2009.
14. Пешкова С. Х. Мусульманские женщины, субъектность и власть в Узбекистане // Вера, феминизм и международные отношения / под ред. Д. Съеда, Э. Пио. М.: Весь мир, 2020. С. 167–183.
15. Linn A., Bezborodova A., Radjabzade S. Tolerance and Control. Developing a language policy for an EMI university in Uzbekistan // Sociolinguistica. 2020. № 34. P. 217–237. DOI:10.1515/soci-2020-0013

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (2003). Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. De Gruyter Mouton.
2. Brown, P., Levinson, S. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press.
3. Reeves, M. (2011). The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan – By Laura L. Adams. The Sociological Review. https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2011.02009_3.x
4. Merkin, R. (2015). The Relationship between Individualism / Collectivism Consultation and Harmony Needs. Journal of Intercultural Communication, 15(3), 1–17. <https://doi.org/10.36923/jicc.v15i3.704>
5. Vorob'jov, V. V., Poljakova, G. M. (2012). Sopostavitel'naja lingvokul'turologija kak novoe nauchnoe napravlenie [Comparative linguoculturology as a new scientific direction]. Rusistika [Russian Language Studies], 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnaya-lingvokulturologiya-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie> (accessed: 17.04.2024). (In Russ.)
6. Pjei Sjanlin', Germanova, N. N. (2021). Koncept «lico» v kollektivistskoj kul'ture Kitaja = The concept of "face" in the collectivist culture of China. Cognitive Studies of Language, 1(44), 299–306. (In Russ.)
7. Blum-Kulka, S., House, J., Kasper, G. (1989). Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Ablex Pub.
8. Germanova, N. N. (2021). Test na zavershenie diskursa v kontekste kognitivnoj lingvopragmatiki = Discourse completion test in the context of cognitive linguopragmatics. Cognitive Studies of Language, 4(47), 84–90. (In Russ.)
9. Leontovich, O. A. (2014). Teorija Mezhkul'turnoj Kommunikacii = [Theory of intercultural communication]: textbook. URSS. (In Russ.)
10. Holmes, J. (1995). Women, Men and Politeness. Longman.
11. Emtyl, R. Kh. (2016). Otrazhenie nacional'nogo mentaliteta v poslovicah, pogovorkah i aforizmah H. Anchoka = The reflection of national mentality in proverbs, sayings and aphorisms of Khadzhibech Anchok. Cultural Studies of Russian South, 4, 130–138. (In Russ.)
12. Ziyaeva, D. H. (2002). The role of women in social and political life in the history of Uzbekistan. In Proceedings of the Scientific-Practical Conference "Women of Uzbekistan Yesterday and Today" (p. 6). https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/ref/2023/57/e3sconf_ebwff2023_06053/e3sconf_ebwff2023_06053.html
13. Peshkova, S. H. (2009). Jazyk, identichnost' i vlast' v postsovet'skom Uzbekistane [Language, identity and power in post-Soviet Uzbekistan] (PhD dissertation). Tashkent. (In Russ.)
14. Peshkova, S. H. (2020). Musul'manskije zhenshhiny, subjektnost' i vlast' v Uzbekistane = Muslim women, subjectivity and power in Uzbekistan. In Sjeda, D., Pio, Je. (Eds.), Vera, Feminizm i Mezhdunarodnye Otnoshenija (pp. 167–183). Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
15. Linn, A., Bezborodova, A., Radjabzade, S. (2020). Tolerance and Control. Developing a language policy for an EMI university in Uzbekistan. Sociolinguistica, 34, 217–237. <https://doi.org/10.1515/soci-2020-0013>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алиева Ирода Абдусатторовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alieva Iroda Abdusattorovna

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2024
14.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Опыт экспериментального исследования авто- и гетеростереотипов шведов

Ю. В. Баранов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
formosa2020@mail.ru

Аннотация. Результативным способом изучения представлений различных этносов о себе и других народах в психолингвистике стал анализ ассоциативных полей лексем, представляющих этнонимы и базовые ценности. С помощью анализа ассоциативных полей этнонимов *шведский, русский, немецкий* автор устанавливает актуальное содержание гетеростереотипов – представлений шведов о русских и немцах, а также делает некоторые наблюдения о содержании автостереотипа шведов.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, этническая идентичность, ассоциативное поле, шведы, основы ассоциации

Для цитирования: Баранов Ю. В. Опыт экспериментального исследования авто- и гетеростереотипов шведов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 29–36.

Original article

Experimental Research into Auto- and Heterostereotypes of Swedes

Yury V. Baranov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
formosa2020@mail.ru

Abstract. In psycholinguistics, the analysis of associative fields (AP) of lexemes representing ethnonyms and basic values has become an effective way to study the representations of ethnic groups about themselves and other peoples. Swedish, Russian, German ethnonyms are analyzed, and the author establishes the actual content of heterostereotypes – the Swedes' ideas about Russians and Germans, and also makes some observations about the content of the autostereotype of the Swedes.

Keywords: ethnopsycholinguistics, ethnic identity, associative field, Swedes, grounds of association

For citation: Baranov, Yu. V. (2024). Experimental research into auto- and heterostereotypes of Swedes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 29–36. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование представлений этносов о себе и других народах осуществляется в разных гуманитарных науках, поскольку самоопределение такого сообщества детерминирует не только его роль в мире, но и определяет специфику функционирования самого этноса. В рамках психолингвистической парадигмы эффективным признается способ исследования содержания гетеро- и автостереотипов на основе данных, полученных в прямом ассоциативном эксперименте (АЭ), в котором стимулами становятся этнонимы, в том числе и самоназвания, и лексем, номинирующие базовые ценности [Пищальникова, 2021], поскольку в них развернуто и устойчиво представлены ценностные ориентиры личности и этноса / социума. Существенные расхождения в присвоении ценностей индивидами при этом вполне закономерны. Осознание своей этнической принадлежности в разных условиях «неодинаково опосредствуется этносоциальными и собственно личностными мотивационно-эмоциональными факторами» [Пищальникова, 2021, с. 112]. Взаимодействие указанных факторов отражается в структурно-содержательных характеристиках речевой деятельности, в том числе в соотношении вербального стимула и ассоциата как речевом действии.

Материалом исследования являются речевые действия («стимул – реакция»), полученные от 30 шведских респондентов в ходе пилотного эксперимента, проведенного с января 2023 по январь 2024 года в нескольких ленах (провинциях) Королевства Швеции, преимущественно в центральной и в северной ее частях: Вестер-Норрланде, Вестер-Геталанде, Уппсале, Стокгольме, Йенчепинге. Возраст респондентов целенаправленно не ограничивался определенным временным периодом; среди респондентов 18–30 лет – 12 человек, 30–45 лет – 15 человек, 45–66 лет – три человека. Обязательным условием для исследования был отбор в группу этнических шведов, проживавших на протяжении ряда поколений на территории Швеции, предки которых не эмигрировали в страну. Все респонденты имеют среднее профессиональное, незаконченное высшее или высшее профессиональное образование, их ежемесячный доход средний или выше среднего, среди них есть как семейные, так и одинокие люди. Что касается вероисповедания, то среди опрошенных есть как христиане-лютеране (верующие и «обрядовые» верующие), так и атеисты. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что данное исследование представляет собой весьма условный срез шведского общества, но одной из главных целей эксперимента является верификация избранных для изучения лексем,

обозначающих этнические ценности, важные для моделирования характера идентичности, и для этого такой ограниченной группы респондентов достаточно. В анкету было включено 19 лексем, номинирующих базовые ценности, список которых разработан коллективом лаборатории психолингвистики МГЛУ. Помимо этих лексем, в анкету вошли стимулы *Svenska / шведский* и *Ryska / русский*. В последующем к ним было добавлен стимул *Tyska / немецкий*: это помогло снять остроту противопоставления стимулов *Svenska / шведский* – и *Ryska / русский* и получить предварительное представление о содержании шведских гетеростереотипов «русские» и «немцы» – представлений о народах, с которыми отношения у шведов складывались не всегда просто.

В качестве методов анализа используются общенаучные методы сравнения и моделирования, методики моделирования ассоциативного поля (далее АП). Самым существенным основанием для выводов о качественных характеристиках (содержании) авто- и гетеростереотипов является анализ характера предикации между стимулом и реакцией, признаком ассоциирования и частотностью реакций. Естественно, представленные выводы можно считать только предварительными, однако наличие словаря базовых ценностей [Пищальникова и др., 2024] и проведение на его основе дальнейших исследований делает возможным детальный анализ не только этнонимов, но и ценностей лингвокультуры как ее этнических констант.

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШВЕДОВ

В российской (психо)лингвистике содержание гетеростереотипов и базовых ценностей шведов не изучалось. Отсутствие интереса отечественных исследователей объясняется рядом историко-культурных причин: после 1809 года Швеция спокойно существовала на окраине Европы, благоразумно не ввязываясь в военные союзы и войны, в том числе и в обе мировые, не противопоставляя свои ценности российским и не проявляя агрессивности; кроме того, шведское общество демонстрировало крайнюю закрытость, подозрительность «чужакам», под которыми шведы понимают не только иностранцев, но и всех тех, кто не входит в их ближайшее окружение¹.

Приведем список базовых ценностей, предложенных шведам в анкетах:

¹Выражаем глубокую благодарность Т. В. Максименко, студентке факультета заочного обучения МГЛУ, которая специально для сбора данных совершила две поездки в Королевство Швеция.

en respekt / уважение
 ettheland / Родина
 ettarbete / труд
 ettlugn / спокойствие
 ettland / страна
 enkreativitet / креативность
 enekologi / экология
 en talang / талант
 enutbildning / образование
 ensäkerhet / безопасность
 en välfärd / благосостояние
 en tro / вера
 enharmoni / гармония
 en karriär / карьера
 enkomfort / комфорт
 enhälsa / здоровье
 en kärlek / любовь
 envärld / мир
 en familj / семья

Предполагалось, что ассоциаты на стимул *Svenska / шведский* будут отображать самые непосредственные связи с компонентами автостерейтипа шведов и представлять положительные и, возможно, иные характеристики шведов, а также отношение шведов к родному языку, стране, национальной культуре.

На основе полученных ассоциатов представим ассоциативное поле *Svenska / шведский*. Цифра после ассоциата означает его частотность; единичные реакции даются без цифрового обозначения.

Språk / язык	6
land / страна	3
hemspråk / родной язык	2
Stockholm / Стокгольм	
otillräckligt / недостаточность	
simplett / простота	
inkluderad / включенность	
skolan / школа	
svårt / сложность	
kyrkan / церковь	
en del av mig / часть меня	
infödd / домашние	
familj / семья	
hemmagjord / родной	
fri / свободный	
Sverige / Швеция	
mysig / уютный	
minfamilj / моя семья	
otillräcklig / недостаточный	
mitt / мой	
flagga / флаг	
mitt land / моя страна	

В соответствии с принятой в этнопсихоллингвистике классификацией представим основные группы ассоциатов, что позволит провести более качественный анализ оснований ассоциирования в парах «стимул – реакция».

- **Понятийные** (20 % от общего количества реакций):
 flagga / флаг
 Sverige / Швеция
 land / страна
 Stockholm / Стокгольм

В эту группу вошли реакции, актуализирующие компоненты понятия респондентов о государственных атрибутах своей страны.

- **Реакции-представления** (23,33 %) репрезентируют разные группы представлений, ассоциативно связанных со стимулом *Svenska / шведский*:
 а) актуализирующие предикативные связи «шведский» – язык как средство коммуникации:
 otillräckligt / недостаточность
 otillräcklig / недостаточный
 simplett / простота
 svårt / сложность
 б) актуализирующие предикативные связи «шведский» – социальные институты Швеции:
 kyrkan / церковь
 skolan / школа
 familj / семья

- **Эмоционально-оценочные** (23,33 %), выражающие субъективное эмоционально-оценочное отношение разной степени экспрессивности к стране:
 mysig / уютный
 fri / свободный
 en del av mig / часть меня
 mittland / моя страна
 min familj / моя семья
 mitt / мой
 infödd / домашние

- **Операциональные** (30 %), актуализирующие частотные словосочетания:
 språk / язык
 hemspråk / родной язык
 hemmagjord / родной

- **Неоднозначно** интерпретируемая реакция (3,34 %):
 inkluderad / включенность

Состав ассоциативного поля с учетом частотности реакций представим схематично (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Состав АП *Svenska* / *шведский* по данным ассоциативного эксперимента

Полученное соотношение и содержательный состав ассоциатов должны быть верифицированы в массовом ассоциативном эксперименте, но предварительные выводы таковы. Понятийные ассоциаты составляют почти четверть от общего количества компонентов АП, причем все частотные – нейтральные номинации государственных атрибутов страны.

Неединичные реакции-представления также нейтральны. Они более разнообразны, нежели единичные реакции, что соответствует общим закономерностям состава АП. Однако частотные реакции-представления касаются только трех направлений предикации: характеристика шведского языка, связь «шведскости» с церковью и семьей как институциональными образованиями. Показательно, что эмоционально-оценочные ассоциаты, по сути, актуализируют те же области отождествления респондента со своей страной – «государство», «семья». Вместе с тем обнаруживается и чувство единства со своей страной (*моя страна, часть меня*) и атрибутирование страны как уютной, т. е. удобной, приятной, вызывающей чувство покоя. Здесь уместно вспомнить, что у шведов есть слово, которое номинирует их критерий благополучия, – *lagom* ('как раз', 'довольно', 'достаточно', 'в меру', 'подходящий', 'умеренный') и часто свою страну шведы называют *Landetlagom* 'страна лагома'. *Лагом* как совокупность принципов отношения к жизни, благодаря которым человек чувствует себя в своей среде комфортно, считают компонентом ментальности шведского этноса. Рациональная организация бытия, гармоничное отношение к действительности, компромисс и консенсус – вот основа жизни шведа [Бут, 2017], которая не формирует интереса к другим народам. Поиск гармонии и баланса осуществляется лишь с целью достижения личного комфортного существования.

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ ШВЕДОВ

Русские глазами шведов

На основе полученных ассоциатов представим ассоциативное поле *Ryska* / *русский*. Приведем весь состав ассоциатов, в том числе и единичных:

krig / война	4
stängd / замкнутый	3
snö / снег	2
hårt / жесткий	2
kall vinter / холодная зима	2
isolerung / замкнутость	
otillgängligt / недоступность	
svårt / сложность	
andra / другой	
ovanligt / необычный	
oklar / непонятный	
toetydighet / неясный	
ett okänt språk / незнакомый язык	
konsonanter / обилие согласных	
slaviskt språk / славянский язык	
Dostojevskij / Достоевский	
Idiot / «Идиот»	
Tjajkovskij / Чайковский	
Moskva / Москва	
förbud / запрет	
interessant / интересный	
omöjighet / невозможность	

В соответствии с принятой в этнопсихолингвистике классификацией представим основные группы ассоциатов, что позволит провести более качественный анализ оснований ассоциирования в парах «стимул – реакция».

- **Понятийные:** 0 %
- **Реакции-представления** 93,33 %

а) актуализирующие предикативные связи с «русский» как представитель другого этноса (актуализация компонентов гетеростереотипа):

snö / снег
isolerung / замкнутость
otillgängligt / недоступность
svårt / сложность
stängd / замкнутый
andra / другой
ovanligt / необычный
oklar / непонятный

toetydighet / неясный
hårt / жесткий

- б) актуализирующие предикативные связи со спецификой русского языка как национального:

ett okänt språk / незнакомый язык
konsonanter / обилие согласных
slaviskt språk / славянский язык

- в) как репрезентанты культурных представлений о русских:

Dostojevskij / Достоевский
Idiot / «Идиот»
Tjajkovskij / Чайковский

- г) актуализирующие предикативную связь «страна русских»:

Moskva / Москва
hårt / жесткий
kall vinter / холодная зима

- д) *krig* / война, где основание предикации, установленное на основе бесед с респондентами, – наиболее яркий тип отношений между странами на протяжении длительного исторического периода;

- е) *förbud* / запрет как актуальное отношение к русским в современных условиях политического существования.

• **Эмоционально-оценочные:** 6,67 %:

interessant / интересный
omöjighet / невозможность.

• **Операциональные:** 0 %

Показательно, что подавляющее большинство реакций на стимул *Ryska* / русский – представления (93,33 %). В описываемой группе респондентов нет людей, которые бы основывали свои предикативные связи на сложившихся рациональных знаниях о русских как народе, на реальном опыте коммуникации с ним. Это свидетельствует об отсутствии какого бы то ни было интереса к приобретению знаний о русских со стороны шведов, которые в эксперименте актуализируют только представления старого гетеростереотипа. В состав этого гетеростереотипа входит:

1. Представление о психологических свойствах русских как других, недоступных пониманию, замкнутых, жестких людях. Это представление реализует базовое этническое представление свой – чужой в самом классическом значении и повторяет гетеростереотип европейцев о русских без всяких модификаций.

2. Часть ассоциатов отражает представление о характерных особенностях страны как основе предикации: *зима, холодная зима*. И это тоже часть стереотипа, принимаемого без осознания: трудно представить, что снег и холодная зима могут служить для шведов, проживающих значительную часть времени при средней температуре минус 16, отличительными свойством другой страны. Это подтверждает отсутствие психологической актуальности для шведов представлений о русских как представителей другого этноса.

3. В отличие от состава АП *Svenska* / шведский в АП *Ryska* / русский отмечаются реакции-представления, возникшие на основе ассоциатов, имеющих культурное содержание: *Dostojevskij* / Достоевский, *Idiot* / «Идиот», *Tjajkovskij* / Чайковский, однако и эти представления не обусловлены субъективным присвоением актуального для респондента культурного знания, а снова повторяют содержание стереотипа о культуре русских, подкрепленное глубоким влиянием Ф. М. Достоевского в свое время на философские умы европейцев, и повторением концерта № 1 си-бемоль П. И. Чайковского, являющегося всемирно признанным русским композитором, на соревнованиях международного уровня в связи с запретом МОК на гимн России. Возможно даже, что этот концерт у шведов не ассоциируется с Чайковским, – достаточно того, что вся культура русских связывается с двумя упомянутыми именами.

4. Также предельно стереотипны и представления о русском языке, реализованные в предикатах речевого действия «стимул – реакция»:

konsonanter / обилие согласных
slaviskt språk / славянский язык

Таким образом, на первый взгляд, эта группа реакций отражает разные основания предикации, но все они связаны с актуализацией предельно стереотипных представлений шведов о русских.

- **Эмоционально-оценочные** реакции *intressant* / интересный, *omöjighet* / невозможность можно интерпретировать как отношение к языку и отношение к этносу в целом; при этом смысловой характер предикации не меняется: только в одном случае прилагательное-предикат выражает общее проявление заинтересованности к объекту предикации, в другом – снова демонстрируются уже известные характеристики гетеростереотипа русских.

• **Операциональные:** 0.

Отсутствие операциональных реакций показывает, что в речевой деятельности шведов нет

каких-либо частотных словосочетаний со словом *русский*, поскольку: тема «Русские» не является актуальной для шведов.

Получение соотношения ассоциатов в ассоциативном поле лексемы *Ryska / русский* представим схематично (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2. Состав ассоциативного поля *Ryska / русский*, по данным ассоциативного эксперимента

Известно, что характер реакций может определяться как социокультурными, так и индивидуально-психологическими факторами. Анализ показал, что последние не являются значительными в структурировании исследуемого АП *Ryska / русский*: подавляющее количество реакций стереотипны и не демонстрируют психологической актуальности стимула для респондентов. Состав гетеростереотипа, напротив, во многом объясняется долгой и сложной историей взаимоотношений двух этносов. С Россией у Швеции на протяжении веков сложилась очень долгая и сложная история взаимоотношений. Непрерывающиеся войны велись с XIII по XIX век. Причем в нападении всегда выступали шведы, начиная с Невской битвы 1240 года, претендовавшие на земли Новгородской Руси. Не стоит забывать и об активной роли Швеции в попытках уничтожения российской государственности в период Смутного времени в начале XVII века. Однако по окончании последней неудачной для нее шведско-русской войны 1808–1809 годов и потери ею Финляндии и населенных шведами Аландских островов воинственный шведский пыл угас. Примерно к этому времени относится и появление в шведском языке лексемы *rysskräcken* (боязнь русских), которая зафиксировала психологическую доминанту отношения шведов к русским. Она проявляется в содержании и стереотипном характере ассоциатов до сих пор.

Немцы глазами шведов

На стимул *Tyska / немецкий* самыми частыми реакциями были:

Alperna / Альпы	3
ordning / порядок	3

språk / язык	2
musik / музыка	2
Hitler / Гитлер	2

Весьма широк спектр единичных реакций:

germanskspråk / германский язык
 Berlin / Берлин
 disciplin / дисциплина
 arbete / работа
 stränghet / строгость
 regler / правила
 hårdt / жесткость
 hårt / жесткий
 grammatik / грамматика
 svårgrammatik / сложная грамматика
 svårighet / сложность
 historia / история
 andra världskriget / Вторая мировая война
 äventyrsbad / аквапарк
 bayerska korv / баварские сосиски
 melodiskt / мелодия
 historiska museet / исторический музей
 minälskadevän / любимый друг

• **Понятийные 23,33 %:**

Germanskspråk / германский язык, språk / язык, актуализирующие основание предикации 'национальный язык немцев'; «столица государства» – *Berlin / Берлин*, высокие горы на территории Германии – *Alperna / Альпы*.

Представленные ассоциаты свидетельствуют о том, что респонденты не актуализируют никаких других компонентов понятия о немцах, кроме наличия у них национального языка. Единичная реакция демонстрирует знание столицы немецкого государства, три реакции указывают на знание Альп.

• **Реакции-представления (73,34 %)** можно классифицировать в соответствии с несколькими основаниями ассоциирования:

- компонент гетеростереотипа немцев «предельно организованный, дисциплинированный»:
 - disciplin / дисциплина
 - ordning / порядок
 - arbete / работа
 - stränghet / строгость
 - regler / правила
 - hårdt / жесткость
 - hårt / жесткий
- сложная грамматика языка:
 - grammatik / грамматика
 - svårgrammatik / сложная грамматика
 - svårighet / сложность

- в) «исторические события и лица, символизирующие их» разной степени обобщенности:

historia / история

andra världskriget / Вторая мировая война

Hitler/ Гитлер

- г) «реалии культуры»:

musik / музыка

äventyrsbad / аквапарк

bayerska korv / баварские сосиски

melodiskt / мелодия

Historiska museet / исторический музей

Анализ ассоциаций показывает, что все они актуализируют не только стереотипные, но и предельно обобщенные представления. Показательно, что ни один респондент не актуализировал конкретных реалий истории культуры, быта, которые можно было бы связать с его субъективным опытом и личностной мотивацией.

- **Эмоционально-оценочные** **3,33 %:**
minälskadevän / любимый друг

Очевидно практическое отсутствие эмоционально-оценочных реакций, связанных с характеристиками немецкого этноса или страны; отмеченная реакция связана с конкретным человеком.

- **Операциональные:** **0 %**

Как и в случае с реакциями на слово *русский*, операциональные реакции отсутствуют, что свидетельствует об отсутствии значимых для шведов речевых действий, связанных с понятием «немецкий».

Представим полученные соотношения ассоциатов схематично (см. диаграмму 3).

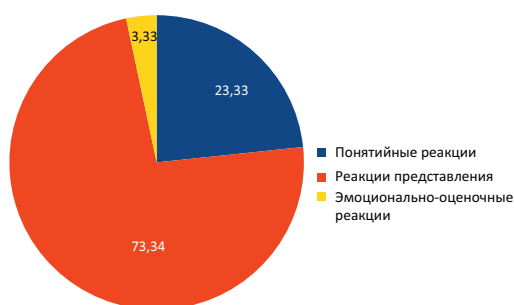

Диаграмма 3. Состав ассоциативного поля *Tyska* / немецкий, по данным ассоциативного эксперимента

Во всех представленных группах ассоциатов обнаруживается, что представления о немцах у шведов формируются не на основе личного опыта и его осмысления, а на базе восприятия компонентов гетеростереотипов и т. д. Таким образом,

отношение шведов к немцам и к некоторым другим этносам является индифферентным [Экерстрём, 2019]. На фоне сложных исторических отношений между германскими государствами и Швецией со времен Тридцатилетней войны (1618–1648) это выглядит странным. Общеизвестно, что принявшее лютеранство еще в первой половине XVI века королевство Швеция во главе с королем Густавом-Адольфом II вмешалось в войну со Священной Римской империей германской нации на стороне протестантских государств. Шведское войско прошло через всю Германию, принуждая католиков переходить в лютеранство, пока не было остановлено и почти полностью уничтожено вместе с их королем в Баварии (битва при Лютцене 1632 года) [Knopp, Brauburger, Arens, 2008]. Примечательно, что в генетической памяти немцев эти события сохранились, в том числе и в форме культурных явлений. Так, до сих пор известна следующая колыбельная, но в ассоциатах обследованной группы респондентов это историческое время никак не отражено – ни в реакциях-представлениях, ни в эмоциональных реакциях:

Bet", Kinder, bet",
Morgen kommt der Schwed,
Morgen kommt der Ochsenstern,
Wird die Kinder beten lehr'n.

Молитесь, дети, молитесь,
Завтра придет Швед,
Завтра придет Оксенштерн¹,
Будет учить детей молиться [Jehle et al., 2012].

Таким образом, предварительные ассоциативные данные позволяют предположить, что немцы шведам так же не интересны, как и русские, и психологически актуальных ассоциаций у них не вызывают: все реакции отражают или известные компоненты гетеростереотипа немцев, или предельно обобщенные представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что данные АЭ могут выявить предпочтения респондентов, их психологические ориентиры и ценностные представления, которые невозможно получить на основе социологических и даже социолингвистических опросов, поскольку АЭ предполагает неосознаваемую и практически мгновенную реакцию на стимул, что исключает обдумывание ответа. То, что наблюдается

¹Под именем Оксенштерн здесь выведен Аксель Оксеншерн, тогдашний канцлер Швеции, второе должностное лицо страны после короля.

в общественном поведении индивида, в его официальных взаимоотношениях с членами социума, в его речевой деятельности, далеко не всегда маркирует психологически актуальные представления индивида о его реальных ценностях и о его отношениях к другим этносам. Эти представления становятся всё

менее отчетливыми в условиях пропагандируемой толерантности. Наши экспериментальные данные позволяют составить первоначальные представления о содержании авто- и некоторых гетеростереотипов шведов, что формирует основу для изучения их этничности и системы ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 105–118. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_105.
2. Пищальникова В. А., Адамова З. Г., Хлопова А. И. и др. Мультиязычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024.
3. Бут М. Почти идеальные люди. М.: Издательство «Э», 2017.
4. Экерстрём Л. Секрет шведского благополучия. М.: Издательство КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
5. Knopp G., Brauburger S., Arens P. Die Deutschen. Vom Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert. München: Bertelsmann, 2008.
6. Jehle M. et al. Die Deutschen. Geschichte und Tradition / M. Jehle, E. Hafner, L. Kölm, M. Schippan, A. Wunsch. Köln: Helmut Lingen Verlag, 2012.

REFERENCES

1. Pishchalnikova, V. A. (2021). Associative experiment and psycholinguistic research of individual identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 105–118. (In Russ.)
2. Pishchalnikova, V. A. et al. (2024). Multiyazychnyy assotsiativnyy slovar bazovykh tsennostey = A multilingual associative dictionary of basic values. Moscow: MSLU. (In Russ.)
3. But, M. (2017). Pochti idealnye lyudi = Almost perfect people. Moscow: E. (In Russ.)
4. Ekerstryom, L. (2019). Sekret shvedskogo blagopoluchiya = The secret of Swedish prosperity. Moscow: Kolibri, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
5. Knopp, G., Brauburger, S., Arens, P. (2008). Die Deutschen. Vom Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert. München: Bertelsmann.
6. Jehle, M., et al. (2012). Die Deutschen. Geschichte und Tradition = The Germans. History and tradition. Köln: Helmut Lingen Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Юрий Викторович

старший преподаватель

кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baranov Yuri Viktorovich

Senior Lecturer

Department of Linguistics and Intercultural Communication

Faculty of Distance Learning and Part-time Education

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Вербализация образа Франции в первом томе романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»

Д. Р. Ведерникова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
vedernikovad2000@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образа Франции, вербализированные в первом томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени». Автор подходит к анализу означенного образа с позиций лингвистики и лингвокультурологии. Определяются особенности лингвистического подхода к междисциплинарной категории «образ». Используя описательный и структурный методы, а также метод компонентного анализа, автор характеризует образ Франции, представленный в романе М. Пруста в двух основных аспектах – образ жителей Франции, а также французский городской ландшафт.

Ключевые слова: образ, лингвокультурология, французский язык, модернизм, французская литература

Для цитирования: Ведерникова Д. Р. Вербализация образа Франции в произведениях М. Пруста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 37–43.

Original article

Verbalization of the image of France in the first volume of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time"

Daria R. Vedernikova

Kuban State University, Krasnodar, Russia
vedernikovad2000@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of the image of France, verbalized in the first volume of M. Proust's novel "In Search of Lost Time." The author approaches the study of the image from the perspective of linguistics. The features of the linguistic approach to the interdisciplinary category "image" are determined. Using descriptive and structural methods, as well as the method of component analysis, the author characterizes the image of France presented in M. Proust's novel in two main aspects – the image of the inhabitants of France, as well as the image of the French city.

Keywords: image, linguoculturology, French language, modernism, French literature.

For citation: Vedernikova, D. R. (2024). Verbalization of the image of France in the first volume of Marcel Proust's novel "In search of lost time" Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 37–43. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Произведения М. Пруста, ставшие классикой мировой литературы, являются неиссякаемым ресурсом информации о жизни страны, о нравах и характерах ее жителей, запечатленные талантливым художником слова. Особенности творчества Марселя Пруста были во многом определены общественной обстановкой, сложившейся во Франции к началу XX века. Он пишет многотомный роман-реку под названием «В поисках утраченного времени», который состоит из семи книг. В эпоху Пруста эпическое начало было отодвинуто на второй план, уступая лирическому началу, психологии и описанию нравов французского общества начиная с 70-ых годов XIX века.

Актуальность данного исследования обусловлена практической необходимостью включения в курс иностранного языка системных сведений о культуре изучаемой страны. Иностранный язык невозможно усвоить, не зная досконально ментальных особенностей, уклада жизни его носителей. Необходимо также знать историю и архитектуру страны, где распространен изучаемый язык. Литература же, которая создается посредством языка и мысли писателя, служит неиссякаемым источником знаний о стране и ее жителях.

Образ Франции, запечатленный М. Прустом, одним из главных модернистов французской литературы, представляет собой особый интерес для исследования. Русские исследователи не раз уделяли внимание образу Франции в произведениях русских писателей, тогда как образу упомянутой страны в произведениях французских писателей не уделялось достаточного внимания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Образ – это междисциплинарное понятие, к которому обращаются исследователи широкого круга гуманитарных наук. В рамках лингвистики категория «образ» анализируется в тесной связи с понятием «образность». Как отмечает Е. Б. Борисова, эти два понятия часто определяются лингвистами одно через другое [Борисова, 2005]. Например, А. И. Чижик-Полейко и Е. Н. Колодкина рассматривают образность как особую характеристику слова, в основе которой заложена способность выражать в сознании человека некий эмоциональный, чувственный образ [прив. по: Чижик-Полейко, 1966; Колодкина, 1991]. Этому способствуют средства речевой выразительности, выбранные автором, лексические единицы и грамматические структуры. Также образ может анализироваться с позиций психолингвистики, в рамках которой имеет определение, схожее с

общелингвистическим. Согласно Э. С. Азнауровой образ это – явление психолингвистическое, наглядно представляющее окружающую действительность или какой-либо ее факт, некая передача явлений и предметов, основанная на отборе признаков, передающих их особенности в «конкретно-изобразительной форме» [Азнаурова, 1973, с. 33].

Посвящая исследование образу Франции в произведениях французского писателя, нельзя не обратиться к культурологическому аспекту изучения образа, который основан на анализе лексических единиц, фразеологизмов, образных средств речевой выразительности, воплощающих мировоззрение, миропонимание народа, национальные особенности [Грушевская, Ведерникова, 2022].

Материалы исследования

Целью нашей работы является рассмотрение вербального образа Франции в первой книге из цикла Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» (*À la recherche du temps perdu*) – «По направлению к Свану» (*Du côté de chez Swann*).

Методы исследования

Для характеристики лексических единиц, вербализующих образ Франции в романе «В поисках утраченного времени», был использован описательный метод. Также мы использовали структурный метод, помогающий охарактеризовать синтаксические и лексические структуры. Для анализа отдельных элементов, являющихся важными для исследования, был использован метод компонентного анализа.

Полученные результаты

Образ Франции в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» состоит из двух основных компонентов, наиболее полно вербализированных: образ жителей страны, а также образ города. Эти два компонента занимают центральное место в романе писателя и переплетаются в единое целое.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЖИТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ

На страницах романа обнаруживается огромное количество персонажей, исследователи насчитывают более пятисот действующих лиц, а еще большее двух тысяч упоминаемых персонажей [Гайбарян 2005]. Роман содержит своеобразную подробную «летопись» французского высшего

общества с конца XIX века и по Первую мировую войну, хотя всего его действия охватывают полвека. Общество аристократов, богемы и буржуа, пытающихся всеми силами пробиться в высшее общество, – хорошо знакомо повествователю, который в романе именует себя Марселем.

Жители страны представлены писателем очень разнопланово. С одной стороны, они воспитаны, учтивы и сдержаны. Например, рассмотрим, как рассказчик характеризует одну из центральных фигур романа – Свана:

“L'ignorance où nous étions de cette brillante vie mondaine que menait Swann tenait évidemment en partie à **la réserve** et à **la discrétion** de son caractère...” – Наше незнание той блестящей светской жизни, которую вел Сван, очевидно, отчасти объяснялось **сдержанностью** и **благоразумием** его характера... (M. Proust. *Du côté de chez Swann*).

Характер персонажа представлен с положительной стороны, для этого автор использует существительные с позитивной коннотацией – *la réserve* (сдержанность) и *la discrétion* (благоразумие, рассудительность).

Более того, жители страны в романе М. Пруста – это люди от природы, наделенные тонким вкусом к искусству: к живописи и литературе. Они избирательны в выборе «пищи для ума». Чтобы это показать, писатель использует интертекстуальные элементы в повествовании. Например:

Ma grand'mère, ai-je su depuis, avait d'abord choisi **les poésies de Musset, un volume de Rousseau et Indiana**; car **elle jugeait les lectures futiles aussi malsaines que les bonbons et les pâtisseries**... – Моя бабушка, как я потом узнал, сначала выбрала стихи Мюссе, сборник Руссо и Индианы; потому что, она считала бесполезное чтение таким же вредным для здоровья, как сладости и пирожные....

М. Пруст упоминает имена и произведения французских классиков: *les poésies de Musset* (стихотворения Мюссе) – речь идет об Альфреде де Мюссе, крупнейшем представителе литературы романтизма; *un volume de Rousseau* (сборник Руссо) – Жан-Жак Руссо – великий писатель и философ эпохи Просвещения; *Indiana* (Индиана) – первый роман французской писательницы Жорж Санд. Кроме того, автор использует сравнение: *les lectures futiles aussi malsaines que les bonbons et les pâtisseries*. Бабушка главного героя сравнивает бесполезное для ума чтение с конфетами и выпечкой. Так тонко М. Пруст показывает ее отношение к, возможно, интересным, но не приносящим пользу книгам.

Рассмотрим один пример использования писателем интертекстуального элемента для создания положительного образа персонажа:

...Un numéro du Figaro où à côté du nom d'un tableau qui était à une Exposition de Corot, il y avait ces mots: «de la collection de M. Charles Swann. – ...Номер «Фигаро», где рядом с названием картины, представленной на выставке Коро, были такие слова (из коллекции г-на Шарля Свана).

Упоминая название авторитетной газеты, которая пользуется популярностью и на сегодняшний день – «Figaro», писатель показывает, что Сван обладает достойной коллекцией картин, принимающих участие в крупных выставках, что говорит о нем, как о человеке, разбирающемся в искусстве.

С другой стороны, М. Пруст, настоящий честный художник слова, не может умалчивать об отрицательных качествах французов. Они очень консервативны, далеко не всегда в положительном смысле. Писатель обличает их порой «индийское» отношение к обществу. Под этим эпитетом писатель понимает строгое деление на слои в обществе, при этом любые попытки начать общение с людьми из другого слоя, строго порицаются.

Обратимся к примеру:

M. Swann, le père, était agent de change ; le “fils Swann” se trouvait faire partie pour toute sa vie d'une caste où les fortunes, comme dans une catégorie de contribuables, variaient entre tel et tel revenu. – Мистер Сван, отец, был биржевым маклером; «сын Сван» на всю жизнь оказался частью касты, где состояния, как у категории налогоплательщиков, колебались между тем или другим доходом¹.

Писатель использует сравнение: для него ощущается разделение французского общества на слои также как нерушимые индийские касты, за пределы которых не выйти. Существительное *fils Swann* (Сван сын) взято автором в кавычки, хотя *M. Swann, le père* (Сван, отец) – нет. Так, используя пунктуацию, автор показывает то, что Сван-сын, заключен в оковы своего имени, все суждения о нем уже сформированы, общество воспринимает его так же, как и его отца. Также писатель использует метафору, сравнивая строгое французское деление на общественные слои с индийскими кастами: *faire partie pour toute sa vie d'une caste* (всю жизнь являться частью одной касты). Круг общения каждого человека этой уходящей эпохи был замкнут положением в обществе:

¹Здесь и далее перевод наш – Д. В.

On savait qu'elles avaient été les fréquentations de son père, on savait donc quelles étaient les siennes, avec quelles personnes il était "en situation" de frayer. – Известен был круг знакомых его отца, известен был, следовательно, круг его собственных знакомств, круг лиц, с которыми «ему полагалось» водить знакомство.

Снова с помощью пунктуации автор показывает строгость и нерушимость установок французского общества. Он выделяет выражение *en situation* кавычками. Данное устойчивое выражение закреплено в толковом словаре Larousse и означает: *en mesure de* (в состоянии, в положении). Чтобы усилить строгость выражения, автор использует кавычки.

Кроме того, французы временами представлены высокомерными.

Comme elle croyait qu'il **devait être flatté** par nos invitations, elle trouvait tout naturel qu'il ne vînt pas nous voir l'été sans avoir à la main un panier de pêches... – Так как она считала, что он должен быть польщен нашим приглашением, то она находила совершенно естественным, что он не приезжал к нам летом без корзины персиков.

То, что на героя произведения смотрят свысока показывает следующая часть предложения: *il devait être flatté* (он должен быть польщен), содержащая пассивную конструкцию. Еще один пример, показывающий снобизм французов:

On ne se gênait guère pour l'envoyer quérir dès qu'on avait besoin d'une recette de sauce gribiche ou de salade à l'ananas pour des grands dîners où on ne l'invitait pas, **ne lui trouvant pas un prestige suffisant** pour qu'on pût **le servir** à des étrangers qui venaient pour la première fois. – Мы без колебаний посылали за ним всякий раз, когда нам требовался рецепт соуса грибиш или ананасового салата для больших обедов, куда мы его не приглашали, не считая его достаточно престижным, чтобы его можно было подавать незнакомцам, пришедшим впервые.

Автор использует эпитет и усиливает его наречием, чтобы показать пренебрежительное отношение французов к людям ниже их по социальному статусу: *ne lui trouvant pas un prestige suffisant* (не считая его достаточно престижным). Более того, в предложении обнаруживается глагол с необычным для данного контекста употреблением: *servir* – подавать, сервировать, подать на стол. Используя этот глагол в данном предложении, автор подчеркивает, что к человеку относятся, как к блюду для званного ужина, которое можно подать достойным гостям.

Обратимся к еще одному примеру:

Un jour qu'il était venu nous voir à Paris, après dîner, en s'excusant d'être en habit, Françoise ayant, après son départ, dit tenir du cocher qu'il avait dîné "chez une princesse", – "oui, chez une princesse du demi-monde !" Avait répondu ma tante en haussant les épaules sans lever les yeux de sur son tricot, avec une ironie sereine. – Однажды, когда он приехал к нам в Париж, после обеда, извиняясь за то, что так одет, Франсуаза, после его отъезда, сказала, что слышала от кучера, что он обедал «у принцессы», – «да, у принцессы с полусвета!» – ответила тётя, пожимая плечами, не отрываясь от вязания, с безмятежной иронией.

Едкую иронию героини автор закладывает в ее реплику, дословно существительное *demi-monde* переводится как «полусвет». Согласно толковому словарю Le Robert, *demi-monde* означает: «Société de femmes légères et de ceux qui les fréquentent» («общество легкомысленных женщин и тех, кто их посещает»). В словаре существительное отмечено пометой *anciennement* (устаревшее). Термин был характерен для французского общества XIX века, тогда так называли девушек легкого поведения, которые содержались богатыми любовниками, а также тех, кто их окружал. Так, фраза тети, характеризующая Свана, звучит очень вызывающе и оскорбительно, она буквально считает, что Сван не достоин высокого общества.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ФРАНЦУЗСКОГО ГОРОДА

Не менее важная часть образа Франции, образ города, становится в романе объектом вербализации. Интересной чертой образа города в произведении М. Пруста служит его фантазийность. Дело в том, что писатель создает вымышленный город, который он называет *Combray* (Комбре). Писатель умело изображает собирательный образ провинциального города, пригорода Парижа. Примерно в таком месте писатель и провел свое детство. Этим интересен данный образ для анализа, так как в большинстве произведений французских писателей, вербализуется образ столицы страны – Парижа.

Городок Комбре и его описания занимают исключительную роль в романе, эта тема проходит через все тома «Поисков», писатель снова и снова возвращается к ней. Первая часть первого тома озаглавлена «Комбре», она посвящена событиям из детства главного героя и людям, населявшим городок. Образ города в романе не менее разноплановый, чем образ персонажей. Провинциальный город очень мал:

Combray de loin...ce n'était qu'une église... – Комбре из далека... был всего лишь церковью...

Чтобы показать миниатюрность городка, писатель использует сравнение. Он сравнивает город с церковью, так как из далека Комбре ей казался.

Образ города Комбре печален, мрачен в воспоминаниях ребенка:

“A l’habiter, Combray était un peu triste, comme ses rues dont les maisons construites en pierres noirâtres du pays, précédées de degrés extérieurs, coiffées de pignons qui rabattaient l’ombre devant elles, étaient assez obscures...” – Для жизни Комбре был несколько печален, как его улицы, дома которых, построенные из черноватых местных камней, которым предшествовали наружные ступени и увенчанные фронтонами, отбрасывавшими перед собой тени, были настолько темными...

Для того, чтобы показать мрачность города, писатель использует колоративный дискурс: “pierres noirâtres” (черноватые камни), “l’ombre assez obscures” (настолько темные тени), а также эпитет “triste” (печальный), который выполняя экспрессивно-оценочную функцию, отражает личное отношение рассказчика к городу. Так, инструментами для вербализации города в романе М. Пруста служат колоративная лексика, несущая в себе символическое значение, а также эпитеты.

Важной составляющей города является его архитектура. Писатель умело воплощает урбанистический образ Франции.

В каждом городе Франции, даже в очень маленьком обязательно есть церковь:

Que je l’aimais, que je la revois bien, notre Église! – Как я любил ее, я снова вижу ее, нашу Церковь).

То, что это очень важная часть Комбре для горожан, автор подчеркивает написанием слова *Église* (церковь) с большой буквы. Описанию церкви автор уделяет особое внимание:

Ses vitraux ne chatoyaient jamais tant que les jours où le soleil se montrait peu, de sorte que fût-il gris dehors, on était sûr qu’il ferait beau dans l’église. – Ее витражи никогда так не переливались, как в те дни, когда солнце светило мало, поэтому, даже если на улице было серо, можно было быть уверенным, что в церкви будет красиво.

В данном описании автор использует контраст и метафору: плохая погода «создает» хорошую «погоду» внутри церкви. Снова для вербализации города автор использует колоратив “gris” (серый), являющийся в данном контексте символом уныния, печали и грусти.

Описывая архитектуру Комбре, рассказчик упоминает колокольню:

Des fenêtres de sa tour, placées deux par deux les unes au-dessus des autres, avec cette juste et originale proportion dans les distances qui ne donne pas de la beauté et de la dignité qu’aux visages humains, il lâchait, laissait tomber à intervalles réguliers des volées de corbeaux... – Из окон своей башни, проданных по два, одна пара над другою, с соблюдением той правильной и своеобразной пропорции в расстояниях, которая сообщает красоту и достоинство не только человеческим лицам, она выпускала, выбрасывала, через одинаковые промежутки времени, стаи воронов...

Автор воссоздает пугающий образ колокольни посредством использования витальной метафоры: он оживляет архитектурное сооружение, сравнивая его особенности с пропорциональным человеческим лицом. Образу многовековой старой колокольни придает динамизм, но в тоже время мрачность, еще одна метафора: вороны, которых «выпускала колокольня» через равные промежутки времени. В данной метафоре прослеживается скрытое сравнение с заводом, выпускающим пар. Урбанистический образ представлен в этом фрагменте мрачно. Однако этот образ у Марселя Пруста непостоянен, он меняется в зависимости от погоды или настроения рассказчика:

Quand après la messe, on entrait dire à Théodore d’apporter une brioche plus grosse que d’habitude parce que nos cousins avaient profité du beau temps pour venir de Thiberzy déjeuner avec nous, on avait devant soi le clocher qui, doré et cuit lui-même comme une plus grande brioche bénie, avec des écailles et des égouttements gommeux de soleil, piquait sa pointe aiguë dans le ciel bleu. – Когда после мессы мы приходили сказать Теодору, чтобы он принес бриошь побольше, чем обычно, потому что наши кузены воспользовались хорошей погодой и приехали из Тиберзи, чтобы пообедать с нами, то перед нами появлялась колокольня, которая сама была, как самая большая золотая и испеченная бриошь, с чешуйками и липкими каплями солнечного света, вонзала своим острым концом в голубое небо.

Так, автор использует необычное сравнение: он сравнивает колокольню в солнечный день с большой сахарной булочкой. Мрачный урбанистический образ сменяется абсолютно умиротворенным и радостным, что достигается автором благодаря использованию сравнения, эпитетов и яркой ассоциации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ образов жителей Франции показал как их положительные, так и их отрицательные черты. Французы представлены как люди с тонким вкусом к искусству, сдержанные и рассудительные. Однако их образу присущи и негативные качества: консервативность взглядов, переходящая порой в ригоризм, жесткое деление общества на слои, которое неизбежно сопутствует высокомерию. Передачи этих качеств писатель добивается посредством яркой метафоричности, использования средств речевой выразительности, интертекстуальных элементов, отбором лексики и пунктуационными средствами.

Несмотря на то, что для своего романа М. Пруст «изобретает» город, образу города соответствует реалистичное для Франции описание. Писатель создает собирательный образ провинциального французского города, в котором основное внимание уделяется архитектуре.

Образ Франции, вербализованный в первом томе романа М. Пруста «В сторону Свана», характеризуется многоаспектностью и многогранностью. Основные его аспекты – нравы жителей Франции и ландшафт французского города. Роман Пруста «В сторону Свана» представляет интерес для изучения Франции в лингвокультурологическом аспекте. Он неизменно остается неисчерпаемым источником наших представлений о Франции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского Государственного университета. Серия: искусствоведение, филология. 2009. № 35. С. 20–26.
2. Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка. Воронеж: издательство Воронежского университета, 1966.
3. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент: ФАН, 1973.
4. Колодкина Е. Н. Оценка и эмоциональность в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. Тверь: Тверской Государственный университет, 1991, С. 89–93.
5. Грушевская Т. М., Ведерникова Д. Р. Образ французского города в произведениях Э. Золя и Г. де Мопассана // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 3 (302). С. 31–35.
6. Гайбарян, О. Е. История зарубежной литературы конца 19 – начала 20. Ростов: Ростовский Государственный университет, 2005.

REFERENCES

1. Borisova, E. B. (2009). O soderzhanii ponyatij "hudozhestvennyj obraz" i "obraznost" v literaturovedenii i lingvistike = On the content of the concepts of "artistic image" and "imagery" in literary criticism and linguistics // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 35, 20–26. (In Russ.)
2. Chizhik-Polejko, A. I. (1966). Stilistika russkogo yazyka = Stylistics of the Russian language. Voronezh: Voronezh University Publishing House. (In Russ.)
3. Aznaurova E. S. (1973). Ocherki po stilistike slova = Essays on the style of the word. Tashkent. FAN. (In Russ.)
4. Kolodkina, E. N. (1991). Ocenka i emocional'nost' v psihologicheskoy strukture znacheniya slova = Evaluation and emotionality in the psychological structure of the meaning of a word . Problemy semantiki: psicholingvisticheskie issledovaniya = Problems of semantics: psycholinguistic research (pp. 89–93): collection of scientific paper. Tver: Tver State University. (In Russ.)
5. Grushevskaya, T. M., Vedernikova D. R. (2022). Obraz francuzskogo goroda v proizvedeniyah E. Zolya i G. de Mopassana = The image of a French city in the works of E. Zola and G. de Maupassant. Bulletin of Adygea State University. Series 2: Philology and art history, 3, 31–35. (In Russ.)
6. Gajbaryan, O. E. (2005). Istoriya zarubezhnoj literatury konca 19 – nachala 20 = History of foreign literature of the late 19th – early 20th. Rostov: Rostov State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ведерникова Дарья Романовна
преподаватель, соискатель
кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vedernikova Daria Romanovna
Lecturer, Postgraduate Student,
French Philology Department, Faculty of Romance and Germanic Philology,
Kuban State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	17.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	20.06.2024	
	24.06.2024	

Закономерности формирования базовых ценностей (на материале древнекитайской лингвокультуры)

О. В. Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

linuan12@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – установить закономерности эволюции базовых ценностей на основе этимологического, компонентного и контекстуального анализа китайских иероглифов-аксиологем. В структуре иероглифов, обозначающих 'ценность', содержатся графемы, отражающие древнекитайские представления о богатстве: наличие рабочих рук, земли, орудий труда и предметов быта, дома, денег и др. Изменение структуры иероглифа-аксиологемы приводит к семантическим сдвигам лексического значения от конкретного к абстрактному. Современное понимание 'ценности' в китайской лингвокультуре опирается на древние представления, отраженные в структуре иероглифов-аксиологем.

Ключевые слова: ценность, лингвокультура, древнекитайский язык, аксиологическая картина мира, китайцы.

Для цитирования: Дубкова О. В. Представление о ценностях в древнекитайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 44–50.

Original article

Patterns of Formation of Basic Values (based on the material of ancient Chinese linguoculture)

Olga V. Dubkova

Xi'an International Studies University, Xi'an, China

Nizhny Novgorod Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

linuan12@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is a linguistic analysis of axiologeme words in ancient Chinese linguistic culture. The study is based on etymological, component and contextual analysis of lexicographic sources. The structure of hieroglyphs denoting 'value' contains graphemes that reflect ancient Chinese ideas about wealth: the presence of workers, land, tools and household items, houses, money, etc. Changing the structure of the hieroglyph-axiologeme leads to semantic shifts in lexical meaning from concrete to abstract. The modern understanding of 'value' in Chinese linguistic culture is based on ancient Chinese ideas reflected in the structure of hieroglyphs-axiologemes.

Keywords: value; linguistic culture, ancient Chinese language, axiological picture of the world, Chinese

For citation: Dubkova, O. V. (2024). The idea of values in ancient Chinese linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 44–50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Аксиологическая картина мира этноса представляет собой сложную многоуровневую систему понятий, возникшую в результате накопления знаний и представлений о том, что хорошо, а что плохо, в рамках определенной лингвокультуры, репрезентированную средствами национального языка. В основе значения лексем, обозначающих ценности, лежит оценка, которая выражается единицами разных языковых уровней. Китайский язык и китайская лингвокультура в целом, на основе которых проводится исследование общей лингвистической проблемы закономерностей формирования ценностей, опирается на иероглифическую систему письма и отражает древнекитайские представления об устройстве социума. Китайский язык представляет собой ценнейший материал для диахронического исследования ценностной картины мира этноса, позволяющий последовательно верифицировать все интерпретации содержания ценностей.

Цель нашего исследования – представить основные закономерности эволюции ценностей на основе лингвистического анализа общих представлений о ценностях в древнекитайской лингвокультуре. В статье последовательно рассматриваются:

- 1) общие представления о ценностях древних китайцев;
- 2) история формирования ценностных представлений;
- 3) их репрезентация в конкретных языковых знаках и их исторические трансформации.

Всё вышеперечисленное позволяет установить основные закономерности эволюции ценностей.

В статье приводятся разные виды семантического анализа слов, обозначающих ценности: компонентный, этимологический и контекстуальный. Они позволяют выявить динамические изменения ценностной картины мира.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ. БАЗОВЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В современном китайском языке для обозначения аксиологических категорий и системы ценностей используется слово 价值观 [jiàzhíguān], которое является новообразованием, построенным по традиционной словообразовательной модели. Отсутствие архаической лексики, номинирующей ценности, позволяет ряду китайских ученых утверждать, что в древнекитайской лингвокультуре:

- 1) не существовало системы ценностей¹;

¹См., например: [郑晓江, 钟向东, 1986; 李明华, 1992; 钱再见, 2000] и др.

- 2) не было единой системы ценностей;
- 3) аксиологические представления зарождаются в династии Шан (1554–1046 гг. до н. э.) и складываются в правила поведения в период Весен и Осеней (770–476 гг. до н. э.) и эпоху Сражающихся Царств (476–221 гг. до н. э.).

В ходе развития китайского общества нормы поведения постоянно дополнялись и совершенствовались, формируя философско-религиозную систему ценностей, которая, в свою очередь, эксплицировалась в древнекитайских канонах, трактатах, династийных хрониках, сводах законов и императорских указах.

Как показывает анализ древнекитайских канонических текстов и словарей древнекитайского языка, *ценностные представления возникают одновременно с формированием государственности и отражаются в системе норм и правил поведения для каждого из представителей социума*. Одним из первых возникает представление о богатстве, которое предполагает наличие рабочих рук и земли, затем достаток связывается с наличием еды, вина и крыши над головой. Постепенно формируется представление о принципах поведения правителей и чиновников, так называемой элиты (王 / ванов, 诸 / чжу, 侯 / хоу, 士 / ши и 子 / цзы). Нормы поведения определяются различными религиозно-философскими школами по-разному в зависимости от целей государственного правления и социальной системы и *претерпевают определенные изменения под влиянием иных (неханьских) лингвокультур*.

Выделенные курсивом положения можно распространить и на закономерности формирования ценностных систем в других лингвокультурах. Специфичен лишь вопрос о том, как обозначается в древнекитайской лингвокультуре понятие «ценности» и как семантические изменения аксиологических понятий фиксируются средствами иероглифического письма.

Хотя в древнекитайской лингвокультуре не выявлено единственного слова, обозначающего понятие «ценность», в результате анализа древнекитайских текстов обнаружено, что для обозначения разного рода аксиологических понятий используются слова 贵 [guì] / *дорогой*, 富 [fù] / *богатый*, 宝 [bǎo] / *ценный* и 珍 [zhēn] / *драгоценный*, которые можно назвать древнекитайскими знаками-аксиологемами, – словами (понятиями), используемыми в Древнем Китае² для обозначения ценностных отношений к реалиям.

²Древний Китай – государственное образование, существующее на территории современного Китая с дописьменного периода до конца правления династии Цин (1911?).

Таблица 1

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЕРОГЛИФОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ «ЦЕННОСТИ»
В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Иероглиф	Значение	Период возникновения	Окончательное формирование	Тип иероглифа	Структура иероглифа
贵 [guì]	дорогой	дин. Шан	дин. Цинь	пиктограмма	手 / рука, 土 / земля
富 [fù]	богатство	дин. Шан	дин. Хань	идеограмма	宀 [mián] / крыша 畐 [fú] / сосуд для воды и еды
宝 [bǎo]	ценный	дин. Шан	дин. Хань	идеограмма	宀 [mián] / крыша 玉 [yù] / нефрит
珍 [zhēn]	дорогой	эпоха Сражающихся Царств	дин. Хань	фонограмма	王 [wáng] / князь 彡 [zhēn] / светящийся

МОДИФИКАЦИЯ ГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИЕРОГЛИФА КАК ОТРАЖЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ АКСИОЛОГЕМЫ

Сравнительно-исторический анализ показывает, что самым древним знаком для обозначения ценности является иероглиф 贵 [guì] / *дорогой*. Он впервые зафиксирован в записях на панцирях черепах и костях и представляет собой изображение двух рук и «горстки» земли, которое могло дополняться изображением сельскохозяйственных инструментов (см. рис. 1). Сюй Чжуншу считает, что иероглиф 贵 [guì] / *дорогой* исторически связан с сельскохозяйственной деятельностью древних китайцев, в которой ценностью считались рабочие руки, земля и сельскохозяйственные инструменты [徐中舒, 2014, с. 706–707]. В период Сражающихся Царств происходит изменение верхней части иероглифа: две руки заменяются на иероглиф 奥 [kuì], вероятно, обозначающий корзину из бамбука или соломы. В некоторых вариантах написания добавляется знак 貝 [bèi] / *раковина*. Отметим, что в Древнем Китае в качестве платежных средств использовались раковины каури, именуемые так называемыми 货贝 / *деньгами-монетами*, поэтому данным словом (иероглифом) символически обозначалось богатство, блага и ценности. В династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) в уставном письме «сяочжуань» изменяется расположение частей, вверху – графема 奥, внизу – 貝 [徐建中, 2016, с. 59]. В данный период формируется окончательный облик иероглифа, который тесно связан с древнекитайскими представлениями о ценности.

Рис. 1. Иероглиф 贵 [guì] / *дорогой* в династии Шан
[贵 百度百科 <https://baike.baidu.com/pic/贵>]

Модификация графического облика иероглифа свидетельствует о постепенном становлении аксиологических категорий в сознании древнекитайского этноса, в основном завершающих стабилизацию содержания в династии Хань (202 до н. э. – 220 н. э.). Пр продемонстрируем сказанное на примере. Так, изначально ценность представляют рабочие руки, что характерно для земледельческой цивилизации, то позже ценными считаются: 玉 [yù] / *нефрит, деньги* (貝 [bèi] / *раковина*), наличие 宀 [mián] / *крыши* (дома), орудий труда (奥 [kuì] / (вероятно) *корзина из бамбука*), 畐 [fú] / *сосудов для хранения еды и алкоголя*, представители власти (王 [wáng] / *князь и император*), другие символы власти и могущества. Всё это свидетельствует о развитии аксиологических представлений древних китайцев от конкретных к абстрактным и распространением норм и правил на всё этническое сообщество.

Результаты сравнительного анализа происхождения китайских знаков-аксиологем и графической структуры данных слов представлены в таблице (см. табл. 1)¹.

В эпоху Сражающихся Царств возникает фонограмма, или фоносемантический составной символ 珍 [zhēn] / *дорогой*. Известный китайский историк и археолог Лю Сюэцин (1933–2019) указывает, что этот иероглиф состоит из графем 王 [wáng] и 彡 [zhēn]. Слева – 王 [wáng] / *правитель, император*. Изначально графема похожа на нитку нефрита, указывая на то, что император соотносится по ценности с нефритом. Справа – 彡 [zhēn], что может указывать на чтение иероглифа; в то же время слово 彡 [zhēn] имеет значение «светящийся», и в данном случае означает, что сокровища обладают большим блеском [李学勤, 2013, с. 20].

Иероглиф 玉 [yù] / *нефрит* как графема входит в состав многих иероглифов современного

¹В таблице 1 не отражены варианты написания, используемые в различные периоды формирования графического образа.

китайского языка, обозначая «ценность» и «ценности». Первоначальное значение слова 宝 [bǎo] – *сокровища и драгоценности*. Обычно говорят о 珍宝 / *сокровищах, драгоценностях*, 宝藏 / *сокровищнице, богатствах*, 宝库 / *хранилище драгоценностей* и т.д. Постепенно это понятие начинает указывать и на другие предметы, обладающие высокой материальной, а затем и духовной ценностью: 宝玉 / *букв. 'драгоценный нефрит'*, 宝剑 / *букв. 'драгоценный меч'*, 宝塔 / *букв. 'драгоценная пагода' (буддийский сосуд для хранения шарир)*, 宝座 / *букв. 'драгоценное сидение' (трон императора)*, 宝卷 / *букв. 'драгоценный свиток' (баоцзюань – вид древнекитайских театральных представлений)* и т.д. Из примеров следует, что понятие «宝» [bǎo] постепенно расширяется и начинает обозначать различные ценностно значимые аспекты разных сфер социальной жизни, включая религию и искусство.

Морфема 宝 [bǎo] / *ценность* активно используется для образования новых слов и устойчивых выражений. На основе анализа словарей нами выделено 426 слов и чэньюев, содержащих в своем составе морфему (слово) 宝 / *ценность*. Приведем несколько примеров:

- 瑰宝 / *букв. 'самоцвет' и 'сокровище' (значение – «достояние, раритет»);*
- 大宝 / *букв. 'великое сокровище' (значение – «трон» или «престол»; «честь и слава»; «тело человека»);*
- 国宝 / *букв. 'национальное сокровище' (значение – «достояние, ценность»);*
- 文房四宝 / *букв. 'четыре сокровища кабинета ученого' (кисть, тушь, бумага и тушечница);*
- 地不爱宝 / *ради земли (территории) нельзя скупиться на сокровища (идиом.) и др.*

В древнекитайском словаре «Шовэнь», созданным в дин. Хань, указывается, что 珍 [zhēn] тоже самое, что и 宝 [bǎo] [许慎, 2015, с. 96]. В период правления династии Восточная Хань (зафиксировано в текстах, датированных 105 г. н. э.) формируется значение «редкий, превосходный, прекрасный, изящный», которое используется для метафорического обозначения талантливого и добродетельного человека, высокой добродетели и нравственности, а также деликатесов. В династии Цин поэт Хао Исин (1757–1825) использует данное слово в значении «придавать большое значение, высоко ценить, беречь», т.е. слово приобретает оценочную коннотацию, связанную с оценкой не только материальных, но и духовных ценностей.

В словаре современного китайского языка отмечено четыре значения слова 珍 [zhēn]: 1) драгоценный предмет; 2) драгоценный, имеющий

высокую ценность; 3) высоко ценимый или почитаемый; 4) имя собственное [现代汉语词典, 2022, с. 1662]. Таким образом, формирование значения слова идет от изначального обозначения словом материальной ценности предмета к обозначению почтительного отношения к людям, которое формируется в цинский период.

В словарях китайского языка нами выделено 201 слово и ФЕ, имеющее в своем составе морфему (компонент) 珍 [zhēn], например:

- 珍惜 / *дорожить, беречь, ценить (время, труд, человека и т. д.);*
- 珍藏 / *бережно хранить;*
- 珍重 / *высоко ценить, дорожить, заботиться о своем здоровье;*
- 珍贵 / *дорогой, ценный;*
- 珍本 / *редкая и ценная древняя книга;*
- 珍馐 / *изысканный деликатес;*
- 行珍馆 / *букв. 'заведение для изготовления драгоценностей' (значение – «кухня»);*
- 山珍海味 / *букв. драгоценности гор и вкус морей (значение – «изысканные яства»);*
- 八珍咸粥 / *букв. 'солёная каша восемью драгоценностей';*
- 如获珍宝 / *букв. 'словно найти бесценное сокровище' (значение – «сильно обрадоваться»).*

Приведенные примеры показывают, что в сознании носителей китайского языка ценность 珍 [zhēn] ассоциируется с процессом освоения разных знаний, отраженных в древних трактатах. В частности, одно из направлений формирования понятия ценности опирается на древнекитайские представления о культуре питания как о важной части системы церемоний и ее связи с оценкой человека. Традиционно считается, что 和谐 / *гармония* достигается в процессе правильного приема пищи, последовательности употребления различных блюд, каждое из которых также должно быть гармоничным, содержать все пять вкусов и пять цветов.

В конце правления династии Восточная Хань (в конце II в. н. э.) под влиянием неханьских языков и культур начинает изменяться структура китайского слова, формируются новые понятия, состоящие из двух и более иероглифов, что естественно отражается на структуре слов, обозначающих ценности. Сравнительный анализ их формирования в древнекитайской лингвокультуре и количественный анализ слов и ФЕ, содержащих иероглифы-аксиологемы, представлен в таблице (см. табл. 2).

Хотя «лексикографы, отражающие состояние словарной системы языка, не могут фиксировать изменения в значениях слов в небольшие временные периоды, поскольку это не является

Таблица 2

ПЕРИОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЙ «ЦЕННОСТЬ»
В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Иероглиф	Первая фиксация ценностного значения	Окончательное формирование значения	Количество слов и ФЕ с данным ком- понентом
贵 [guì] дорогой	период Весен и Осеней	эпоха Сражающихся Царств	369
富 [fù] богатство	Западная Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.)	дин. Лян (502–557)	273
宝 [bǎo] ценный	Западная Хань	Китайская Республика (1912–1949)	426
珍 [zhēn] дорогой	эпоха Сражающихся Царств	дин. Цин (1616 (или 1644) –1911)	201

Таблица 3

КОНТРАСТИВНЫЙ КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ «ЦЕННОСТИ»
В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Признак	贵 [guì]	富 [fù]	宝 [bǎo]	珍 [zhēn]
дорогой	+	+	+	+
редкий	+	-	+	+
ценный	+	-	+	+
богатый	+	+	-	-
многочисленный	-	+	-	-
благородный	+	+	+	+
влиятельный	+	+	-	+
способный, талантливый	-	-	-	+
прекрасный	+	-	+	+

их задачей» [Пищальникова, 2023, с. 51], они отражают общие тенденции развития значений китайского знака (слова). Количественный анализ слов и ФЕ, имеющих в своем составе иероглифы-аксиологемы, свидетельствует о том, что морфема (компонент) 宝 [bǎo] / *ценный* участвует в образовании наибольшего количества слов и выражений китайского языка (426). Для определения причин словообразовательного потенциала необходимо провести компонентный анализ, результаты которого представлены в таблице (см. табл. 3). На основе анализа значений слов-аксиологем в древнекитайском языке считаем возможным выделить следующие семы, актуализированные в структуре ЛЗ и считающиеся значимыми:

Сравнительный анализ признаковой зоны показывает, что все ценностные категории в древнекитайской лингвокультуре изначально связаны с понятием материальной ценности и происхождением ее носителей, при этом понятия противопоставляются по шкалам «уникальный – распространенный / редкий – многочисленный, влиятельный – незначительный» (социальный

статус), «прекрасный – безобразный» (эстетическая оценка). Базовыми семантическими категориальными признаками для формирования понятия ценности являются:

- 1) уникальность или редкость предмета;
- 2) символическое ассоциирование его с добродетелями китайской нации;
- 3) социальная значимость реалии (культурно-историческое содержание, применение в регулировании социальных отношений).

Принципиально то, что эти признаки формируются последовательно, в разные исторические периоды актуализируются разные аксиологические признаки слова. При этом графический облик слова определяет его семантическую структуру и его словообразовательный потенциал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование становления ценностных систем других лингвокультур, осуществленное в последнее время рядом отечественных ученых, позволяет соотнести сделанные нами выводы с уже

известными положениями лингвоаксиологии и акцентировать следующее.

Как правило, ценностные категории формируются стихийно и последовательно, модифицируясь под влиянием совокупности социально-политических и иных культурных факторов. Изначально они формируются на основе уникальности для социума ряда материальных предметов. Они могут быть различными в разных культурах, но всегда характеризуются редкой встречаемостью.

Такие предметы могут приобретать символическую функцию и номинировать свойства и качества, ценные для социума и одобряемые им, что способствует постепенному формированию моральных ценностей.

Символическое содержание может модифицироваться, а вместе с ним изменяется и содержание

ценностей, представляющих собой внутренне динамичную систему, хотя и обладающую неустойчивым равновесием в каждый исторический период существования этноса / социума.

В каждой конкретной лингвокультуре способы репрезентации ценностей могут иметь особенности, связанные со структурным типом языка, особенностями его письменности и другими факторами. Вероятно, этимоны слов, обозначающих базовые ценности, могут порождаться на основе разных признаков, но всегда связанных с представлением оценки в конкретном языке. Так, в статье было показано, что ядром древнекитайского понятия «ценность» является признак 贵 / дорогой, который постепенно ассоциируется с другими, образуя современное сложное аксиологическое понятие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 郑晓江, 钟向东. 对中国传统价值观的思考 [J]. 学术月刊, 1986, 18(3): 14–17. = Чжэн Сяоцзян, Чжун Сяндун. Размышления о традиционных китайских ценностях // Научный ежемесячный журнал. 1986. № 18(3). С. 14–17. (На кит. яз.)
2. 李明华. 论中国传统价值观的形成和发展[J]. 社会科学家, 1992, 7(6): 86–90 = Ли Минхуа. О формировании и развитии традиционных китайских ценностей // Социолог. 1992. № 7(6). С. 86–90. (На кит. яз.)
3. 钱再见. 人的现代化与中国传统价值观的现代转向[J]. 南京社会科学, 2000(12), 41–44. = Цзянь Цайцзянь. Гуманистическая модернизация и современные сдвиги в традиционных китайских ценностях // Социальные науки. Нанкин, 2000. № 12. С. 41–44. (На кит. яз.)
4. 徐中舒著. 甲骨文字典[M]. 成都: 四川辞书出版社, 2014. 01. 1613页. = Сюй Чжуншу. Словарь иероглифов «цзягувэнь». Чэнду: Сычуаньское лексикографическое изд-во, 2014. (На кит. яз.)
5. 徐建中著. 汉字国学 汉字里的国学常识[M]. 北京. 中国商业出版社, 2016.11. 264页. = Сюй Цзяньчжун. Ханьцзы госюэ (Изучение культуры древнекитайской письменности). Общие знания о классической синологии в области иероглифики. Пекин: Китайское коммерческое изд-во, 2016. (На кит. яз.)
6. 许慎. 说文解字[M]. 长春: 吉林美术出版社, 2015. 03. 875页. = Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы (Происхождение китайских иероглифов). Чанчунь: Цзилиньское изд-во «Изобразительное искусство», 2015. (На кит. яз.)
7. 李学勤编. 字源[M]. 天津. 天津古籍出版社. 2013. 07. 1420页. = Ли Сюэцин. Происхождение иероглифов. Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство «Древняя литература», 2013. (На кит. яз.)
8. 现代汉语词典. 商务印书馆, 2022. 1800页. = Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое изд-во, 2022. (На кит. яз.).
9. Пищальникова В. А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2(870). С. 49–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9.

REFERENCES

1. 郑晓江, 钟向东. 对中国传统价值观的思考[J]. 学术月刊, 1986, 18(3): 14–17. = Zheng Xiaojiang, Zhong Xiangdong. (1986). Thoughts on traditional Chinese values. Academic Monthly, 18(3), 14–17. (In Chinese)
2. 李明华. 论中国传统价值观的形成和发展[J]. 社会科学家, 1992, 7(6): 86–90. = Li Minghua (1992). On the Formation and Development of Traditional Chinese values. Social scientist, 7(6), 86–90. (In Chinese)
3. 钱再见. 人的现代化与中国传统价值观的现代转向[J]. 南京社会科学, 2000(12): 41–44. Qian Zaijian (2000). The modernization of people and the modern shift of traditional Chinese values. Nanjing Social Sciences, 12, 41–44. (In Chinese)
4. 徐中舒著. 甲骨文字典[M]. 成都: 四川辞书出版社, 2014. 01. 1613页. = Xu Zhongshu (2014). Palaeographic Dictionary. Chengdu: Sichuan Dictionary Publishing House. (In Chinese)

5. 徐建中著. 汉字国学 汉字里的国学常识[M]. 北京. 中国商业出版社, 2016.11. 264页. = Xu Jianzhong. (2016). Chinese characters. Chinese studies. Common sense of Chinese studies in Chinese characters [M]. Beijing, China Business Press. (In Chinese)
6. 许慎. 说文解字[M]. 长春: 吉林美术出版社, 2015. 03. = Xu Shen. (2015). Speak and interpret words. Changchun: Jilin Fine Arts Publishing House. (In Chinese)
7. 李学勤编. 字源[M]. 天津. 天津古籍出版社. 2013. 07. 1420页. = Li Xueqin (2013). Etymology (of a non-Chinese word). Tianjin: Tianjin Ancient Books Publishing House. (In Chinese)
8. 现代汉语词典. 商务印书馆, 2022. 1800页. = Modern Chinese Dictionary. (2022). Commercial Press. (In Chinese).
9. Pishchalnikova, V. A. (2023). Prognosticheskij aspekt psiholingvisticheskogo issledovaniya znachenija slova = Prognostic aspect of the psycholinguistic study of the meaning of the word. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 49–56. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор

иностраный специалист, Сианьский университет иностранных языков

ассоциированный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Professor

Foreign Expert, Xi'an International Studies University, Associate Researcher of the Research Laboratory

“Theoretical and Applied Problems of Translation Studies” of Nizhny Novgorod Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.05.2024
22.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Модификация базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре

А. И. Хлопова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
chloпова_anna@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является установление изменений в содержании базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре за 5 лет. Исследование строится на основе анализа данных двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных автором статьи с носителями немецкой лингвокультуры. В результате было установлено, что семья является для респондентов самой значимой ценностью, однако данные экспериментов зафиксировали изменения, связанные с выделением роли матери в семейных отношениях.

Ключевые слова: модификация, ассоциативный эксперимент, ценность, семья, лингвокультура

Для цитирования: Хлопова А. И. Модификация базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 51–59.

Original article

Modification of the Basic Value “Family” in German Linguoculture

Anna I. Khloпова

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chloпова_anna@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to establish changes in the content of the basic value “family” in German linguistic culture over 5 years. The study is based on the analysis of data from two free associative experiments conducted by the author of the article with representatives of German linguistic culture. As a result, it was found that the family is the most significant value for the respondents, however, the experimental data recorded changes associated with the emphasis on the role of the mother in family relationships.

Keywords: modification, associative experiment, value, family, linguistic culture.

For citation: Khloпова, A. I. (2024). Modification of the basic value “family” in German Linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 51–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Относительно общеизвестно, что любой этнос воспринимает внеязыковую реальность только через призму национально-языковой специфики, что непосредственным образом связано с характером социально-исторического развития народа, географическими и климатическими условиями его жизнедеятельности, уникальностью национальной культуры и другими экстралингвистическими факторами. Язык, в свою очередь, является не просто средством общения, он отражает культуру, историю, мировоззрение, несет на себе отпечаток материально-духовной жизнедеятельности определенной этнической общности [Леонтович, 2003]. Базовые ценности входят в число этнических констант, которые получают реальное психическое существование только через присвоение их содержания индивидами в процессе конкретной деятельности, в частности речевой, поэтому язык является естественным репрезентантом их содержания и модификации [Леонтович, 2003].

На сегодняшний день ученые выделяют различные ценности в качестве базовых, прежде всего, потому что основания для их выделения могут быть различны [Adler, 1964; Rokeach, 1973; Ерастов, 2002]. Несмотря на то, что списки базовых ценностей различаются, к наиболее значимым ценностям практически любого народа ученые относят семью. Она составляет основу социума, поскольку именно в семье формируются морально-нравственные ценности, нормы поведения, психологические ориентиры, что ведет к комфортному бытию человека в социуме. Семейные ценности формируют личности определяют ее отношение к миру в целом. Семейные узы создают чувство принадлежности к определенному единству, гарантируют чувство защищенности. Несмотря на то, что представление о семье может существенно различаться в различных картинах мира, ее значимость как социального компонента лингвокультуры велика. Однако в современных условиях наблюдается модификация содержания даже тех ценностей, которые относятся к базовым, а потому должны быть относительно стабильными. Причины такой модификации могут быть совершенно различными, поскольку на присвоение ценности индивидом влияют разнообразные факторы. С одной стороны, присвоение ценности осуществляется через индивидуальное восприятие ценности, а система присвоения зависит от психологической ориентации. С другой стороны, принципиально динамическая иерархия систем базовых ценностей лингвокультур детерминирована совокупностью социально-культурных факторов, содержательно специфичных для каждой

лингвокультуры. В качестве основного метода сбора данных используется свободный ассоциативный эксперимент, который позволяет установить разнородные симптомы, свидетельствующие о начале модификации базовой ценности.

Целью статьи является рассмотрение содержания и модификации ценности «семья» в немецкой лингвокультуре. Для реализации поставленной цели автор решает следующие задачи: обращается к данным двух свободных ассоциативных экспериментов, сопоставляет полученные данные между собой, устанавливает индекс устойчивости базовой ценности «семья» в немецкой лингвокультуре, верифицирует данные методом субъективного шкалирования.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы по изучению этнической идентичности, этнической культуры, национальной культуры [Адамова, 2006; Лурье, 2004; Стефаненко, 2009; Пищальникова, Хлопова, 2020].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал исследования – данные двух свободных ассоциативных экспериментов (2019 и 2024). Респонденты – носители немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 25 лет, студенты и школьники старших классов из городов Баден-Баден, Берлин, Фрайбург, Фехта, Франкфурт-на-Майне, Потсдам. По условиям эксперимента респонденты должны были реагировать первым пришедшим на ум словом на предложенные слова-стимулы. Одним из слов-стимулов было слово *Familie* (семья).

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента

В ходе эксперимента, проведенного в 2019 году, было получено 357 реакций. Методом случайной выборки нами было отобрано 200 реакций. Все реакции были распределены на реакции-понятия, реакции-представления, эмоционально-оценочные реакции [Пищальникова, 1999], были выделены дополнительные интегративные признаки:

Понятийные реакции

Mutter (мать)	28
Mama (мама)	26
Eltern (родители)	19
Partner (партнер)	9
Zusammenleben (совместительство)	6
Mama und Papa (мама и папа)	5
Geschwister (братья и сестры)	4
Bruder (брат)	1

Eltern und Kinder (родители и дети)	1
Kind (ребенок)	1
Kinder (дети)	1
Menschen (люди)	1
Papa (папа)	1
Всего реакций	103

Чуть больше половины реакций (51,5 %) – понятные, которые, преимущественно, свидетельствуют не о личностном отношении к ценности, а о понимании исследуемого понятия. Полученные в эксперименте понятные реакции являются номинацией членов семьи. При этом следует отметить важную тенденцию: 27 % от общего количества реакций связывают семью не с обоими родителями, а именно с матерью. Мать традиционно воспринимается во многих лингвокультурах в качестве центра семьи. Такая реакция может также указывать на то, что для опрошенных респондентов семья может состоять только из матери и ребенка. При этом роль отца снижается, на что указывают данные ассоциативного эксперимента: реакция *Mama und Papa* (мама и папа) была представлена лишь в пяти случаях, а реакция *Papa* (папа) является единичной. На изменения в институте семьи могут также указывать реакции *Partner* (партнер) и *Zusammenleben* (совместительство). Такие реакции хотя и не входят в устойчивое ядро исследуемой ценности, однако свидетельствуют о существующей в немецком обществе тенденции: нежелание официально регистрировать отношения.

Реакции-представления

Основа семьи:

Liebe (любовь)	25
Vertrauen (доверие)	6
Freundschaft (дружба)	1
vertrauen (доверять)	1
Всего реакций	33

Чувство принадлежности:

Zuhause (родной дом)	16
Zusammenhalt (сплоченность)	15
Heimat (родина)	13
zusammen (вместе)	5
alle (все)	1
meine (моя)	1
meine Leute (мои люди)	1
Всего реакций	52

Семья как защита:

Geborgenheit (защищенность)	7
Sicherheit (безопасность)	6
Rückhalt (опора)	1
Всего реакций	14

Реакции-представления составляют 49,5 % от общего количества реакций. Респонденты полагают, что в основе семейных отношений лежат другие базовые ценности, такие как любовь, доверие между членами семьи, дружеские отношения. Семья – это единый коллектив, способный гарантировать всем членам семьи заботливое отношение. Чувство принадлежности к семье, ощущение дома как гаранта защищенности и стабильности играет важную роль для носителей немецкой лингвокультуры. Семья воспринимается не просто как круг близких людей, а как определенная опора. Члены семьи помогают справиться с любыми жизненными трудностями. Семья – это то место, где индивид может быть самим собой, где его воспринимают таким, какой он есть. Семья позволяет быть уязвимым, показывать слабости, не боясь недовольства или осуждения со стороны родственников.

Эмоционально-оценочные реакции

Положительные реакции:

warm (тепло)	1
Wärme (тепло)	1
wichtig (важно)	1
wohl fühlen (комфортно себя чувствовать)	1
Всего реакций	4

Отрицательные реакции:

Streit (ссора)	1
Всего реакций	1

В эксперименте выделено незначительное количество эмоционально-оценочных реакций. Однако они свидетельствуют о положительном отношении респондентов к исследуемой ценности, а также указывают на ее значимость для респондентов.

Для сопоставления полученных данных и определения модификаций в значении базовой ценности, обратимся к данным свободного ассоциативного эксперимента 2024 года.

Понятные реакции

Mama (мама)	35
Mutter (мать)	29
Kind (ребенок)	10
Partner (партнер)	4
Zusammenleben (совместительство)	3
Bruder (брат)	1
Eltern (родители)	1
Geschwister (братья и сестры)	1
Kinder (дети)	1
Papa (папа)	1
Schwester (сестра)	1
Всего реакций	87

Реакции, полученные в эксперименте 2024 года, сходны по содержанию с реакциями 2019 года, что говорит об относительной стабильности исследуемой ценности. 32 % реакций свидетельствуют о том, что мать является центром семьи, а также подтверждают описанное выше предположение: для носителя немецкой культуры семья может состоять из двух членов – из матери и ребенка. Реакции *Partner* (партнер) и *Zusammenleben* (совительство), которые, как и в эксперименте 2024 года, являются единичными, указывают на то, что тенденция не регистрировать взаимоотношения между мужчиной и женщиной продолжает существовать в немецком обществе. Согласно мнению Л. Г. Невеличко и И. М. Воротилкиной, традиционная «естественная» семья стала восприниматься в качестве «устаревшей и не вписывающейся в современное общество» [Невеличко, Воротилкина, 2023, с. 5]. Незарегистрированные официально отношения, отсутствие детей, отказ от семьи в пользу карьеры стали считаться нормой. На наш взгляд, такая тенденция ведет к де-структуризации семьи как социального конструкта и расшатывает институт брачно-семейных отношений.

Реакции-представления

Как и в эксперименте 2019 года, можно отметить значительное количество реакций (39 %), которые мы отнесли к представлениям. Такие реакции свидетельствуют о личностном восприятии исследуемой ценности, отражают актуальные для респондентов представления о ценностях, без которых формирование традиционной семьи является невозможным. Следует обратить внимание на то, что в эксперименте 2019 года в качестве ядерной была отмечена реакция *Liebe* (любовь), номинирующая одноименную ценность, которая, однако, не была отмечена в эксперименте 2024 года. В качестве ядерной в эксперименте представлена реакция *Verbundenheit* (связь), которая указывает на важную роль ощущения единства, сплоченности, единения членов семьи между собой. Эта группа ассоциатов свидетельствует о важности взаимоотношений, которые лежат в основе семьи. В значительной мере эти ассоциаты представляют собой иные базовые ценности, что подтверждает сделанное ранее предположение о пересечении базовых ценностей культуры в целом. Как и в эксперименте 2019 года, важным представляется также признак 'семья как защита'. Данная группа представляет семью как надежный оплот, который дает силы, помогает двигаться вперед.

Основа семьи:

Vertrauen (доверие) 5

Glück (счастье)	3
Freunde (друзья)	1
Freundlichkeit (дружелюбие)	1
Fürsorge (забота)	1
leben (жить)	1
Leben (жизнь)	1
vertraut (близкий)	1
Всего реакций	14

Чувство принадлежности:

Zusammenhalt (сплоченность)	17
Verbundenheit (связь)	16
Zuhause (родной дом)	7
Heimat (родина)	4
Gemeinschaft (сообщество)	1
Haus (дом)	1
Herkunft (происхождение)	1
Kreis (круг)	1
meine Eltern (мои родители)	1
Menschen (люди)	1
Всего реакций	46

Семья как защита:

Geborgenheit (защищенность)	14
haltgebend (дающий опору)	1
Rückhalt (поддержка)	1
Sicherheit (уверенность)	1
Всего реакций	18

Эмоционально-оценочные реакции

Положительные реакции:

wichtig (важно)	27
gut (хорошо)	1
ja (да)	1
lustig (весело)	1
Wärme (теплота)	1
wertvoll (ценно)	1
Всего реакций	32

Отрицательные реакции:

Grausen (страх)	1
nervig (нервно)	1
traurig (грустно)	1
Всего реакций	3

Несмотря на незначительное количество отрицательных реакций, которые появляются в эксперименте 2024 года, эмоционально-оценочные реакции преимущественно дают положительную оценку исследуемой ценности. При этом в ядро значения входит реакция *wichtig* (важно), которая свидетельствует о важности института семьи для опрошенных респондентов.

Следует отметить, что реакции 2024 года верифицируют выводы, сделанные на основе

реакций 2019 года. Семья продолжает оставаться важной для членов немецкого общества, реализующей иные ценности, объединяющей людей, свидетельствующей об эмоциональной близости. Несмотря на устойчивость эмоционального компонента, ее содержание подвержено изменениям.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Признаки ассоциирования в количественном и качественном плане сопоставимы (см. табл.). Следует, однако, отметить, что процент эмоционально-оценочных реакций значительно изменяется. В 2019 году их количество было незначительно, в 2023 году возросло до 15,5 % от общего количества реакций. Все реакции 2019 года были положительные, в 2024 году отмечены отрицательные реакции (1,5 %). Такие изменения связаны с неспокойными отношениями в семье, а также со страхом за членов семьи в связи с какими-либо событиями. Однако такие предположения требуют дальнейшей верификации.

Таблица

СОПОСТАВЛЕНИЕ СХОДНЫХ ПРИЗНАКОВ
АССОЦИИРОВАНИЯ (В %)

Признак ассоциирования	2019 год	2024 год
Понятия	51,5	43,5
Основа семьи	16,5	7,0
Чувство принадлежности	26,5	23,0
Семья как защита	7,0	9,0
Положительные реакции	2,5	16,0
Отрицательные реакции	0,5	1,5

ИНДЕКС УСТОЙЧИВОСТИ
БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Рассматривая реакции, данные респондентами с разницей в 5 лет, можно выявить индекс устойчивости базовой ценности. Для этого следует определить, насколько изменяется / сохраняется не только ядро, но и периферия ассоциативного поля ценности.

Ядерные реакции качественно и количественно сопоставимы. Однако в эксперименте 2024 года не отмечены даже единичными реакциями *Liebe* (любовь), *Mama und Papa* (мама и папа) и *zusammen* (вместе). Напротив, в эксперименте 2024 года представлена ядерная реакция *Verbundenheit* (связь) 16 и *Glück* (счастье) 3, не отмеченная в эксперименте 2019 года.

Количество ядерных реакций, выделенных в ассоциативном эксперименте 2019 года, резко

снижается: *Eltern* (родители) с 19 до 1 реакции, *Heimat* (родина) с 13 до 4 реакций, *Zuhause* (родной дом) с 16 до 7 реакций.

Незначительные изменения претерпевают в количественном плане реакции *Geschwister* (братья и сестры) с 4 до 1, *Partner* (партнер) с 9 до 4 реакций, *Sicherheit* (безопасность) с 6 до 1 реакции, *Vertrauen* (доверие) с 6 до 5 реакций, *Zusammenleben* (совместительство) с 6 до 3 реакций.

Напротив, возрастает количество следующих реакций: *Geborgenheit* (защищенность) с 7 до 14 реакций, *Kind* (ребенок) с 1 до 10 реакций, *Mama* (мама) с 26 до 35 реакций, *wichtig* (важно) с 1 до 26 реакций.

Такие результаты также свидетельствуют о модификации даже самой устойчивой базовой ценности – ценности *Familie* (семья), которая заключается в следующем: роль родителей в семейных отношениях снижается, а семья может состоять из одного родителя – преимущественно, матери. Несмотря на это, следует отметить возрастающую роль ребенка в семейных отношениях.

Индекс сохранности измеряется следующим образом: количество сохранившихся в эксперименте разнообразных реакций 2024 года следует разделить на количество разнообразных реакций в эксперименте 2019 года: $20/30 = 0,6$. Такой индекс свидетельствует об относительной стабильности исследуемой базовой ценности, что подтверждает гипотезу о том, что наиболее значимые ценности, несмотря на то, что они подвержены внешнему влиянию, способны сохранять устойчивость. Однако сделанное предположение требует верификации.

ВЕРИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
МЕТОДОМ СУБЪЕКТИВНОГО
ШКАЛИРОВАНИЯ

По условиям эксперимента на шкалирование респонденты должны были оценить степень эмоциональности слова, поставив соответствующую точку на шкале от 1 до 5, где 1 – наименьшая оценка, а 5 – наибольшая. Согласно полученным данным, все средние оценки респондентов выше «4».

Уточняющий опрос

Для дополнительной проверки результатов эксперимента автором статьи был проведен опрос, в котором респонденты должны были ответить на вопрос: «Что такое семья?». Состав респондентов остается прежним. Однако ввиду сложности проведения эксперимента количество испытуемых составило 30 человек. Ответы респондентов были записаны на диктофон.

Распределим ответы в соответствии с уже выделенными при анализе данных свободного ассоциативного эксперимента интегративными признаками. Всего от респондентов было получено 30 объяснений слова *Familie* (семья), однако в ответах респондентов выделяется несколько оснований предикации, поэтому один ответ может соответствовать нескольким интегративным признакам.

Понятия

(28 % от общего количества)

1. Verwandte, aber auch Tiere / **Родственники**. Но также животные.
2. Eltern, Kinder / **Родители, дети**.
3. Meine Eltern und liebsten Personen, die mir auch ohne Blutsverwandschaft nahe stehen / Мои **родители** и близкие мне люди, даже не имеющие кровного родства.
4. Verwandte oder gute Freunde, die man fürs Leben bei sich behalten möchte / **Родственники** или хорошие друзья, с которыми вы хотите быть на протяжении всей жизни.
5. Blutsverwandt, Erziehung, Mutter und Vater / Кровное родство, воспитание, **мама и папа**.
6. Alle meine Verwandte oder gute Freunde, mit denen ich viel Zeit verbring / Все мои **родственники** или хорошие друзья, с которыми я провожу время.
7. Das ist meine Mutter / Это моя **мама**.
8. Mama und ich / **Мама** и я.
9. Vor allem ist das meine Mutter / Прежде всего, это – моя **мама**.
10. Das sind Eltern und Freunde / Это **родители** и друзья.
11. Eltern, Großeltern, Tanten, Onkel, Cousins und Cousinen / **Родители**, бабушки и дедушки, тети, дяди, двоюродные братья и сестры.

Реализация иных ценностей

(17 % от общего количества)

1. Zuhause / Дом, родной **очаг**.
2. Die engsten Menschen um einen herum (müssen nicht zwingend die leiblichen Eltern sein sondern können auch enge Freundschaften für mich bedeuten) / Самые близкие люди вокруг вас (не обязательно должны быть вашими биологическими родителями, но для меня это также может означать **близкую дружбу**).
3. Verwandte oder gute Freunde, die man fürs Leben bei sich behalten möchte / Родственники или хорошие **друзья**, с которыми вы хотите быть на протяжении всей жизни.
4. Genetische Verbindung, Herkunft, Heimat / Генетическая связь, происхождение, **родина**.

5. Alle meine Verwandten oder gute Freunde, mit denen ich viel Zeit verbring / Все мои родственники или хорошие **друзья**, с которыми я провожу время.
6. Das sind Eltern und Freunde / Это **родители** и **друзья**.
7. Familie bedeutet für mich gewissermaßen Heimat / Для меня семья – это, своего рода, **родина**.

Семья как генетическое родство

(12 % от общего количества)

1. Darunter verstehe ich alle Menschen, die mit mir biologisch verwandt oder in meine Familie eingeheiratet haben / Под этим я подразумеваю всех людей, которые **биологически** связаны со мной или вступили в брак с членами моей семьи.
2. Menschen, mit denen man genetisch oder per Gesetz verwandt ist / Люди, с которыми человек связан **генетически** или по закону.
3. Leute die mit mir Blutsverwandt sind oder in die Familie geheiratet haben / Люди, связанные со мной **кровным родством** или ставшие членами семьи, выйдя замуж / женившись.
4. Genetische Verbindung, Herkunft, Heimat / Генетическая **связь**, происхождение, родина.
5. Blutsverwandt, Erziehung, Mutter und Vater / **Кровное родство**, воспитание, мама и папа.

Семья как официально оформленная ячейка общества

(7 % от общего количества)

1. Darunter verstehe ich alle Menschen, die mit mir biologisch verwandt oder in meine Familie eingeheiratet haben / Под этим я подразумеваю всех людей, которые биологически связаны со мной или вступили в **брак** с членами моей семьи.
2. Menschen, mit denen man genetisch oder per Gesetz verwandt ist / Люди, с которыми человек связан генетически или по **закону**.
3. Leute die mit mir Blutsverwandt sind oder in die Familie geheiratet haben / Люди, связанные со мной **кровным родством** или ставшие членами семьи, выйдя замуж / женившись.

Эмоциональная близость

(7 % от общего количества)

1. Die engsten Menschen um einen herum (müssen nicht zwingend die leiblichen Eltern sein sondern können auch enge Freundschaften für mich bedeuten) / Самые **близкие** люди вокруг вас (не обязательно должны быть вашими биологическими родителями, но для меня это также может означать близкую дружбу).
2. Meine Eltern und liebsten Personen, die mir auch ohne Blutsverwandschaft nahe stehen / Мои родители и **близкие** мне люди, даже не имеющие кровного родства.

3. Die Leute die immer mit mir / Люди, которые **всегда со мной**.

Семья как защита

(5 % от общего количества)

1. Emotional bedeutet es für mich, ein Ort der Geborgenheit und Refugium, aber auch ein Ort der Verantwortung und manchmal auch Druck der Erwartungen anderer / Эмоционально для меня это означает место **безопасности** и **убежище**, но также и место ответственности и иногда давления из-за ожидания других людей.
2. Familie bedeutet für mich Geborgenheit, Zusammenhalt und nimmt Einfluss auf die Menschen, die ein Teil dessen sind / Для меня семья означает **безопасность, сплоченность** и оказывает влияние на людей, которые являются ее частью.

Партнерские отношения

(5 % от общего количества)

1. Mein Partner / **Мой партнер**.
2. Nicht nur Ehe / **Не только брак**.

Поддержка

(2 % от общего количества)

1. Familie bedeutet für mich mehr als verwandt sein. In einer Familie unterstützt man sich gegenseitig und ist auch in schwierigen Zeiten füreinander da / Для меня семья означает больше, чем просто родство. В семье мы **поддерживаем** друг друга и всегда **рядом** даже в трудную минуту.

Невозможность выбора

(2 % от общего количества)

1. Familienmitglieder kann man sich in den meisten Fällen nicht aussuchen / В большинстве случаев вы **не можете выбирать** членов семьи.

Эмоциональная оценка

(15 % от общего количества)

Положительная оценка

(5 % от общего количества)

1. Wichtig / **Важно**.
2. Etwas Wichtiges / Что-то **важное**.

Отрицательная оценка

(10 % от общего количества)

1. Ist mir auch egal / Мне не важно.

2. Brauche ich nicht / Мне не нужна.
3. Ich bin auf mich selber angewiesen / Я рассчитываю только на себя.
4. Emotional bedeutet es für mich, ein Ort der Geborgenheit und Refugium, aber auch ein Ort der Verantwortung und manchmal auch Druck der Erwartungen anderer / Эмоционально для меня это означает место безопасности и убежище, но также и место ответственности и иногда давления из-за ожидания других людей.

Сопоставляя признаки ассоциирования с выделенными при анализе данных ассоциативного эксперимента, отметим, что для большинства респондентов семья – это родители и другие родственники. При анализе ответов респондентов на уточняющий вопрос выделены два значимых в количественном плане интегративных признака: ‘семья как генетическое родство’ и ‘семья как официально оформленная ячейка общества’, что может свидетельствовать не только о высокой значимости родственников, являющихся членами семьи, но и официально оформленных отношений, которые были несущественными для респондентов, судя по данным ассоциативного эксперимента.

17 % от общего количества ответов респондентов объединены интегративным признаком ‘реализация иных ценностей’. Как было доказано выше, ассоциативные поля базовых ценностей пересекаются между собой, а одна ценность невозможна без другой. Семья для респондентов – это также друзья, отчий дом, их родина. Это место, где они чувствуют уют, комфорт, поддержку, защищенность (5 % от общего количества ответов). Респонденты отмечают, что семья для них – не только близкие по крови люди, но и те, кто близок им в эмоциональном плане, близок по духу.

Однако следует отметить, что ответы респондентов подтверждают гипотезу, выдвинутую при анализе данных свободного ассоциативного эксперимента: содержание базовой ценности *Familie* (семья) меняется под воздействием различных экстралингвистических факторов. Несмотря на то, что респонденты подчеркивают важность семейных отношений, 5 % от общего количества ответов свидетельствуют о модификации института семьи. Кроме того, 7 % от общего количества ответов свидетельствуют об изменениях, которые также отмечены при анализе данных двух ассоциативных экспериментов: семья может состоять из одного родителя, преимущественно матери, и ребенка. В ответах респондентов отмечено изменение эмоционально-оценочного компонента (10 %). Ответы респондентов указывают на неважность и незначимость семьи для них лично.

Отрицательное отношение к феномену семьи может быть также связано с давлением со стороны членов семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования было доказано, что ценность *Familie* (семья) является значимой для опрошенных респондентов, несмотря на происходящие в институте семьи изменения. Для респондентов в основе семьи лежат иные ценности, такие как любовь, дружба, доверие. Семья характеризуется сплоченностью, единым образом мыслей, едиными интересами и идеалами. Семья позволяет индивиду чувствовать свою значимость, гарантирует чувство уверенности в завтрашнем дне.

Результаты экспериментов свидетельствуют также об относительной устойчивости в содержании базовой ценности, что подтверждает установленный индекс стабильности ценности (0,6). Вместе с тем в институте семьи происходят пока незначительные изменения, на которые влияют как психологические свойства личности, так и внешние факторы. Данные экспериментов зафиксировали изменения, связанные с выделением роли матери в семейных отношениях, которые объясняются не только ее значимостью, но и подтверждают существующую в немецкой лингвокультуре тенденцию: семья может состоять из матери и одного ребенка, при этом роль отца снижается, так же как и роль зарегистрированных отношений, что может привести к модификации традиционного восприятия семьи как ценности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003.
2. Adler, A. Social interest: A challenge to mankind. New York: Capricorn Books, 1964.
3. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.
4. Ерастов Б. С. Цивилизационное устройство общества: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
5. Адамова З. Г. Принципы этнопсихолингвистического исследования языкового сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: МГЭИ, 2006. Вып. 11. С. 40–47.
6. Лурье С. В. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009.
8. Пищальникова В. А. Хлопова А. И. Этнопсихолингвистика: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. Ч. 1.
9. Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999.
10. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 2. С. 1–12.

REFERENCES

1. Leontovich, O. A. (2003). Rossiya i SSHA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikaciyu = Russia and the USA: an introduction to intercultural communication. Volgograd: Peremena, 2003. (In Russ.)
2. Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press.
3. Adler, A. (1964). Social interest: A challenge to mankind. New York: Capricorn Books.
4. Erastov, B. S. (2002). Civilizatsionnoe ustroenie obshchestva: universalii i samobytnost' = Civilizational structure of society: universals and originality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Adamova, Z. G. (2006). Principles ethnopsycholinguistic study of consciousness. In: YAzykovoe bytie cheloveka i etnosa: psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty. Vyp. 11. / pod red. V.A. Pishchal'nikovoj. M.: MGEI, 11, 40–47. (In Russ.)
6. Lur'e, S. V. (2004). Istoricheskaya etnologiya = Historical ethnology. M.: Akademicheskij Proekt: Gaudeamus. (In Russ.)
7. Stefanenko, T. G. (2009). Etnopsihologiya = Ethnopsychology. 4th ed., Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
8. Pishchal'nikova, V. A., Khlopova, A. I. (2020). Etnopsiholingvistika = Ethnopsycholinguistics. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt. Part 1. (In Russ.)
9. Pishchal'nikova, V. A. (1999). Psihopoetika = Psihopoetika. Barnaul: Izdatel'stvo AGU. (In Russ.)
10. Nevelichko, L. G., Vorotilkina, I. M. (2023). Problems of transformation of the institution of family and marriage at the present stage. World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, 14(2), 1–12. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка

доцент кафедры общего и сравнительного языкознания

ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khloпова Anna Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics

Faculty of the German language, Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics

Leading Researcher, Laboratory of Psycholinguistics Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

Научная статья
УДК 82'41

Специфика песенного дискурса Жака Бреля

Е. С. Грушевская, Т. М. Грушевская, Н. Ю. Фанян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
nellyfanian@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются специфические средства репрезентации песенного дискурса широко известного франкоязычного барда бельгийского происхождения – Жака Бреля. Научная новизна исследования выражена в лингвоаргументативном подходе к материалу, позволяющем выявить маркеры, формирующие песенный дискурс франкоязычного барда. Авторы статьи приходят к выводу, что специфика песенного дискурса Жака Бреля обусловлена следующими факторами: многообразием тем, амбивалентным взглядом на мир, неподражаемым артистическим мастерством и будоражающим голосом, в совокупности создающими значительный потенциал песенного дискурса.

Ключевые слова: песенный дискурс, поэт-песенник, факторы своеобразия, лингвоаргументативный подход, тематика, средства выражения

Для цитирования: Грушевская Е. С., Грушевская Т. М., Фанян Н. Ю. Специфика песенного дискурса Жака Бреля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 60–66.

Original article

The Specifics of Jacques Brel's Song Discourse

Elena S. Grushevskaya, Tatyana M. Grushevskaya, Nelly Yu. Fanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia
nellyfanian@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specific means of representing the song discourse of the well-known French-speaking bard of Belgian origin, Jacques Brel. The scientific novelty of the research is expressed in the linguistic argumentative approach, which allows us to identify the markers that form the song discourse of the songwriter. It is concluded that the specificity of Jacques Brel's song discourse is due to the following factors: a variety of topics, an ambivalent view of the world, inimitable artistic skill and an exciting voice, together creating a high argumentative potential of song discourse.

Keywords: song discourse, songwriter, factors of originality, linguistic argumentative approach, subject matter, means of expression

For citation: Grushevskaya, E. S., Grushevskaya, T. M., Fanyan, N. Yu. (2024). The specifics of Jacques Brel's song discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 60–66. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Наша работа посвящена 95-летию со дня рождения (8 апреля 1929 года) многогранной личности, самобытного бельгийского франкоязычного поэта-песенника, актера, режиссера, человека большого таланта, признанного во всем мире. Юбилей, как известно, хороший повод для того, чтобы обратиться к творчеству Жака Бреля, которое никогда не оставляет равнодушным тех, кто когда-либо прикоснулся к нему.

Следуя современным тенденциям лингвистики, мы исследуем песенное творчество Жака Бреля как самобытное выражение песенного дискурса. Эдит Пиаф писала, что Брель «в песне выражает то, ради чего живет, а каждая строчка настолько глубоко проникает вглубь вас, что вы долгое время после этого не можете придти в себя»¹. Казалось бы, данные слова могут быть обращены к любому поэту-песеннику, тем не менее, редки голоса и тексты, которые в своей уникальности неподражаемы. Данный факт определяет объект нашего изыскания – песенный дискурс Жака Бреля, соответственно цель работы – выявить и описать особенные средства репрезентации, формирующие песенный дискурс Бреля. Актуальность обусловлена современными тенденциями в лингвистике, связанными с расширением поля дискурсивных исследований, в частности с активизацией интереса к песенному дискурсу как пространству выражения концептуальной художественной картины мира поэта-песенника. Научная новизна работы определяется новым подходом к исследованию, который заключается в выявлении лингвоаргументативных маркеров, формирующих песенный дискурс Жака Бреля.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Начиная с нового столетия, песенный дискурс (ПД) интересен лингвистам, как и любой другой вид дискурса. Он рассматривается учеными с разных позиций, создавая общую картину понимания данного феномена. В ПД – основной компонент – песня, представляющая собой единое целое – текст (вербальная составляющая) в совокупности с музыкальным сопровождением (музыкальная составляющая), раздельное исполнение которых могут привести к изменению восприятия текста, к потере некоторых смысловых элементов [Алексеева, 2013]. В связи с этим, наряду с понятием «песенный дискурс» исследуется развернутое понятие «поликодовый музыкальный поэтический дискурс» [Максименко, Подрядова, 2013]. Однако существует и другое

мнение, согласно которому вербальная часть песни может существовать как независимое поэтическое произведение, а мелодическая – может исполняться без слов. При этом они связаны структурно и композиционно [Плотницкий, 2005]. ПД логично понимается как коммуникативный процесс [Потапчук, 2013]; рассматривается как текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации. При этом учитывается эффект, производимый на адресата в определенном историко-культурном контексте [Дунашева, Гриценко, 2013]. ПД также изучается как лингвоконцептуальный феномен современной этнической общности [Грушевская Т., Грушевская Е., Козлова, 2017]. В настоящее время задается новый вектор исследования ПД в контексте общественной жизни [Плотницкий, 2023].

Разумеется, каждый подход актуален в связи с поставленными задачами. В целом, необходимо уточнить, что песенный дискурс, как и любой другой вид дискурса, предполагает многоаспектное исследование с учетом многих измерений: структурно-семантического, стилистического, прагматического, психолингвистического, лингвокогнитивного, лингвокультурного [Карасик, 2000]. ПД, несомненно, является объектом семиотического анализа с учетом триединства компонентов – текста, музыкального сопровождения и исполнения. Многофакторный анализ обуславливает возможность объединить воедино все компоненты на базе предлагаемого нами лингвоаргументативного (панаргументативного) подхода, согласно которому любое средство репрезентации (вербальное, невербальное, паравербальное) есть довод, аргумент к реализации текста / дискурса [Фанян, 2021] в силу феномена «вездесущности аргументации», данное понятие упоминается по всей книге Гриза [Grize, 1990].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Он включает сборник текстов песен Жака Бреля (Жак Брель. Стихи и песни. Сборник на французском и русском языках. М.: Радуга, 1988), а также некоторые материалы о жизни и творчестве, в которых отражена неординарность поэта-песенника как личности [Бордовских, 1988]. Брель вплоть до самой смерти занимался сочинением и исполнением новых композиций: «Брель умел быть яростным и непримиримым, но никогда не атаковал то, что “можно” атаковать, то есть то, что критикуют все. Ненавидя декларативность и назидательность в любой форме, он своими стихами учил мужеству и умению видеть себя такими, как есть, а не какими хотелось бы выглядеть. И прежде всего, он не щадил самого себя» [там же, с. 27].

¹Пиаф Э. Моя жизнь: пер. с фр. М.: Союз-театр, 1992. С. 177.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе в качестве основного применен метод дискурсивного анализа, направленного на вычленение основных категорий (участники, текст, темы) дискурса, в частности песенного дискурса Жака Бреля. Модель дискурса формируется, прежде всего, артистической личностью самого поэта-песенника, творчество которого транслируется на множество поклонников его таланта. Базовый компонент дискурса – тексты песен, отражающие картину мира их сочинителя и исполнителя. В качестве сопутствующего метода применен лингвоаргументативный анализ, посредством которого выявлена и интерпретирована роль стилистических средств – тропов и фигур – в актуализации тематической составляющей в качестве доминантного аргументативного маркера.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Средства репрезентации основных тем в творчестве поэта-песенника

Творчество Жака Бреля (Большого Жака) представлено разнообразием тем. Среди них: любовь к родине, детям, к женщине; счастье и неудачи в личной жизни; одиночество и надежда; понимание (самопонимание), смысл жизни; война, потеря близких людей; неприятие буржуазной морали.

Важно то, как Брель осмысливал и интерпретировал эти темы. Так, например, любовь для него – это не только счастливая любовь, но и предательство, которое сопровождает ее (как в текстах «Mathilde» и «Madeleine»). Любовь для Бреля – это не только любовь между двумя взрослыми людьми, но и любовь между родителями и их детьми, а также любовь к Родине, которая переполняет душу Бреля наравне с любовью к женщине.

Тема как аргументативный маркер фигурирует в качестве дискурсообразующего фактора, отражающего доминанты языковой и концептуальной картин мира художника.

Значимая тема в творчестве Бреля – **любовь к Родине**, к суровым пейзажам Фландрии, откуда он черпал свое вдохновение. «Le Plat Pays» – одно из самых известных произведений поэта, в котором он воспеваает красоту Страны равнин. Итеративность параллельных конструкций на основе контраста ветров четырех сторон света, своего рода ветров перемен – незаменимое средство для описания природы родного края. Для каждой стороны света – соответствующий аргумент к лирической географии. Эти ветра – источник бесконечного движения, воспринимаемого посредством различных каналов.

В них символично слышны – сдержанность на востоке (1) и желание на западе (2) как олицетворение воли и силы духа; треск на севере (3) – разруха, пришедшая с завоевателями; песнь на юге (4) – ветер счастья:

...Avec le vent de l'est écoutez-le tenir (1)
Le plat pays qui est le mien...
...Avec le vent d'ouest écoutez-le vouloir (2)
Le plat pays qui est le mien...
...Avec le vent du nord qui vient s'écarter
Avec le vent du nord écoutez-le craquer (3)
Le plat pays qui est le mien...
...Quand le vent est au sud écoutez-le chanter (4)
Le plat pays qui est le mien...
(Le Plat Pays. 1962)

Создавая унылую картину родного края – монотонного пейзажа бескрайних равнин, Брель не перестает восхищаться этой красотой, заражая нас своими чувствами и эмоциями, подкрепляя их характерными аргументативными маркерами – повторами и параллельными конструкциями. Удачная игра слов *perdu* / *pendu* создает неожиданный эффект посредством метафоры – небо так низко, что, сливаясь с ним, канал *теряется* (1), небо так низко, что, сливаясь с ним, канал *вешается* (*подвешивается*) (2):

...Avec des cathédrales pour *uniques* montagnes...
...Et des chemins de pluies pour *unique* bonsoir...
...Avec un ciel si bas qu'un canal s'est *perdu*... (1)
...Avec un ciel si gris qu'un canal s'est *pendu*... (2)
(Le Plat Pays. 1962)

Строки мрачного описания, тем не менее, не лишены тихой грусти и бесконечной любви к Стране равнин, которая для Бреля – единственное и неповторимое место (*unique*), где царит покой и возможное уединение.

В конце 50-х произведения поэта отмечены темой одиночества и грусти. Одна из экзистенциальных тем – **тема одиночества** – сопровождает тему любви. Она развивается трезвым отношением к жизни, в которой нет иллюзий, но есть глубокий лиризм. Специфика рассуждения Бреля вокруг различных понятий и тем задается целостностью, амбивалентным отношением к окружающей действительности во всем многообразии событий и явлений, а также к людям, к миру чувств и артефактов. Рассмотрим стихи с говорящим названием «Seul», в которых вначале любовь весела (1), затем одинока (2). Аргументативным стилистическим маркером для Бреля, как и во многих стихах, служит контраст – любовь двоих сменяется одиночеством, любовь сменяется тоской:

On est deux mon amour
Et l'amour chante et rit (1)
Mais à la mort du jour
Dans les draps de l'ennui
On se retrouve seul... (2)
(Seul. 1959)

Взгляды Бреля на жизнь, личность и общество обобщены вокруг **темы понимания**. Интерпретация данного понятия осуществляется параллельно с конкретизацией адресата («ты»). Таким образом, Брель поет для всех и для каждого из нас. Рассмотрим текст *Tu n'as rien compris* (1954). Его обращение строится методом от обратного (*argumentum a contrario*) в качестве аргументативного средства в процессе лирического рассуждения. Прием указывающий на обратный ход событий (от результата к поступку, слову, мнению) эксплицирует неверные и опрометчивые поступки, грубые и досадные слова, предвзятое мнение и предрассудки, о которых читателям / слушателям, рано или поздно, приходится сожалеть. В процессе такого общения с читателем / зрителем автор делится с ним жизненным опытом, без поучения, морализаторства, показывая естественный ход вещей, ценности, достойные любви, уважения. Сила воздействия творчества поэта-песенника в этике и эстетике многомерности его понимания, восходящей к собственным жизненным ориентирам, принципам. Повторяя строчку «Ты ничего не понял» в начале и конце стихов (симплока), Брель, с одной стороны, выражает свое отношение к пониманию, с другой стороны, показывает сложность данного процесса. Неизменными остаются красота и простота мироздания, которые он воспеваает в качестве основных доводов, необходимых и достаточных для того, чтобы жизнь стала понятнее при всей ее, казалось бы, сложности и проблемности.

Для Бреля вопрос поиска сродни проблематизации жизни, осложняющей понимание. Его эстетическое кредо и идеал звучат в единстве: не нужно искать красоту и добро – солнце и песню, поскольку они в тебе от природы, иначе – *Tu n'as rien compris* (ты ничего не понял).

Объяснение красоты и простоты мироздания как средства понимания эксплицируется одновременно в двух аспектах – эстетической и этической (красота и добро), которые представлены неразрывно – и в природе (1), и в культуре (2) в другом произведении:

...Chercher le soleil
à mettre dans tes yeux (1)

Chercher des chansons
Que tu puisses chanter...(2)

Брель предостерегает нас от опасности лелеять свою скуку и тоску как возможности покопаться в себе: **самопонимание** – это категория постоянная, привилегия трезвости ума. При всей своей эмоциональности Брель глубоко рационален:

...S'il te faut l'ennui
Pour te sembler profond
Et le bruit des villes
Pour saouler tes remords...

В этой же песне развивается **тема надежды**, частотная в творчестве поэта:

...S'il te faut l'aurore
Pour croire au lendemain
Et des lendemains
Pour pouvoir espérer
Retrouver l'espoir...

Эта тема развивается автором в общем и конкретном смысле. Брель упрощает ситуацию, детализирует явления, разъясняет суть вещей посредством каузальных связей, с помощью условных и следственных предложений («если...», «чтобы»). Прием *argumentum a contrario* способствует переходу от конкретного к общему: не нужно лицеизредеть нечто, чтобы в это верить. Если тебе необходим завтрашний день, чтобы вновь обрести надежду, то ты так и не понял суть вещей: откладывая на завтра любое дело, мы теряем связь с природой, с миром, целостность его восприятия. Брель воспеваает момент настоящего, его значимость. Таким образом, дискурсообразующим аргументативным маркером становится хронотоп – «здесь и сейчас». Он же явлен как ценностный компонент.

В следующей строфе поэт склонен к одновременной генерализации и конкретизации, способствующей характеристике, определению того, что есть жизнь именно для пессимиста. Развивая **тему смысла жизни**, Брель выносит свой вердикт: если видеть смысл жизни только в старении, то и смысла в жизни нет. Поэт пишет:

...Si toute ta vie
N'est qu'un vieillissement...

Наряду с философской темой Брелю была близка и социальная тема – **тема равенства**. Стилистическим аргументативным средством для ее развития служит контраст. Вчитаемся в стих «Fils

de...», в котором взаимно противопоставлены сыновья представителей различных сословий:

...Fils de bourgeois
Ou fils d'apôtres...
...Fils de César
Ou fils de rien...
(*Fils de...* 1967)

Контраст объединяет процесс конкретизации и обобщения – все равны, поскольку одинаковы (1). И совершенно не важно, где растут дети – под золотыми сводами (*les voûtes d'or*) либо соломенной крышей (*le toit de chaumes*). И самое главное – даже различия в происхождении не могут разделить детей (2):

...Tous les enfants
Sont comme *les vôtres*... (1)
...Fils de l'amour,
Fils d'amourettes... (2)
(*Fils de...* 1967)

Генерализация и конкретизация как аргументативные маркеры равным образом реализуются в текстах Бреля: картина мира автора актуальна в общем и единичном. Данный феномен в стихах Бреля выражен грамматической категорией числа – переходом от множественного к единственному числу. Это позволяет Брелю сократить дистанцию между собой и адресатом: «вы» («ваши») переходит в «ты» («твой»). Такое обращение имеет большую силу воздействия:

...Tous les enfants
Sont comme *les vôtres*...
"...Tous les enfants
Sont comme *le tien*...

В качестве следующего программного произведения рассмотрим стих «Heureux», в котором, согласно названию, развивается **тема счастья**, речь идет о том, из чего оно складывается:

Heureux qui chante pour l'enfant
Et qui sans jamais rien lui dire
Le guide au chemin triomphant
Heureux qui chante pour l'enfant... (1)
...Heureux les amants séparés
Et qui ne savent pas encore
Qu'ils vont demain se retrouver
Heureux les amants séparés... (2)
(*Heureux*. 1956)

Любовь дает веру и надежду, составляющие счастье. Абстрактное понятие «счастье» как важный

экзистенциальный смысл Брель конкретизирует в нескольких понятных, незатейливых метафорических определениях, включающих в себя конкретные действия: счастье для Бреля – в любви к детям (1); между мужчиной и женщиной (2), для которых разлука – это предвестник воссоединения, она не боится трудностей.

Далее, в песенном дискурсе Бреля актуальна **тема войны** во многих стихотворениях. Рассмотрим «Mai 40» (1977). Персонализация характеризует опасность войны – она проснулась, пришла; ее действия сложно контролировать:

...On jouait un air comme celui-ci
Lorsque la guerre s'est réveillée,
On jouait un air comme celui-ci
Lorsque la guerre est arrivée...
(*Mai 40*. 1977)

Выражение своего отношения к войне Брель осуществляет опосредованно. Подобный прием служит аргументативным маркером объективации действительности. Опосредованность заключается в рассмотрении оборотной стороны (заднего плана) положения дел в военное время – в перемещении с театра военных действий в тыл. Данный ракурс отсылает к другим субъектам – к женщинам, на хрупкие плечи которых выпало много горя и бед. Женщины рассматриваются одновременно как субъекты действия и объекты интерпретации, в которой имплицитно передана боль автора относительно войны, нелегкой женской доли. Итеративность параллельных конструкций в оригинальном тексте способствует усугублению картины безысходности, выражению ситуации увязания. С другой стороны, данный эффект в оригинальном тексте передается мастерской находкой глагола *s'accrocher*, употребленного в четырех значениях. Настойчивое повторение глагола в оригинале создает убедительный образ сильных женщин, способных к самопожертвованию:

...Et les femmes,
Les femmes s'accrochaient à leurs hommes...
...Et les femmes,
Les femmes s'accrochaient aux enfants...
...Et les femmes,
Les femmes s'accrochaient à leurs armes...
...Et les femmes,
Les femmes s'accrochèrent au silence...
(*Mai 40*. 1977)

Женщины, тщетно желая сохранить семью – мужей (1) и детей (2), потеряв их, приходят им на смену с оружием в руках (3). А результат войны – безмолвная пустота (4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Простота и логичность песенного дискурса Бре-ля парадоксальным образом приумножают силу эмоциональной составляющей, которая обусловлена неподражаемым тембром голоса, балансом между драматизмом и лиризмом, неподдельными чувствами артиста, искренностью исполнения, сиюминутным («здесь» и «сейчас») проживанием нарратива на любую тему.

В качестве дискурсообразующих тем в творчестве Бре-ля фигурируют темы любви во всех ипостасях, верности, счастья, надежды, смысла жизни, равенства. Для Жака Бре-ля не было больших и малых тем – всё, что формирует целостную картину мира, поистине необходимо. Амбивалентный взгляд на мир выражен высоким аргументативным потенциалом. Он представлен в равной степени вербальными средствами выражения – тропами и фигурами (метафора;

параллельные конструкции; повторы – анафора, симплока; а также контрастом, объединяющим процессы конкретизации и обобщения). Картина мира автора актуальна в общем и единичном, что, например, выражено посредством грамматической категорией числа – переходом от множественного к единственному числу («вы» / «ты»). И, наконец, частотным является прием «от обратного» («argumentum a contrario»), а также выражение каузальных связей с помощью условных и следственных предложений.

Для полноты картины необходимо добавить, что наряду с вербальной составляющей, выраженной в текстовом формате, дискурс Жака Бре-ля убедительно репрезентативен как с точки зрения музыкального сопровождения, так и с точки зрения исполнения, поскольку адресат никогда не оставался равнодушным к творчеству многогранного барда – к его неистовым взрывным эмоциям и трогательной нежности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева Н.А. Особенности реализации текстовых категорий в креолизованном тексте песни (на материале англоязычных песен в стиле кантри): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
2. Максименко О. И., Подрядова В. В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 29–39.
3. Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: СГСПУ, 2005.
4. Потапчук М. А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 140–143.
5. Дунашева Л. Г., Гриценко Е. С. Конструирование гендера в блюзе и рэпе: глобальное и локальное: монография. Нижний Новгород: НГЛУ, 2013.
6. Грушевская Т. М., Грушевская Е. С., Козлова Н. В. Песенный дискурс как лингвоконцептуальный феномен этнической общности // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 6–29.
7. Плотницкий Ю. Е. Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. № 42 (2). С. 377–383.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
9. Фанян Н. Ю. Аргументативный аспект в языке и речи: между семантикой и прагматикой // Проблемы лингвистической прагматики: доклады междунар. науч. конф. Калуга: КГУ, 2021. С. 264–272.
10. Grize J.-B. Logique et langage. P.: Ophrys, 1990.
11. Бордовских Н. С. Недостигаемая звезда Жака Бре-ля // Жак Брель. Стихи и песни: сб. на французском и русском языках. М.: Радуга, 1988. С. 5–26.

REFERENCES

1. Alekseeva, N. A. (2013). Osobennosti realizacii tekstovy'x kategorij v kreolizovannom tekste pesni (na materiale angloyazy'chny'x pesen v stile kantri) = Features of the implementation of text categories in the creolized text of a song (based on the material of English-language country songs): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Maksimenko, O. I., Podryadova, V. V. (2013). Polycode musical poetic discourse. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, 4, 29–39. (In Russ.)
3. Plotniczkij, Yu. E. (2005). Lingvostilisticheskie i lingvokul'turny'e charakteristiki angloyazy'chnogo pesennogo diskursa = Linguostylistic and linguocultural characteristics of the English-language song discourse: abstract of PhD in Philology. Samara State Social and Pedagogical University. (In Russ.)

4. Potapchuk, M. A. (2013). Pesenny`j diskurs kak kommunikativny`j process = Song discourse as a communicative process. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2(293), Philology. Art history, 74, 140–143. (In Russ.)
5. Dunyasheva, L. G., Gricenko, E. S. (2013). Konstruirovaniye gendera v blyuze i re`pe: global`noe i lokal`noe = The construction of gender in blues and rap: global and local: monograph. Nizhnij Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University. (In Russ.)
6. Grushevskaya, T. M., Grushevskaya, E. S., Kozlova, N. V. (2017). Pesenny`j diskurs kak lingvokonceptual`ny`j fenomen e`tnicheskoy obshhnosti = Song discourse as a linguoconceptual phenomenon of ethnic community. In Kognitivno-diskursivny`e issledovaniya v yazy`ke i rechi (pp. 6–29): monograph. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)
7. Plotniczkij, Yu. E. (2023). Angloyazy`chny`j pesenny`j diskurs v kontekste obshhestvennoj zhizni = English-language song discourse in the context of public life. Issues of journalism, pedagogy, and linguistics, 42(2), 377–383. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2000). O tipax diskursa = About the types of discourse. In Yazy`kovaya lichnost`: institucional`ny`j i personal`ny`j diskurs (pp. 5–20): collection of papers. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Fanyan, N. Yu. (2021). Argumentativny`j aspekt v yazy`ke i rechi: mezhdru semantikoj i pragmatikoj = Argumentative aspect in language and speech: between semantics and pragmatics. In Problemy` lingvisticheskoy pragmatiki (pp. 264–272): Proceedings of the International Scientific Conference. Kaluga: Kaluga State University. (In Russ.)
10. Grize, J.-B. (1990). Logique et langage. Paris: Ophrys.
11. Bordovskiy, N. S. (1988) Nedosyagaemaya zvezda Zhaka Brel`ya = The unattainable star of Jacques Brel. In Zhak Brel`. Stixi i pesni (pp. 5–26): Sbornik na francuzskom i russkom yazy`kax. Moscow: Raduga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грушевская Елена Сергеевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Грушевская Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета

Фанян Нелли Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grushevskaya Elena Sergeevna

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor at the Department of English Philology, Kuban State University

Grushevskaya Tatyana Mikhailovna

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of French Philology, Kuban State University

Fanyan Nelly Yurievna

Doctor of Philology, Professor
Professor at the Department of French Philology, Kuban State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сенсорные метафоры в жестовых языках:
перспективы исследования для русского жестового языка

Э. В. Кумуржи

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
k-evi@mail.ru

- Аннотация.** Настоящая статья представляет собой краткий анализ исследовательского потенциала имеющихся подходов к изучению сенсорной метафоры в естественных языках различной модальности. Автор выявляет основные направления и узкие места в исследовании сенсорных метафор звучащих и жестовых языков, а также экстраполирует имеющиеся результаты для изучения сенсорных метафор русского жестового языка, на сегодняшний день не получивших должного внимания исследователей лингвистики русского жестового языка.
- Ключевые слова:** сенсорная метафора, жестовые языки, русский жестовый язык, одноступенчатая метафора, двухступенчатая метафора, метафорическое расширение, принцип транспарентности чувственного восприятия
- Для цитирования:** Кумуржи Э. В. Сенсорные метафоры в жестовых языках: перспективы исследования для русского жестового языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 67–72.

Original article

Sense Perception Metaphors in Sign Languages:
Implications for Russian Sign Language Research

Emma V. Kumurzhi

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
k-evi@mail.ru

- Abstract.** The article is a concise analysis the research potential of current approaches to the study of perception metaphor in natural languages of different modalities. The author identifies the key trends and areas of growth in the study of sense perception metaphors in spoken and signed languages. Besides, she extrapolates the research outcomes to the study of sense perception metaphors in Russian Sign Language that to-date have been overlooked by Russian Sign Language linguists.
- Keywords:** sense perception metaphor, signed languages, Russian sign language, single-stage metaphor, double-stage metaphor, metaphor extension, Transparency Principle of Sensory Perception
- For citation:** Kumurzhi, E. V. (2024). Sense perception metaphors in sign languages: implications for Russian sign language research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 67–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сенсорная метафора является одним из наиболее часто исследуемых лингвистических явлений. Исследовательская привлекательность сенсорной метафоры обусловлена ее непосредственной связью с психофизическим, чувственным опытом индивида, возможностью анализировать рассматриваемое явление в разных ракурсах – когнитивном, концептуальном, кроссмодальном, лингвокреативном, традиционном литературоведческом, стилистическом, прагматическом, в проекции на языковую картину мира творящего язык индивида. Сказанное выше справедливо для анализа сенсорной метафоры звучащих языков. Однако в изучении жестовых языков – языков визуальнo-кинестической (или визуальнo-пространственной) модальности – до настоящего времени данному явлению уделялось недостаточное внимание.

В настоящей статье представлен краткий анализ исследовательского потенциала имеющихся подходов к изучению сенсорной метафоры в естественных языках разной модальности. Он позволяет автору выявить ключевые особенности сенсорных метафор жестовых языков и определить наиболее релевантные подходы для исследования сенсорной метафоры в русском жестовом языке.

СЕНСОРНАЯ МЕТАФОРА В ЗВУЧАЩИХ ЯЗЫКАХ

Под сенсорными метафорами понимаются метафоры, в состав которых входят лексико-семантические компоненты, связанные с органами чувств: «глаза» – «зрение», «уши» – «слух», «нос» – «обоняние», «язык» – «вкус», «кожа» – «осязание». Эти метафоры обращены к семантике чувственного опыта. Чувственный опыт первичен в познании мира, так как существует богатство ощущений и для описания этих ощущений существует широкий словарный запас. Объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на всех значимых исследованиях сенсорной метафоры, поэтому мы ограничимся лишь кратким обзором исследований последних лет, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования.

Наиболее часто исследуются сенсорные метафоры в рекламном дискурсе на русском и иностранных языках [Дударева, 2023; Маслакова, Собянина, 2020; Архипова, 2013] и, более широко, в персуазивной коммуникации [Чернявская, Горшкова, 2021], раскрывающие механизмы создания новых смыслов на опоре на различные сенсорные каналы и их манипулятивный потенциал. Вместе с этими работами необходимо упомянуть

когнитивно-дискурсивные исследования категории цвета в полимодальном дискурсе [Дымова, 2022]. В этих работах рассматриваются национально-культурные особенности трактовки данной категории.

В литературоведческих и стилистических работах, посвященных сенсорике в произведениях классиков отечественной и зарубежной литературы [Метласова, Ковальчук, 2020; Еримизина, Полховская, 2016], обсуждается языковая репрезентация различных типов чувственного восприятия в художественном тексте.

Целый ряд исследований посвящены изучению метафорического представления абстрактных категорий в дискурсивных практиках языковой личности [Гынзанова, 2013], кинестетических признаков в различных европейских языках [Бубырева, Моисеева, 2013], в образной интерпретации действительности [Полякова, Юрина, 2020].

Привлекают внимание исследования различных частей речи, в первую очередь, прилагательных с семантикой чувственного восприятия [Брылева, 2011; Мерзлякова, 2003].

Данные работы вносят вклад в общую теорию сенсорной метафоры, выявляют ее концептуальный механизм и языковое воплощение в различных языках и дискурсах.

Отдельно необходимо остановиться на такой разновидности сенсорной метафоры как синестетическая, привлекающей немалое внимание исследователей в разных областях – лингвистике, психологии, искусствоведении и других. Как отмечается в работе Л. П. Прокофьевой, под синестезией понимают перенос ощущений из одной модальности в другую или одновременную активизацию ощущений из одной модальности и из другой. Например, когда человек «видит» звук, звучащие ощущения вызывают у человека яркие и отчетливые зрительные ощущения [Прокофьева, 2010].

И. Г. Ищенко и К. К. Ким отмечают, что «мягкое звучание» относится к аудиальной модальности, при этом слово «мягкий» заимствовано из тактильной модальности, но в данном контексте семантически обозначает качество звука. В подобных словосочетаниях происходит «симилятивная (метафорическая) синестетическая связь концептов» [Ищенко, Ким, 2014].

Б. Винтер пишет о том, что в языке отражена наша способность ощущать, поэтому синестетическая метафора может иметь отношение к истинной сенсорной (канонической) синестезии. В связи с этим автор предлагает свою типологию пяти синестетических метафор. Помимо этого, Б. Винтер полагает, что возможно, следует использовать термин «кроссмодальные метафоры», а не «синестетические метафоры». Кроссмодальные метафоры

широко используются людьми, хотя и не предполагают основы в чувственном опыте в виде истинной синестезии, которая встречается довольно редко. По мнению Б. Винтера, применительно к таким выражениям, как «сладкий запах» и «грубый звук» гораздо более уместен термин «кроссmodalность», чем обращение к понятию истинной синестезии [Winter, 2019].

Обращение к синестетическим, или кроссmodalным метафорам, на наш взгляд, может быть интересно и для исследований сенсорной метафоры в жестовых языках в силу эффекта визуальной модальности, в которой функционируют метафоры.

СЕНСОРНАЯ МЕТАФОРА В ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

До настоящего времени полноценных исследований сенсорной метафоры в жестовых языках практически не велось [Кумуржи, 2022]. Наиболее представительной является сравнительно-типологическая работа У. Зешан и Н. Пальфримана «Метафоры чувственного восприятия в жестовых языках» [Zeshan, Palfreyman, 2019], в которой используются данные 24 национальных жестовых языков, но не русского жестового языка. Авторы собрали и проанализировали примеры жестов, имеющих в качестве исходной области чувственное восприятие. В работе рассматриваются межкультурные модели метафорического расширения семантики жестов, а также процессы грамматикализации жестов-префиксов, связанных с чувственным восприятием.

Мы остановимся в первую очередь на типах метафорических расширений. Поскольку жестовые языки в большинстве случаев возникли в сообществах глухих, они отражают особенности чувственного восприятия мира глухими носителями языка. Оно радикально отличается от восприятия слышащих носителей звучащих языков. Это влечет за собой следующие вопросы: как глухие говорят о визуальном и аудиальном восприятии и как возникают соответствующие метафоры в жестовых языках? Исключаются ли из жестовых языков метафоры, основанные на слуховом восприятии, или, например, предпочтение отдается зрительному восприятию как источнику сенсорных метафор?

Необходимо заметить, что в структуре жеста выделяются мануальные компоненты (конфигурация, ориентация, локализация, движение) и немануальные компоненты (мимика, жесты рта), которые в отличие от элементарных единиц звучащих языков реализуются синхронно. Например, во многих жестовых языках, включая РЖЯ, жест «ВИДЕТЬ» выполняется ведущей рукой с двумя

вытянутыми и слегка разведенными указательным и средним пальцами, ладонь смотрит на исполняющего жест, движение происходит по направлению от него, локализация – глаза «говорящего» на жестовом языке. Данный жест иллюстрирует общий принцип, именуемый принципом транспарентности чувственного восприятия в жесте – семантика чувственного восприятия в большинстве случаев иконически отражена в форме жеста. Иначе говоря, локализация жеста чувственного восприятия связана с его значением: глаза – «ВИДЕТЬ», ухо или область около уха – «СЛЫШАТЬ», нос или область около носа – «ПАХНУТЬ», язык, губы или рот – «ОЩУЩУТЬ ВКУС», туловище или верхние конечности – «ЧУВСТВОВАТЬ / ОСЯЗАТЬ». Жесты чувственного восприятия часто имеют конфигурацию руки с вытянутым указательным пальцем (или в случае «ВИДЕТЬ» с вытянутыми указательным и средним пальцами, обозначающими два глаза).

Жесты чувственного восприятия отличаются от жестов, обозначающих органы чувств: при их исполнении носитель жестового языка указательным пальцем указывает на, дотрагивается до или держится за соответствующий орган чувственного восприятия. Несмотря на свою иконическую мотивированность, такие жесты восприятия как бы абстрагируются от биологической основы чувственного восприятия, как это видно в движении руки от глаз, а не по направлению к глазам в жесте «ВИДЕТЬ».

Считается, что концептуальной основой многих жестов чувственного восприятия является метонимия, благодаря которой орган чувств выступает в качестве соответствующего сенсорного ощущения. Помимо этого, концептуальная метонимия также наблюдается и в других группах жестов, обозначающих ментальную деятельность (локализация – голова) и время (локализация – запястье) [Zeshan, 2003].

В зависимости от типа семантического сдвига авторы исследования выделяют сенсорные метафоры двух типов – «одноэтапные» (single-stage) и «двухэтапные» (double-stage)¹, которые, как полагают авторы, отличаются от подобных метафор в звучащих языках. В построении значения двухэтапной сенсорной метафоры «СЛЕПОЙ – НЕ ХОТЕТЬ ЗНАТЬ О ЧЕМ-ЛИБО» в китайском и южно-корейском жестовых языках по аналогии с концептуальной метафорой звучащих языков «ВИДЕТЬ – ЗНАТЬ» изначально задействован мануальный параметр жеста «ВИДЕТЬ» – локализация или, более точно, место артикуляции (ладонь закрывает глаза), дополненный метафорическим расширением. Жест одновременно означает «СЛЕПОЙ» в буквальном смысле и «НЕ ХОТЕТЬ ЗНАТЬ

¹Перевод наш. – Э. К.

О ЧЕМ-ЛИБО» в метафорическом. Метафорическое расширение основано на хорошо знакомой в звучащих языках ассоциации «ВИДЕТЬ – ЗНАТЬ» [Lakoff and Johnson, 1980], однако в отличие от звучащих языков добавляется волитивный компонент – не являющийся слепым закрывает глаза рукой как если бы он не хотел что-либо видеть, и, следовательно, знать.

В одноэтапной сенсорной метафоре в жестовых языках отсутствует буквальное лексическое значение, а метафорическое расширение происходит от мануального компонента жеста – места артикуляции. Примером такой метафоры служит уже упомянутый жест «НЕ ХОТЕТЬ ЗНАТЬ О ЧЕМ-ЛИБО» в индийском и индонезийском жестовых языках, в семантике которых не участвует прямое лексическое значение «СЛЕПОЙ». Метафорическое расширение основано только на сублексическом компоненте – месте артикуляции, тогда как лексическое значение относится к области мыслительной деятельности, а не чувственного восприятия.

Проанализировав сенсорные метафоры в различных национальных жестовых языках, авторы определили несколько межъязыковых моделей метафорического расширения в жестовых языках, а именно:

- «ВИДЕТЬ – ЗНАТЬ» (как в звучащих языках)

- «СЛЫШАТЬ – ЗНАТЬ» (как в звучащих языках)
- «ОБОНЯНИЕ – ИНТУИЦИЯ»
- «УСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ В ЦЕЛОМ».

Вместе с тем авторы отмечают небольшое число перцептивных метафор в жестовых языках с областью-целью «ПОЗНАНИЕ». Причиной тому может служить тот факт, что для этого в жестовых языках используется отдельная метафора с локализацией в области головы (как правило, височная часть) или туловища.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Проведенный анализ продемонстрировал, что сенсорная метафора в жестовых языках, в отличие от метафоры в звучащих языках, малоизучена, а существующие исследования носят сравнительно-типологический характер.
2. Лингвистических исследований сенсорных метафор русского жестового языка практически не проводилось.
3. Имеющиеся на сегодняшний момент данные по структуре и типу сенсорной метафоры в жестовых языках, типах метафорического расширения возможно применить для анализа сенсорных метафор русского жестового языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дударева З. М. Перцептивная метафора в рекламном тексте // Мир науки и мысли. 2023. № 2. С. 38–43.
2. Маслакова А. О., Собянина В. А. Сенсорные метафоры в англоязычной рекламе продуктов питания // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 197–205.
3. Архипова Н. А. Особенности репрезентации сенсорных модальностей в языке рекламы // 2013. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9 (84). С. 11–15
4. Чернявская В. Е., Горшкова Н. Э. Визуальная метафора в персуазивной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2021. № 202. С. 175–182.
5. Дымова А. В. Визуальные метафоры синего цвета в видеоряде британского и американского рок-дискурса // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 2. Стр. 237–243.
6. Метласова Т. М., Ковальчук О. Л. Лингвостилистические особенности реализации сенсорных образов в произведениях Джоанн Харрис // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. № XII. С. 65–71.
7. Еримизина Е. Н., Полховская Е. В. Специфика создания сенсорного напряжения в творчестве Дженет Уинтерсон // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Том 2 (68). № 2–2. С. 69–73.
8. Гынгазова Л. Г. Сенсорные основания метафорического представления не вещественных объектов (время, количество, речь) в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 31–36.
9. Бубырева Ж. А., Моисеева С. А. Пути метафоризации признаков «тяжелый» и «легкий» в русском, французском, английском языках // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. № 20 (163). Вып. 19. С. 80–87.
10. Полякова А. А., Юрина Е. А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. 2 (208). С. 76–84

11. Брылева Р. Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1307–1310.
12. Мерзлякова А. Х. Семантическое варьирование прилагательных в поле «восприятие» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2003. Вып. 4 (№26). С. 56–71.
13. Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. № 1. С. 3–10.
14. Ищенко И. Г., Ким К. К. Способы реализации синестезии в американских музыковедческих текстах // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 126–132.
15. Winter B. Sensory linguistics: Language, perception, and metaphor. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019.
16. Кумуржи Э. В. Звуковые метафоры в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции / отв. ред. К. В. Голубина. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. С. 119–126.
17. Zeshan, U., Palfreyman, N. Sensory perception metaphors in sign languages // Perception Metaphors. Laura J. Speed, Carolyn O'Meara, Lila San Roque and Asifa Majid (Eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 275–302.
18. Zeshan, U. Sign Language in Indo-Pakistan. A description of a signed language. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003.
19. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

REFERENCES

1. Dudareva, Z. M. (2023). Perceptual metaphor in the advertising text. The World of Science and Ideas, 2, 38–43. (In Russ.)
2. Maslakova, A. O., Sobyana, V. A. (2020). Sensorial metaphors in English advertisements of food. Humanities and Social Sciences, 2, 197–205. (In Russ.)
3. Arkhipova, N. A. (2013). Osobennosti reprezentatsii sensornykh modal'nostej v yazyke reklamy = Representation peculiarities of sensory modalities in advertisement. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 9(84), 11–15. (In Russ.)
4. Chernyavskaya, V. E., Gorshkova, N. E. (2022). Visual metaphor in persuasive communication. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 202, 175–182. (In Russ.)
5. Dymova, A. V. (2022). Visual metaphors in the color blue in the video clips of British and American rock discourse. Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology, 32(2), 237–243. (In Russ.)
6. Metlasova, T. M., Kovalchuk, O. L. (2020). Lingvostilisticheskie osobennosti realizatsii sensornykh obrazov v proizvedeniyakh Dzhon Kharris = Linguistic and stylistic peculiarities of sensory images in the works of Joanne Harris. Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikatsii, XII, 65–71. (In Russ.)
7. Erimizina, E. N., Polkhovskaya, E. V. (2016). Специфика создания сенсорного напряжения в творчестве Джанет Уинтерсон = Sensory images in the works of Jeannette Winterson. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences, 2(68), 2–2, 69–73. (In Russ.)
8. Gyngazova, L. G. (2013). Sensory bases of metaphorical representations of immaterial objects (time, quantity, speech) in the discourse of the language personality. Bulletin of Tomsk State University. Philology, Tomsk State University Journal of Philology, 5(25), 31–36. (In Russ.)
9. Bubyreva, Zh. A., Moiseeva, S. A. (2013). Puti metaforizatsii priznakov «tyazhelyj» i «legkij» v russkom, francuzskom, anglijskom yazykakh = Ways of metaphorization of the signs “heavy” and “light” in Russian, French, English. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 20(163), 19, 80–87. (In Russ.)
10. Polyakova, A. A., Yurina, E. A. (2020). Metaphorization of food taste characteristics in the Russian language and the world picture. Tomsk State Pedagogical University, 2(208), 76–84. (In Russ.)
11. Bryleva, R. F. (2011). Olfactory adjectives as an object of synesthetic transferring. Bulletin of Bashkir University, 16(4), 1307–1310. (In Russ.)
12. Merzlyakova, A. Kh. (2003). Semantic variation of perception adjectives. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2, 4(26), 56–71. (In Russ.)
13. Prokofieva, L. P. (2010). Synesthesia in the modern scientific paradigm. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 10(1), 3–10. (In Russ.)

14. Ishchenko, I. G., Kim, K. K. (2014). Sposoby realizacii sinestezii v amerikanskikh muzykovedcheskikh tekstakh = Ways of implementation of synesthesia in American musicological texts. Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities, 66, 126–132. (In Russ.)
15. Winter, B. (2019). Sensory linguistics: Language, perception, and metaphor. Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.
16. Kumurzhi, E. V. (2022). Sound metaphors in Russian sign language. In Golubina, K. V. (Ed.), Intercultural space of sign languages: interpretation, communication, research (pp. 119–126). Collection of scientific articles of the Second International Scientific and Practical Conference. Moscow: Publishing House of Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
17. Zeshan, U., Palfreyman, N. (2019). Sensory perception metaphors in sign languages. In Speed, L. J., O'Meara, C., San Roque L., Majid, A. (Eds.), Perception Metaphors (pp. 275–302). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
18. Zeshan, U. (2003). Sign Language in Indo-Pakistan. A description of a signed language. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
19. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кумуржи Эмма Викторовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

старший преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kumurzhi Emma Viktorovna

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics

Senior Lecturer, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
22.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики

Е. Г. Логинова

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия
e.loginova-rsu@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа лингвистических маркеров речевой агрессии в драме. На материале пьес А. Чехова «Дядя Ваня» и Н. Садур «Ехай» автор суммирует маркеры речевой агрессии, выявляя прагматически наиболее релевантные маркеры. К числу новых аспектов работы относится вывод о речевой автоагрессии и о приеме градации речевой агрессии, что представляет ценность при изучении художественной эстетики драматургического дискурса.

Ключевые слова: лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, речевая агрессия, иллокуция, драма, Чехов, Садур

Для цитирования: Логинова Е. Г. Речевая агрессия персонажей драматургического произведения в аспекте лингвопрагматики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 73–79.

Original article

Verbal Aggression in the Discourse of Drama from the Standpoint of Linguistic Pragmatics

Elena G. Loginova

*Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia
e.loginova-rsu@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of the study of verbal aggression in the discourse of drama. The aim was to identify the linguistic means that mark verbal aggression whether directly or indirectly and to specify the cognitive mechanisms. Having analyzed two plays (Chekhov's "Uncle Vanya" and Sadur's "Ekhai") the author summarizes the linguistic markers of verbal aggression paying special attention to autoaggression as well as gradation of verbal and non-verbal means used to realize this "anti-polite" speech strategy.

Keywords: linguistic pragmatics, cognitive linguistics, verbal aggression, illocution, drama, Chekhov, Sadur

For citation: Loginova, E. G. (2024). Verbal aggression in the discourse of drama from the standpoint of linguistic pragmatics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 73–79.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический «поворот» в исследовании эффективности коммуникации выводит в фокус изучение лингвистических маркеров и когнитивных механизмов саморепрезентации. Особое внимание уделяется языковым средствам речевой агрессии – сознательно грубой коммуникации, антивежливости (см. работы, описывающие речевую агрессию в разных типах дискурса [Шейгал, 2000; Радченко, 2009; Комалова 2020; Лю Цици 2023], а также труды, посвященные экспрессивности высказывания [Арнольд, 1975; Телия, 1991]).

В основе речевой агрессии лежат когнитивные интенции, отражающие всю совокупность субъектно-объектных отношений. Это позволяет анализировать речевую агрессию с когнитивно-прагматических позиций. При этом лингвистические единицы следует рассматривать как когнитивно-семиотические сущности, которые взаимодействуют с концептуальными структурами, обеспечивая семиотическую «прорисовку» коммуникативной ситуации.

Настоящее исследование проводилось на материале драмы. В отличие, например, от романа, где объяснение процесса общения происходит за счет авторских слов, описаний и пр., драма строится на высказываниях персонажей. Немаловажно также то, что драма включает соотносимые между собой гетерогенные компоненты (от реплик персонажей до акта или сцены). В своей совокупности они демонстрируют развитие коммуникации как стремление к цельности. Происходит одновременно кумуляция опыта и конфликт между различными, но взаимодополняющими элементами опыта; между тем, что представлено эксплицитно, и тем, что выражено имплицитно. Такие внутренние противоречия могут получать внешнее выражение. Например, конфликт между сказанным и подразумеваемым в драме часто репрезентируется в соотношении персонажей, которые составляют конфликтные пары: Поццо и Лакки в пьесе С. Беккета «Waiting for Godot», наемные убийцы Гас и Бен в произведении Г. Пинтера «The Dumb Waiter», Трубецкой (учитель физкультуры) и Серж (учитель географии) в пьесе Д. Липскеров «Школа с театральным уклоном» и пр.¹

По замечанию В. Е. Хализева, реплика персонажа драматургического произведения является не просто коммуникативной единицей, но «динамичным, активно и агрессивно воздействующим речевым актом»² [Хализев, 1986, с. 42–43]. В. Херман подчеркивает, что с прагматических позиций общение персонажей в драме не отличается от общения

людей в повседневной коммуникации. В обоих типах диалога присутствует потенциальный конфликт. Он а priori обусловлен столкновением различных жизненных интересов и личных притязаний.

Существует речевые акты, которые агрессивны по своей сути. Это речевые акты с угрозой в адрес собеседника / референта («speech acts which are intrinsically face-threatening to a participant»), реализованные прямо («on record») или косвенно («off record») [Herman, 1995, с. 191].

Материалом для анализа послужили пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (1896) и Н. Садур «Ехай» (1984). Произведения А. П. Чехова, наряду с пьесами М. Метерлинка, Г. Ибсена, относятся к «новой драме», особенностью которой является конфликт героев не друг с другом, а с «враждебной реальностью» [Зингерман, 1979, с. 16]. Драматургия Н. Садур относится к постмодернистской: она характеризуется как бесконфликтная. Однако в пьесе «Ехай» разворачивается внешний конфликт между персонажами – столкновение людей, каждый из которых по-своему несчастен.

Основная исследовательская задача связана с выявлением вербальных единиц (компонентов высказывания), в которых выражено враждебное, агрессивное отношение субъекта речи к обозначаемому, адресату или себе самому. Проведенный анализ лингвистических маркеров речевой агрессии в драматургическом тексте позволяет обобщить единицы, обладающие наибольшей прагматической нагруженностью, и уточнить когнитивные механизмы речевой агрессии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любое вербальное проявление агрессии есть некая экспрессивная форма, создающая эмоциональный фон. По замечанию В. Н. Телия, при экспрессивности высказывания референт или референтная ситуация погружаются в область коммуникативно нерелевантных сигналов, а на поверхности оказываются испытываемые говорящим чувства [Телия, 1991].

В зависимости от ситуативного контекста одни и те же языковые единицы могут выражать пейоративное (негативное) и мелиоративное (одобрятельное) отношение говорящего к адресату и / или объекту речи, – подчеркивает В. И. [Жельвис, 1990]. Иными словами, стилистически нейтральное слово может стать эмоционально-экспрессивным, получив «агрессивный заряд» в соответствующем контексте. Такой подход соответствует идее А. Ф. Лосева о «смысловом потенциале слова», включающем

¹Более подробно об этом идет речь в [Логонова, 2021].

²Курсив наш. – Е. Л.

все возможные дополнительные семантические оттенки (аксиологические, коммуникативные, прагматические и пр.). Отсюда вывод А. Ф. Лосева о том, что даже слово как единица лексической системы – это «не есть отдельное и изолированное слово» [Лосев, 1982, с. 476–477].

Сходной точки зрения придерживаются многие ученые, занимающиеся исследованием в области когнитивной лингвистики и обращающие внимание на необходимость рассматривать передаваемое языковой единицей содержание как динамичный подвижный конструкт. В частности, В. И. Заботкина отмечает, что при дискурсивной реализации лингвистические формы «подключают» говорящего и слушающего к неким ментальным сетям, активизируя «различного рода последовательные и параллельные операции связи» [Заботкина, 2007, с. 50].

В своем исследовании мы рассматриваем отобранные единицы высказывания с учетом лингвистического окружения и ситуативного фона, а также принимаем во внимание указания на характер произнесения реплик, содержащиеся в авторских ремарках.

Нами анализировались средства выражения речевой агрессии в двух драматургических произведениях, одно из которых написано в конце XIX века (А. П. Чехов «Дядя Ваня»), а второе создано почти столетие спустя (Н. Сакур «Ехай»). В чеховской пьесе объектом анализа стали реплики Войницкого, адресованные Серебрякову непосредственно или (чаще) опосредованно. В абсурдистской пьесе Н. Сакур, построенной на диалоге Машиниста электропоезда и Мужика, который лег на рельсы, чтобы свести счеты с жизнью, нами рассматривались реплики Мужика и реплики Машиниста, адресованные друг другу.

Проведенное исследование показало, что в рассматриваемых драматургических произведениях представлены следующие типы языковых средств, реализующих речевую агрессию прямо или косвенно:

- экспрессивно-окрашенная лексика для выражения требования, угрозы, упрека, обвинения (*не стоят гроша медного, морочил, презираю*);
- сниженная лексика (в том числе коллоквиализмы, вульгаризмы, например, *полудурок, серость, психанутый*) для выражения негативных эмоций, враждебного отношения и пр.;
- интенсификаторы как средства выражения субъективного отношения говорящего (качественные и оценочные прилагательные, наречия *очень, слишком, весьма, ровно*; усилительные частицы *ведь, ну* и др.);

- инвективная лексика в функции грубого, оскорбительного обращения или характеристики (*падаль, сволочь*);
- конструкции экспрессивного синтаксиса:

Тебе человека убить? Что муху! И опять убил, и испугался, и на рельсы лег <...>! За пять рублей! Будешь ты меня помнить!

- языковые единицы и конструкции, косвенно выражающие агрессивное отношение и/или намерение (жалоба, насмешка, язвительное замечание, нарочито вежливое обращение: *наш великий ученый. Точно принц, блин*);
- стилистически нейтральные единицы, выражающие в соответствующем просодическом оформлении контекстуально обусловленное, дискурсивное значение агрессивности (*Баптист что ли? Сектант несчастный!*)

Особо отметим интонацию эмоционально-экспрессивного характера, который маркируется паралингвистическими средствами (восклицательный знак, комбинация восклицательного и вопросительного знаков, многоточие, графические и фонографические приемы) и паратекстуальными средствами (авторские ремарки). Например:

(*Нервно.*), (*С гневом.*) – ремарки внутри реплик Войницкого.

(*Кричит.*) – ремарка внутри реплик Машиниста и Мужика.

Примером паралингвистических средств служит также повтор ударной гласной в слове *сво-олочь*, указывающий на протяжную манеру произнесения и, соответственно, на эмоциональное состояние говорящего: *Машинист: Ой, сво-олочь...*

Мы предположили, что в сценических постановках показателем эмоциональности и сильных чувств говорящего будет интонационное оформление реплик, в частности, перенос акцентных пиков. По замечанию Т. Е. Янко, изменение акцента происходит в случае эмфазы (угроза, упрек), которая дополнительно амплифицируется интенсивностью фразового акцента и «искривлением» тона [Янко, 2008, с. 28]. Возникают эмфатическая рема или эмфатическая тема, о чем мы можем судить по движению тона, хотя, безусловно, для объективных заключений необходим анализ звучащей речи персонажей с помощью специальных компьютерных программ.

Проведенное нами исследование показало, что враждебное отношение, неприязнь к другому персонажу может принимать форму речевой

автоагрессии – оскорбление себя, обида, недовольство собой. В таких случаях реализуется механизм сдвига фокуса с объекта агрессии на адресанта. Приведем в качестве примера реплику Машиниста:

Машинист. Что же я остановился, а? Козел я, козел...
Толика послушался. <...> ... вот козел я...
<...> Ой, блин ... стою, как полудурок,
побегу я ...

Еще один пример – речевая автоагрессия Войничского, когда он промахнулся, стреляя в Серебрякова из револьвера:

Войничский. (С гневом.) А, черт, черт...черт бы побрал... (Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на пол.)

Обращает на себя внимание градация как прием, демонстрирующий постепенное увеличение степени враждебности по отношению к Серебрякову в репликах Войничского. Повышение эмоциогенности происходит от завуалированной речевой агрессии, которая проявляется в использовании косвенных оскорблений за счет ироничных возвеличивающих эпитетов, подменяющих грубые или нетактичные слова и выражения; интертекстовых вставок; оригинальных фраз на латыни (например, *великий ученый, perpetuum mobile*, «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим»¹), к открытой речевой агрессии, угрозам (*старый сухарь, ученая вобла, вечно жалуется, пережевывает чужие мысли, переливает из пустого в порожнее, ненавижу, будешь меня помнить* и пр.) и затем к невербальным проявлениям агрессии, отличающимся эмоциональной импульсивностью – стреляет в Серебрякова из револьвера.

Принимая за основу типы речевой агрессии, которые Е. И. Шейгал выделяет на материале политического дискурса, мы можем заключить, что градация простирается от имплицитной речевой агрессии к эксплицитной, предполагающей направленность на объект речевой агрессии (угрозы, вердикты) [Шейгал, 2000].

Персонажи пьесы Н. Садур, наоборот, с самого начала разговора демонстрируют невербальные проявления агрессивного поведения:

Энергично подходит к Мужу и дает ему пинка.<...>
Снова его пинает. <...> Пинает. <...> Пинает. Снова пинает. <...> Снова пинает. <...> Мужик вскакивает, бьет его в лицо.

¹В пьесе А. П. Чехова использована цитата из сатирического стихотворения И. И. Дмитриева «Чужой толк», в которой поэт высмеивает бездарных поэтов-графоманов.

Речевая агрессия Машиниста и Мужика в данной сцене эксплицитно проявляется за счет инвективной и грубой просторечной лексики (*падаль, блин*) и синтаксического параллелизма обвинений, которые перемежаются с невербальными действиями:

Это тебе, блин, за график. <...> А это тебе за прогрессивку. <...> А это тебе за выговор. <...> А это тебе за нервы. <...> А это тебе за развратное самоуничтожение.

В пьесе А. П. Чехова бранная речь используется единожды. При этом частотны единицы и конструкции, которые имплицитно выражают агрессивное отношение говорящего к адресату и объекту высказывания. В отличие от А. П. Чехова Н. Садур не склонна к частотным импликациям: два драматурга работают в разных литературных традициях и выводят на сцену персонажей, различных по социальному статусу.

Особая роль при выражении речевой агрессии и «приращении» эмоциональности в процессе развития высказывания отводится разным типам повтора: повтор-вербальное тождество, субституционный повтор, повтор-парафраз. Например, в развернутой реплике Войничского, когда он выражает свое отношение к Серебрякову, пять раз повторяется указание на продолжительность периода научной деятельности отставного профессора:

Войничский. <...> Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, — значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. <...> значит, двадцать пять лет он занимал чужое место.

Позже, адресуя реплику уже непосредственно Серебрякову, Войничский повторяет это указание на время, теперь в отношении себя:

Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня. <...> Двадцать пять лет я вот с этой матерью, как крот сидел в четырех стенах...

Проиллюстрируем повтор-парафраз, когда происходит прибавление когерентных смыслов и эмоциональности:

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? <...>

Войницкий. <...> Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни. <...>

Частотны случаи повтора и в пьесе «Ехай», например, повтор-вербальное тождество и повтор-парафраз:

Машинист. Ты врешь, врешь, врешь, сирота! Ты убил! Убийца ты!

Также приведем примеры субституционного повтора в рассредоточенных по тексту репликах Машиниста:

А ему наплевать! Ему костей своих не жалко, только бы настроение испортить! <...> Мне наплевать. Мне благодарности не надо.

В аспекте активации заложенной в реплике агрессии повтор представляется наиболее прагматически нагруженным маркером речевой агрессии, указывающим на амплификацию экспрессивно-эмотивного и семантико-прагматических компонентов значения. На когнитивном уровне это связано с реализацией когнитивных механизмов выведения в фокус и сдвига фокуса, кумуляции и импликации смысла. Воспользовавшись разработанной Л. Талми типологией лингвистических факторов, которые соотносятся с процессами концептуального структурирования [Talmy, 2007], мы можем говорить о маркерах триггерного эффекта в случае повтора разных типов. К таким маркерам следует отнести контекст, направляющий внимание вовне («context with an attentional effect outside itself»), или единицы с внешним эффектом внимания («specific linguistic forms with an attentional effect outside themselves») [Talmy, 2007, с. 277–279], например, единицы, направляющие внимание на обстоятельства, сопутствующие референту; устанавливающие в качестве объекта внимания внешнюю сущность или явление.

В сценической интерпретации пьесы возможен вербально-невербальный (слово и сопровождающие его жест, мимика, движение и пр.) и невербальный повтор. Так, в спектакле по пьесе Н. Садур «Ехай» (Народный театр «Волшебный фонарь», 2016 г.) Машинист, следуя тексту пьесы, дважды называет Мужика принцем:

Машинист. Тоже мне, принц нашелся. <...>

Машинист. Точно принц, блин.

Характеризующее слово *принц* при каждом произнесении сопровождается разведением обеих рук в стороны, интонационно используется растяжение ударного слога за счет длительности гласного. Таким образом, происходит синергетическое взаимодействие вербального компонента (с учетом сопутствующих компонентов значения слова *принц*: важный, большой, надменный), эмоционально-экспрессивной интонации и жестового компонента.

Синхронизацию вербального (включая интонационный) и жестового компонентов иллюстрирует также вербально-невербальный повтор в спектакле по чеховской пьесе (Московский театр п / р О. Табакова, 2007 г.). Выражая свое отношение к Серебрякову, Войницкий дважды использует повествовательно-восклицательную конструкцию, повторяя при этом указательный жест руки в направлении вверх:

<...> какое самомнение! Какие претензии!

Движение руки вверх синхронизируется с существительными *самомнение, претензии*; сами они при этом произносятся с растяжением ударного и заударных слогов, маркируя иллюкутивное намерение говорящего. Направление движения руки вверх объективирует концептуальные компоненты важные в плане уточнения отношения персонажа к тому, о чем идет речь (беспрепятственное и быстрое продвижение вверх по социальной иерархии, значительное отдаление от социального статуса, в котором человек родился).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемых драматургических произведениях речевая агрессия разнообразна по своим проявлениям, что обусловлено интенциональной направленностью данного типа художественного дискурса – воздействие на сознание и эмоции зрителя, формирование чувства эстетического сопереживания, углубление эмоциональной рефлексии и провоцирование эмпатического отклика.

К лингвистическим маркерам агрессии относятся экспрессивно-окрашенные и коммуникативно сниженные лексические единицы, инвектива, интенсификаторы, единицы, приобретающие негативную коннотацию в соответствующем ситуативном контексте, в котором происходит наложение первичной иллюкуции и вторичных дискурсивных значений.

Особую ценность с точки зрения активации скрытого (враждебного) отношения представляет

повтор, с одной стороны, имеющий количественный характер, с другой стороны, сигнализирующий об изменениях (градации) качественных параметров коммуникативной ситуации, а именно – об изменении отношения говорящего к содержанию высказывания и / или адресату.

Значимым представляется фиксирование в исследуемом материале случаев речевой автоагрессии (оскорбление себя, сетование и пр.) и сделанное наблюдение о возможных разнонаправленных векторах развития речевой агрессии: от имплицитной со скрытым выражением иллокутивного намерения, к эклективной и наоборот.

Применительно к условиям сценической коммуникации драматург и режиссер могут использовать речевую агрессию и ее невербальные проявления как средство художественной

(мультимодальной) выразительности, выстраивая линию роли, создавая образ персонажа с учетом его речевой индивидуальности.

Думается, что в данном типе художественного дискурса речевая агрессия может также рассматриваться как элемент поэтики драмы и, соответственно, как составляющая драматургического конфликта. Особый интерес представляет уточнение вклада жестовых средств в реализацию речевой агрессии. Соотношение ее вербальной и невербальной составляющих представляет собой многоуровневый объект дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. М. ; Волгоград : Перемена, 2000.
2. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1(3). С. 60–66.
3. Комалова Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультILINGВальной вербализации агрессии: монография. М.: Спутник, 2020.
4. Лю Цици. Эмодзи как средство проявления агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 66–70.
5. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка: сборник научных работ / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Ленинград: ЛГПИ, 1975. С. 11–20.
6. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 14–56.
7. Логинова Е. Г. Семиотический резонанс в художественной коммуникации и художественном дискурсе: монография. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2021.
8. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Изд-во МГУ, 1986.
9. Herman V. Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays. London – New York: Routledge, 1995.
10. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы 20 века: Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй / отв. ред. А. А. Аникст. М.: Наука, 1979.
11. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи : Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия : учеб. пособие. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1990.
12. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982.
13. Заботкина В. И. Семиотические аспекты представления знаний в семантической структуре слова // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. М.; Калуга : Эйдос, 2007. С. 48–55.
14. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
15. Talmy L. Attention Phenomenon // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P.264–293.

REFERENCES

1. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow, Volgograd: Peremena. (In Russ.)

2. Radchenko, O. A. (2009). Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy i perspektivy = The analysis of aggressive discourse: problems and perspectives. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1(3), 60–66. (In Russ.)
3. Komalova, L. R. (2020). Aggressogen discourse: the multilingual aggression verbalization typology. Moscow: Sputnik. (In Russ.)
4. Liu, Qiqi. (2023). Emoji as a manifestation means of verbal aggression in Russian and Chinese internet communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 66–70. (In Russ.)
5. Arnol'd, I. V. (1975). Interpretaciya hudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniya i problema ekspressivnosti = Interpretation of a literary text: types of extension and the problem of expressiveness. Ehkspressivnye sredstva anglijskogo yazyka (pp. 11–20): collection of papers. Leningrad: LGPI. (In Russ.)
6. Teliya, V. N. (1991). Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientaciya = Expressiveness as a manifestation of subjectivity in language and its pragmatic orientation. The human factor in language. Linguistic mechanisms of expressiveness (pp. 14–56). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Loginova, E. G. (2021). Semioticheskiy rezonans v hudozhestvennoj kommunikacii i hudozhestvennom diskurse = Semiotic resonance in natural communication and in artistic discourse. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenin. (In Russ.)
8. Halizev, V. E. (1986). Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funkcionirovanie) = Drama as a kind of literature (poetics, genesis, functioning). Moscow: Izdatel'stvo MSU. (In Russ.)
9. Herman, V. (1995). Dramatic Discourse: Dialogue as interaction in plays. London–New York: Routledge.
10. Zingerman, B. I. (1979). Ocherki istorii dramy 20 veka: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Meterlink, Pirandello, Brekht, Gauptman, Lorka, Anuj = Essays on the history of the 20th century drama: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Maeterlinck, Pirandello, Brecht, Hauptmann, Lorca, Anuy. Ed. by A. A. Anikst. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Zhel'vis, V. I. (1990). Emotivnyj aspekt rechi : Psiholingv. interpretaciya rechevogo vozdejstviya : ucheb. Posobie = The emotive aspect of speech : Psycholinguistic. interpretation of speech effects. Yaroslavl': YarSU. (In Russ.)
12. Losev, A. F. (1982). Znak. Simvol. Mif = Sign. Symbol. Myth. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
13. Zabotkina, V. I. (2007). Semioticheskie aspekty predstavleniya znaniy v semanticheskoy strukture slova = Semiotic aspects of knowledge representation in the semantic structure of the word. Problems of representation in language (pp. 48–55). Types and formats of knowledge. Moscow, Kaluga: Ejdos. (In Russ.)
14. Yanko, T. E. (2008). Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte = Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
15. Talmy, L. (2007). Attention Phenomenon. In Geeraerts, D., Guyckens, H. (Eds.), The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 264–293). Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинова Елена Георгиевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры английского языка и методики его преподавания

Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Loginova Elena Georgievna

PhD (Philology), Associate Professor

Professor of the Department of the English Language and Language Teaching Methodology

Foreign Languages Institute, Ryazan State University named for S. Yesenin

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81.13+81.42

Рекап фильма как новый вид медиадискурса

Е. В. Темнова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
el.v.temnova@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие нового вида медиадискурса рекапа фильма. Дается представление о соотношении рекапа фильма с другими видами краткого пересказа содержания фильма, такими как логлайн, синопсис, тэглайн, блерб, а также кинодискурса – трейлер и тизер. Автор дает определение рекапа фильма и приводит его основные характеристики как вторичного семитического образования. Выявляются основные дискурсивные элементы нового вида медийного дискурса, а также наиболее частотные лексические выражения, например, единицы современного сленга.

Ключевые слова: медиадискурс, рекап фильма, персуазивная функция, синопсис, логлайн, тизер, трейлер, киноаннотация, дискурсивные маркеры, сленг

Для цитирования: Темнова Е. В. Рекап фильма как новый вид медиадискурса // Вестник Московского лингвистического государственного университета. Гуманированные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 80–88.

Original article

Film Recap as a New Type of Media Discourse

Elena V. Temnova

Moscow State Institute of International Affairs MGIMO University, Moscow, Russia
el.v.temnova@my.mgimo.ru

Abstract. The paper considers a new type of media discourse of film recap. The relationship between a film recap and other types of film review such as logline, synopsis, tagline, blurb are given. Film trailer and film teaser features are scrutinized. The definition of film recap is given. The core components and discourse markers of film recap as a new type of media discourse are highlighted. The author enumerates linguistic features such as slang that contribute to developing of a new type of discourse.

Keywords: media discourse, film recap, persuasive function, synopsis, logline, teaser, trailer, film review, discourse markers, slang

For citation: Temnova, E. V. (2024). Film recap as a new type of media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 80–88. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

На волне развития медиатехнологий понятие медиадискурса наполняется новыми смыслами тем самым способствует расширению уже устоявшегося концепта медиадискурса. Последнее время набирает популярность такое явление, как *рекап фильма* или пересказ фильма. Он приобрел широкое распространение на просторах таких англоязычных и русскоязычных видеохостинговых ресурсов, как Youtube, русскоязычной блог-платформе для создания медиаконтента Яндекс Дзен и т. п.

Среди социальных факторов, участвующих в формировании нового вида дискурса, целесообразно отметить следующие: в эпоху разрастания киноиндустрии наравне с физическими кинотеатрами формируется обширный сектор стриминговых сервисов и онлайн кинотеатров, что обеспечивает доступ посетителям и пользователям к популярным кинопроизведениям мирового искусства. При этом есть несколько причин, по которым реципиенты данного вида искусства не могут или не хотят себе позволить наслаждаться полной версией кинокартины.

В условиях урбанистического общества в связи с высоким темпом жизни не каждый может позволить потратить время на просмотр фильма в кинотеатре с попкорном и напитками в ущерб другим более важным делам. Также пользователи не всегда хотят платить взносы за подписку на стриминговые сервисы и онлайн кинотеатры.

Считается, что наиболее удобный стандарт художественного кино – 90–100 минут. Однако продолжительность полнометражной ленты сегодня превышает данный удобный стандарт. Он не всегда соответствует нормам восприятия контента современным индивидом. Последнему присуще так называемое клиповое мышление, при котором психологический охват киноряда уменьшен до нескольких минут. Данная визуальная практика соответствует преимущественно восприятию жанра shorts на видеохостинге Youtube или Tik-Tok.

С целью завоевать широкую аудиторию при создании своих кинопроизведений продюсеры и режиссеры стараются использовать нетривиальные способы и приемы, которые не всегда адекватно воспринимаются широкой аудиторией, и, соответственно, затрудняют восприятие контента целевым реципиентом. Например, научно-фантастический боевик режиссера К. Нолана «Tenet», в котором используются такие кинематографические средства, как прецедентный феномен и инверсия, не всегда позволяет зрителю проследить витиеватости сюжетной линии и понять основной замысел создателя фильма.

Таким образом, к социально-экономическим предпосылкам формирования нового вида медиадискурса можно отнести следующие: интересующего фильма (еще) нет в прокате или в соцсетях или на ресурсах видеохостинга (Youtube, VK и т. п.); ordinarily нет времени ходить в кино; высокие цены на билеты в кинотеатре или высокие взносы за подписку на стриминговые сервисы и онлайн кинотеатры – не все хотят или могут себе позволить; неясный или невразумительный месседж, который требует разъяснений эксперта или третьего лица.

Поскольку до настоящего момента исследования явления рекапа, или пересказа, фильма не проводились, необходимо проанализировать его основные характеристики и функции с учетом современных методов исследования медиадискурса.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСА И МЕДИАДИСКУРСА

Понятие дискурса используется во множестве гуманитарных дисциплин, таких как лингвистика, психолингвистика, когнитивная психология, антропология, риторика, литературоведение, деловое общение и др., что делает его междисциплинарной областью. При этом по модусу и по каналу связи между отправителем сообщения и его реципиентом дискурс подразделяется на письменный и устный. Учитывая прагматическую функцию воздействия, ряд исследователей также выделяют речевоздействующую функцию и, соответственно, подразделяют дискурсы на элементарные и комбинированные [Малюга, 2008].

Согласно Т. ван Дейку [ван Дейк, 2013], дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее социальный контекст. Н. Д. Арутюнова приводит более широкое определение, в котором под дискурсом понимается «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990]. Ее позиция отчасти совпадает с позицией В. И. Карасика, который также понимает дискурс в качестве погружения в реальную ситуацию межличностного диалога [Карасик, 2000]. В рамках когнитивного подхода Е. С. Кубрякова предлагает понимание дискурса как когнитивного процесса, связанного с речепроизводством [Кубрякова, 1995]. Е. О. Менджерицкая и Е. В. Темнова полагают, что существование дискурса невозможно без осмысления ментального пространства, в котором функционирует текст [Менджерицкая, 2017; Темнова, 2019].

В зависимости от поставленной цели, сферы применения и жанровой структуры, выделяют разные виды дискурса: художественно-публицистический (А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова), философский (С. Н. Бредихин), медийный (Т. ван Дейк,

Т. Г. Добросклонская, В. В. Красных, Е. О. Мендже-рицкая, Е. В. Темнова), профессиональный (Е. Н. Малеюга), кинодискурс (В. Е. Анисимов), дискурс рекламы (О. А. Ксензенко) и др.

Учитывая тезис А. И. Горожанова о том, что художественная реальность дискурса подчиняется определенным закономерностям, в основе которых лежит соответствующий набор когнитивных моделей [Горожанов, 2009], можно предположить, что медиадискурс, конструирующий пространство с помощью компьютерных симуляций, конституируется в моделях мира прошлого или футуристического будущего. При этом моделируемая реальность создается с помощью повседневных уже знакомых образов. Медиадискурс является пространством, где есть место реитерации явлений, определенные образы тиражируются [Гусейнова, Горожанов, 2023], а, соответственно, создается некая картина мира, отражающая виртуальную реальность посредством уже укоренившихся в сознании реципиента концептов.

Будучи институциональным, или статусно ориентированным видом дискурса [Карасик, 2000], при котором учитывается взаимодействие общественных институтов или представителей социальных групп, медиадискурс индуцирует некую смысловую деятельность социальных классов и групп в образно-нарративной форме.

ВИДЫ КИНОАННОТАЦИИ В СРАВНЕНИИ С РЕКАПОМ ФИЛЬМА

Определяя рекап фильма (*film recap*), важно отметить, что это многоплановое структурное явление, которое находится на пересечении дискурсивных сфер. Внутри него взаимодействуют различные киножанры и повествовательные жанры. В настоящее время проводятся исследования жанровых характеристик отдельных видов кинопродукции, например, блокбастера, триллера и т. п., с одной стороны, и такие виды рекламной киноаннотации, как тэглайн, блерб, кинослоган – с другой. При этом дикурс рекапа фильма, является вторичным семиотическим образованием, где автором выступает блогер. Он является таким же реципиентом кинопродукта, как и рядовой зритель. Однако автор рекапа использует определенные прагматические установки воздействия на реципиента для поднятия рейтинга собственного блогерского канала.

В данном исследовании рассматриваются предпосылки возникновения нового медийного образования, а также делается попытка слить воедино анализ кино- и повествовательных жанров изложения сюжета фильма с целью создания единой концепции рекапа фильма. Выделяются

экстралингвистические и собственно лингвистические факторы нового вида медиадискурса. В соответствии с совокупностью означенных факторов аудиовизуальные средства объективируют восприятие реальности.

Прежде чем вывести определение рекапа фильма, следует рассмотреть другие повествовательные способы передачи содержания фильма, которые отличаются от первоначального сценария. Так, некоторые исследователи медиадискурса [Медиадискурс в современной лингвистической парадигме ... 2021, с. 61] используют обобщающий жанр медиадискурса киноаннотации, который распространяется на такие подтипы, как логлайн, синопсис, тэглайн и блерб. Также к жанру киноаннотации можно отнести кинокритику (или *ревью*), представляющие собой критический отзыв о кинофильме, автором которого является авторитетный кинокритик или зритель, претендующий на статус профессионала [Ртищева, 2022]. Однако концепция данного жанра киноаннотации следует из самого средства наименования – это критическая оценка кинопроизведения, соответственно, критик выбирает несколько аспектов фильма (например, удачные или неудачные решения фильма, отсылка к предыдущим работам режиссера, сравнение с другими версиями ремейков и т. п.), поэтому окончательная и объективная оценка фильма отсутствует. Данное исследование опирается на более широкое описание кинопродукта с подробным описанием сути основных событий.

В таблице 1 приведены основные виды киноаннотации с их характеристиками.

Логлайн и синопсис имеют общую прагматическую направленность, которая заключается в отсутствии спойлера (от *англ.* to spoil – портить). В современном медийном пространстве спойлером называют информацию о важной детали сюжета или неожиданной концовке произведения (чаще всего книжной или кинематографической новинки), которую раскрыли зрителю преждевременно.

Таким образом, логлайн и синопсис должны сохранять интригу и дают возможность реципиенту пережить ее самостоятельно. При этом мелкие детали отсутствуют, отражены внешние события и сохранена визуальная эстетика происходящего на экране. Внутренний конфликт героев передается лаконично без раскрытия глубинного значения истории при возможности очертить целевую аудиторию и жанр¹.

Специфика синопсиса заключается в том, чтобы передать ассоциативный, аллюзивный, эмпативный или референтный пласт реципиенту [Седова, 2014]. Синопсис, в отличие от логлайна, тэглайна и блерба, передают хронотоп событий.

¹URL: <https://festagent.com/ru/articles/longline>.

Тэглайн и блерб имеют сравнительно низкую степень информативности, однако отличаются достаточно высокой экспрессивностью и образностью, используют широкий арсенал стилистических

тропов. Как показано в таблице 1, в лаконичном тэглайне, состоящем всего из пяти слов стилистический прием зевгмы («Он убирает снег... и наркодилеров») придает содержанию эмфатическую окраску.

Таблица 1

ВИДЫ КИНОАННОТАЦИИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЦЕЛИ

Вид киноаннотации	Определение и цель	Формула, или описательная структура	Пример киноаннотации
Логлайн (от <i>англ.</i> logline букв. 'логически сформулированный пассаж')	Краткая аннотация к фильму, сформулированная в одном-двух предложениях (25 и менее слов – до 100 знаков) и передающая суть истории, центральный конфликт и ее основную драматическую коллизию, раскрывающая детали фабулы, но полное содержание остается нераскрытым ¹ . Цель – привлечь интерес к проекту и вызвать желание ознакомиться со сценарием	[герой] + [неожиданное событие] + [цель героя] + [основной конфликт] ²	К/ф «Avengers: Endgame» («Мстители: Финал») Железный человек, Тор и другие пытаются переиграть Таноса. Эпохальное завершение супергеройской франшизы
Синописис (от <i>англ.</i> synopsis – краткое изложение)	Краткое описание кинопродукта, излагающее сюжет кинофильма в 6–7 предложениях (около 300 знаков); мини-текст с максимальной информационной наполняемостью и явной или имплицитной формантой интриги [Седова, 2014]. Цель – показать концепцию будущего проекта и его содержание, чтобы после прочтения могла сложиться целостная картина произведения. Используется для участия в питчингах или для знакомства с проектом потенциального продюсера.	1) герой (его художественный образ) 2) цель героя (необходимость достижения которой крайне важна герою и понятна читателю) 3) препятствие, которое преодолевает герой на пути к цели. 4) основная интрига [Анисимов, 2020]	К/ф «A Simple Favor» («Простая просьба»): Стефани, мама-блогер из маленького городка, оказывает подруге простую услугу, после чего та бесследно исчезает... Вместе с Шоном, мужем пропавшей, Стефани должна докопаться до истины. Отныне их жизни полны тайн и предательств, любви и верности, убийств и мести
Блерб (от <i>англ.</i> blurb – издательское рекламное объявление)	Описание, оценка и сведения об авторе. Цель – реклама киноленты ³	5-6 слов (2-3 слова+ сведения об авторе)	К/ф «Fantastic Beasts: The Crimes of Grindelwald» («Фантастические твари: Преступления Грин-де-Вальда»): A beautiful return to Rowling's wizarding world (<i>Digital Spy</i>)
Тэглайн (от <i>англ.</i> tagline – короткий рекламный текст)	Краткое рекламное сообщение с информацией о содержании фильма [Кунавина, 2013] Цель – реклама киноленты	4-5 слов, 1 предложение	К/ф «Cold Pursuit» («Снегоуборщик») Он убирает снег... и наркодилеров

¹URL: <https://festagent.com/ru/articles/longline>

²URL: <https://stardust-agency.ru/dictionary/>

³URL: <https://stardust-agency.ru/dictionary/>

Также для передачи содержания кинофильмов и сериалов используется такой вид видеопродукции, как трейлер и тизер. Основная цель трейлера и тизера привлечь внимание зрителя к кинопродукту. Однако первоначально трейлер, как вытекает из его названия (англ. trailer – прицеп), показывали после фильмов, чтобы отвлечь зрителя видеорядом во избежание создания пробки на выходе из кинотеатра. Теперь трейлеры демонстрируют до выхода киноленты в прокат в качестве анонса и создания рекламной кампании.

В таблице 2 приведены основные характеристики трейлера и тизера, условно назовем их видами видеоаннотации, в отличие от киноаннотации, которая представляет собой логически построенный текст.

Трейлер и тизер не передают основное содержание киноленты, а создаются с рекламной целью. При этом оба вида видеоаннотации обладают низкой степенью информативности и высокой персуазивностью, выраженной в подборке эффектов, графики и продуманных деталей видеоряда. [Ксензенко, 2023]

МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Проанализировано 33 русскоязычных и англоязычных канала видеохостинга Youtube и

блог-платформы Яндекс Дзен. Среди русскоязычных каналов наиболее репрезентативными в прагматическом отношении отмечены Пересказы Фильмов, Пересказов, Краткий Джек, Краткий Капитан, Суперкраткий пересказ, Давай расскажу, НеСпойлер и другие. Англоязычные каналы включают Film Recaps, SciFi Recaps, Horror Movie Recap StoryLine Movie, PenjamFilms, JeremyHans Movie Review, Moviespoil и т. п.

На основании проанализированного материала выделена структура рекапа фильма. Пересказ фильма полноценно описывает фильм и обеспечивает понимание его подробностей. По структуре рекап напоминает логлайн или синопсис, однако более подробно описывает события и живописует повороты сюжета. Пересказ озвучивается диктором и совмещается с видеонарезкой.

Поскольку длина текста рекапа составляет около 10-ти минут средней скорости читки текста, интрига опускается, а эффект воздействия достигается за счет лингвистических характеристик, присущих тэглайну или блербу. К их числу относится использование стилистических фигур (например, зевгма – убирал снег и наркодилеров), идиоматических выражений, сленговых единиц (например, кринжевые кардеры), новаторских языковых находок (например, дропнул демку), которые имеют целью не только живописно

Таблица 2

ВИДЫ ВИДЕОАННОТАЦИИ И ИХ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Видеоаннотация	Определение	Основные характеристики	Длительность
Трейлер (от <i>англ.</i> trailer – прицеп; киноафиша)	Видеоролик, который нарезается из готового материала киноленты, и представляет собой видеоряд из несвязанных фрагментов по принципу калейдоскопа. Создан, чтобы анонсировать и прорекламировать фильм. При этом ролик должен сохранить интригу и обойтись без спойлеров ¹	Представлены самые зрелищные моменты киноленты, которые способны произвести впечатление даже на самого равнодушного зрителя ²	2-2,5 минуты
Тизер (от <i>англ.</i> teaser – букв. ‘приманка’, ‘дразнилка’, ‘завлекалка’)	Короткий видеоролик, главная цель которого показать красивые кадры, заинтриговать и впечатлить потенциального зрителя ³	Видеоролик изготавливается еще до того, как фильм вышел из монтажа, и использует тот материал, что есть на текущий момент. Представлены отдельные кадры, короткие сценки, впечатляющие реплики актеров ⁴	15-60 секунд

¹<https://skillbox.ru/media/cinemusic/movie-trailer/>

²<https://stardust-agency.ru/dictionary/>

³<https://moscowfilmschool.ru/kinoiznanka/26725/>

⁴<https://stardust-agency.ru/dictionary/>

представить действо, но также завоевать зрительскую аудиторию.

Рекап, как и синопсис и логлайн, включает в себя следующие составляющие: герой и его художественный образ; описание важных сюжетных линий. При этом автор рекапа может отдельно выделить те сюжетные линии, которые участвуют в создании основного мессаджа фильма, тем самым растолковать и по-своему интерпретировать смысл кинокартины. Еще одним отличием рекапа от киноаннотации является та часть, которая не отражена в сценарии, некий бонус для зрителя, а именно приведение интересных / курьезных фактов о создании и съемках фильма, кастинге актеров, особенностях грима, о съемочной площадке и декорациях, дизайне костюмов от известных кутюрье и т. п.

При этом рекапу свойственны признаки социальной сети или блога, когда автор формирует определенное медийное пространство и делится с аудиторией информацией о кинокартине, выходящей за рамки сюжетных линий и траектории развития событий.

Таким образом, выделены основные параметры рекапа и особенности их представления самим блогером, который выступает в качестве автора рекапа:

- 1) автор дает краткую характеристику персонажей с учетом внутреннего конфликта и переживаний;
- 2) автор разъясняет смысл / мессадж фильма;
- 3) автор дает описание наиболее важных сюжетных линий;
- 4) автор иронизирует над персонажами и событиями, используя юмор;
- 5) автор разъясняет поступки и выбор персонажей;
- 6) автор преподносит интересные факты о создании и съемках фильма.

Таким образом, рекап фильма – это, в первую очередь, логически связный, синтаксически выстроенный авторский текст в совокупности с невербальным компонентом, а именно визуальным рядом оригинала киноленты. Соответственно, можно считать, что рекап, созданный для определенной целевой аудитории, является креолизированным образованием, обладающим характеристиками коммуникативно-прагматической направленности и медийности [Добросклонская, 2020].

ДИСКУРСОБРАЗУЮЩИЕ МАРКЕРЫ РЕКАПА

Согласно Б. Фрейзеру, употребление дискурсивных маркеров сводится к прагматической функции [Fraser, 2009]. Это лингвистические единицы,

которые функционируют в определенном дискурсе, но при этом не привносят никакого смысла в пропозициональное значение высказывания. Они маркируют те аспекты сообщения, которые хочет передать говорящий.

Русскоязычные блогеры, специализирующиеся на рекапе, апеллируют к фоновым знаниям читателя, поэтому их дискурсу свойственны следующие маркеры: *не секрет, что...*, *как полагается*, *общеизвестно*, *как известно*, *принято считать* и др. Англоговорящим присущи такие фокусирующие выражения, как *you know*, *as you know*, *can't believe but, it's quite common that* и т. п. Также могут быть использованы эмотивные маркеры (*да, Боже ж ты мой* или *damn it*).

Дискурсивные элементы представляют собой особый функциональный класс лексических выражений, которые интерпретируются в зависимости от лингвистического или концептуального контекстов, зависят от последовательности смыслов и обеспечивают когезию и когерентность дискурса.

В процессе просмотра фильма или его рекапа реципиент сталкивается со сценой или контекстом, которые следует трактовать в рамках одной национально-этнической конгломерации, например, британской или американской. Таким образом, авторы русскоязычных блогов, активно продвигающих пересказ фильмов, осуществляют трансляцию с учетом национальных ценностей и ориентиров своей целевой аудитории.

Отдельно стоит остановиться на русскоязычных лингвистических факторах, которые используют блогеры рекапа с целью привлечения зрительской аудитории, а именно ее молодежной прослойки. Чаще всего это выражения игрового, молодежного, компьютерного, сетевого сленга, а также сленга социальных сетей и мессенджеров. Основным способом словообразования сленга в рекапах является калькирование выражений с английского языка. Однако далеко не всегда дискурс видеоблогеров сводится к использованию типичных сленговых единиц и выражений. Например, «С телом охранника дропнулся полезный лут – упали ключи охранника» (*drop* – *понять*, *loot* – *трофей*), или «дропнули тизер слэш-хоррора» (*drop* – в данном случае *слили*, *допустили утечку*). Словотворчество видеоблогеров богато новыми выражениями и окказионализмами, которые могут в последующем занять нишу неологизмов.

В таблице 3 приведены наиболее яркие примеры лингвистических выражений сленга посредством приемов кальки или полукальки.

Таблица 3

ЯЗЫКОВЫЕ СЛЕНГОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКАПАХ

Виды сленга	Калька	Полукалька
Игровой сленг	Гифт (gift) Квадровер (quadrober) Комбатант (combatant) Шутер (shooter)	Демка (demo version) Профитировать (to profit)
Компьютерный и интернет сленг	Кардер (carder)	Дебажить (debug)
Сленг социальных сетей и мессенджеров	Мискодинг (miscoding) Делистинг (delisting) Апсайдл (upcycle) Шоураннер (show runner)	Майнить (to mine) обновить хаи (high) фейкомет (fake) слэш-хоррор (slash horror)
Молодежный сленг	Лут (loot) Афтер (after) Чирданс-тим (cheer dance team) криндж (cringe)	Дропнуться (to drop)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рекап фильма, сформировавшийся в определенном социально-экономическом контексте, представляет собой гибридную форму киноаннотации и видеоаннотации, которой присущи черты всех рассмотренных выше видов повествовательной формы изложения сюжета кинокартины (логлайн, синопсис, тэглайн, блерб), а также трейлера и

тизера. Рекап является констелляцией нарративно-смысловых характеристик в сопровождении визуальных образов в выстроенном медийном пространстве.

Дискурс рекапа фильма обладает ярко выраженными персуазивными характеристиками (идиоматические и сленговые выражения), ему присущи дискурсообразующие элементы, и он направлен на определенную целевую аудиторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малюга Е. Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 84. С. 147–155.
2. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом Либроком, 2013.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
4. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: сб. ст. Саратов. гос. ун-т; под ред. В. И. Карасика. Саратов, 2000. С. 25–33.
5. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
7. Менджерицкая Е. О. Дискурсофера печатных СМИ. Игра на выживание: монография; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2017.
8. Темнова Е. В. Фелицитарная vs дистимная картина мира в современном англоязычном медиадискурсе. // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 109–121. doi: 10.11621/npj.2019.0110.
9. Горожанов А. И. Грамматические средства конституирования художественной реальности в немецкоязычном экспрессионистском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; Москва, 2009. 143 с. EDN NQOXTJ.
10. Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект / Е. В. Сажина и др. / под общ. ред. Е. В. Сажиной. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021.

11. Ртищева В. А. Кинорецензия как жанр журналистики // Международный научный журнал «Слово в науке». 2022. Вып. 7. С. 15–17.
12. Седова Т. В. Грамматика русского синопсиса // Русский язык: исторические судьбы и современность: X междунар. конгресс исследователей рус. яз., Москва, 18–21 марта 2014 г.: труды и материалы / МГУ им. М. В. Ломоносова; сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. 2014. С. 396–397.
13. Анисимов В. Е. Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 240–245.
14. Кунавина М. С. Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных тэглайнов на русский язык // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 4. С. 31–37.
15. Ксензенко О. А. Рекламная коммуникация в лингводидактическом освещении // Медиалингвистика. Язык в координатах масс-медиа. Материалы VIII Международной научной конференции. СПб: Медиапайп, 2023. Т. 10. С. 124–128.
16. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. СПб.: Ridero, 2020. 180 с.
17. Fraser B. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. 2009. Vol. 1. P. 293–320.

REFERENCES

1. Malyuga, E. H. (2008). Vzaimovliyanie delovoy kommunikatsii i mezhkul'turnogo delovogo diskursa = Mutual influence of business communication and intercultural business discourse. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 84, 147–155. (In Russ.)
2. Dijk, van T. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentatsiya a dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and power: Representation of dominance in language and communication: transl. from English. Moscow: Librocom Publishing House. (In Russ.)
3. Arutyuniva, N. D. (1990). Metaphor and Discourse. Theory of metaphor (pp 5–32). Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Karasik V.I. Struktura institutsional'nogo diskursa = Structure of the Institutional Discourse. Problemy rechevoy kommunikatsii. Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov (pp 25–33)]. Saratov, 2000. (In Russ.)
5. Guseinova I. A., Gorozhanov A. I. Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci, 2023, 16(6), 911–920. EDN HZMXIN. (In Russ.)
6. Kubryakova E. S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the late XXth century. Language and science in the late 20th century (pp. 144–238). Moscow: IYA RAN News bulletin of the Russian Academy of Science. (In Russ.)
7. Mendzheritskaya, E. O. (2017). Diskursosfera pechatnykh smi: igra na vyzhivanie = Discourse sphere of print media. Survival game. Moscow, Moscow Lomonosov University, MAKSPress, 310. (In Russ.)
8. Temnova E. V. (2019). Felicitous vs dismal worldview in modern English media discourse. National Psychological Journal, 1, 109–121. 10.11621/npj.2019.0110
9. Gorozhanov, A. I. (2009). Grammaticheskie sredstva konstituirovaniya khudozhestvennoy real'nosti v nemetsko-azychnom ekspressionistskom diskurse = Grammatical means of constituting fictional reality in German-language expressionist discourse: PhD in Philology. Moscow. EDN NQOXTJ. (In Russ.)
10. Sazhina, E.V. et al. (Ed.) (2021). Mediadiskurs v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme: sravnitel'no-sopostavitel'nyy aspekt = Media discourse in the modern linguistic paradigm: comparative aspect. Gomel: Gomel Skorina State University. (In Russ.)
11. Rtishcheva, V.A. (2022). Kinorecenzia kak zhanr zhurnalistiki = Film review as a genre of journalism. International scientific journal "Word in Science", 7, 15–17. (In Russ.)
12. Sedova, T. V. (2014). Grammatika russkogo sinopsisa = Grammar of Russian synopsis. In Remneva, L., et al. (Eds.), Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Desyaty mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (pp. 396–397). The digest of articles of Moscow Lomonosov University; Moscow, March, 18–21, 2014. (In Russ.)
13. Anisimov, V. E. (2020). Kinozagolovok, sinopsis i slogan kinofil'ma kak funktsional'no-pragmaticheskie edinicy kinteksta (na materiale sovremennogo francuzskogo kinodiskursa)= Film title, synopsis and slogan of the film as functional-pragmatic units of film text (based on modern French film discourse). Philological sciences. Issues of theory and practice, 13(1), 240–245. (In Russ.)
14. Kunavina, M. S. (2013). Osobennosti peredachi glagol'nykh form pri perevode angloyazychnykh tehglajnov na russkiy yazyk = Features transmitting verb forms when translating English taglines into Russian. Vestnik of Moscow Sholokhov State Humanist University. Philological sciences. Moscow, 4, 31–37. (In Russ.)

15. Ksenzenko, O. A. (2023). Reklamnaya kommunikaciya v lingvodidakticheskom osveshchenii = Advertising communication in linguodidactic coverage. Medialingvistika. Yazyk v koordinatakh mass-media (vol 10, pp. 124-128). The digest of articles of the 8th International Scientific Conference. St. Petersburg: Mediapaper. Publishing house Higher School of Journalism and Mass Communications (St. Petersburg). (In Russ.)
16. Dobroslonskaya, T. G. (2020). Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya = Medialinguistics: theory, methods, directions. Saint Petersburg: Ridero. (In Russ.)
17. Fraser B. (2009). An Account of Discourse Markers. International Review of Pragmatics, 1, 293–320.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Темнова Елена Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка № 2

МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Temnova Elena Vladimirovna

PhD (Philology)

Associate Professor, English Department #2

Moscow State Institute of International Affairs MGIMO University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.06.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ГРАММАТИКА И ФОНЕТИКА

Научная статья
УДК 81.342

Вариативность просодических характеристик в политической речи

М. В. Гладких

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
marinagladki@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ одного из подходов к изучению политической речи (далее ПР), в рамках которого исследуется вариативность просодических характеристик ПР. Они варьируются в зависимости от социальной дистанции, разделяющей политика и слушающую аудиторию. Решается вопрос релевантности полученных в этих исследованиях результатов для изучения и описания 1) ПР как результата синергетического взаимодействия устной и письменной форм речи, 2) просодии обращенности как стратегического компонента ПР.

Ключевые слова: политическая речь, просодия обращенности, фоностилистическая вариативность, речевое дыхание, темп, паузация, социальная дистанция

Для цитирования: Гладких М. В. Вариативность просодических характеристик в политической речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 89–96.

Original article

Variability of Prosodic Characteristics in Political Speech

Marina V. Gladkikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
marinagladki@yandex.ru

Abstract. The article analyzes one of the approaches to the study of political speech (hereinafter PS), which investigates the variability of prosodic characteristics of PS depending on the social distance separating the politician and the audience. The author considers the relevance of the results obtained in these studies for examining and describing 1) PS as a result of synergetic interaction between oral and written forms of speech, and 2) prosody of the addressing as a strategic component of PS.

Keywords: political speech, prosody of the addressing, phonostylistic variation, speech breathing, tempo, pausing, social distance

For citation: Gladkikh, M. V. (2024). Variability of prosodic characteristics in political speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 89–96. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Политическая речь (далее ПР) – публичное выступление политического деятеля, которое опирается на письменный текст. Его информативный компонент, в свою очередь, создается спич-райтером на лексико-грамматическом уровне, тогда как задача политика – встроить свое политическое послание в интерактивную ситуацию, обеспечить эффективное взаимодействие с публикой. Таким образом, ПР осуществляется в результате сложного взаимодействия устной и письменной форм речи. С одной стороны, каждая из этих форм речи, по мнению исследователей, характеризуется собственными материальными условиями протекания и, следовательно, обладает собственной лингвокогнитивной нормативностью [Леонтьев, 1969; Гаспаров, 1979; Жинкин, 1982; Бубнова, 1998; Moscovici, Plon, 1966; Peytard, 1971; Gadet, 1996; Blanche-Benveniste, Bilger, 1999; Kerbrat-Orecchioni, 1999; Koch, Oesterreicher, 2001; Ferré, 2019], а с другой – их синергетическое взаимодействие призвано обеспечить коммуникативную успешность реализуемой ПР.

В данной статье мы рассмотрим один из представленных в современных экспериментально-фонетических исследованиях подходов к изучению ПР. В рамках данного подхода не рассматривается такой социолингвистический параметр ПР, как диамезия [Duez, 1999; Duez, 2003; Béchet et al., 2013; Frédéric et al., 2014; Hirsch et al., 2016]. Предметом исследования в этих работах является вариативность временной организации политической публичной речи (ритм речевого дыхания оратора, паузация). В данном контексте актуализируется релевантный для нашего исследования вопрос взаимодействия просодии с синтаксисом письменного текста ПР.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ В ПР

Устное монологическое высказывание, даже в случае его подготовленности, – сложный процесс, осуществление которого требует от говорящего симультанной реализации двух установок [Бубнова, 1998]:

- референтная установка направлена на передачу информации;
- интерактивная установка обеспечивает включение монологической речевой деятельности в ситуацию общения: экстравертные стратегии направлены на слушающего (-слушающих) и контакт с ним(и), а интровертные – на самого говорящего и реализуемую им речевую деятельность.

Обращенность рассматривается нами как одна из экстравертных коммуникативных стратегий, используемых говорящим для установления контакта со слушающими и поддержания их внимания, которое в силу естественных ограничений, накладываемых объемом рабочей памяти, постепенно ослабевает [Бубнова, Гладких, 2018].

Задача политического деятеля в процессе представления подготовленного письменного текста – включить свою речь в интерактивную ситуацию, обеспечить эффективное взаимодействие с актуальной аудиторией.

Для достижения своего рода взаимопонимания с аудиторией говорящий использует возможности, предоставляемые устным каналом общения как на вербальном уровне – средства фонетической выразительности, создающие изучаемую нами просодию обращенности, так и на невербальном – от позиции тела до жестов и выражения глаз.

Основоположник современной проксемики Э. Холл устанавливает связь между физической (взаиморасположение участников коммуникации в пространстве), социальной (характер взаимоотношений и роли участников) дистанциями и фонетическими характеристиками (артикуляция, высота голоса) речи говорящего [Hall, 1966]. Холл разделяет межличностную дистанцию на четыре зоны: интимную, личную, социальную и публичную. Как правило, все формы устной политической коммуникации реализуются в публичной зоне: физическая дистанция, разделяющая говорящего и слушающего (слушающих), превышает несколько метров, а отношения между участниками коммуникации являются вертикальными.

Упомянутое выше многоканальное взаимодействие в ПР исследуется [Duez, 1999; Duez, 2003; Béchet et al., 2013; Frédéric et al., 2014; Hirsch et al., 2016] в терминах уменьшения / увеличения социальной дистанции между говорящим и аудиторией. Цель данной статьи – проанализировать представленный в указанных работах подход к изучению ПР и рассмотреть вопрос релевантности полученных в этих исследованиях результатов для изучения и описания 1) ПР как результата синергетического взаимодействия устной и письменной форм речи, 2) просодии обращенности как стратегического компонента ПР.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В последние десятилетия Д. Дюзз, М. Беше, А. Фредерик, Ф. Ирш и их соавторы проводят серию экспериментально-фонетических исследований,

посвященных изучению вариативности временной организации политической публичной речи [Duez, 1999; Duez, 2003; Béchet et al., 2013; Frédéric et al., 2014; Hirsch et al., 2016]. Исследования проводятся на материале трех видов / жанров устной политической коммуникации – интервью, дебатов и монологической ПР.

Изучая как интер-, так интрадикторскую вариативность временных характеристик, Дюэз, Беше, Фредерик приходят к выводу о влиянии социальной дистанции на временную организацию ПР. Экстралингвистические параметры (статус говорящего и его собеседника(ов), степень официальности ситуации общения), по мнению авторов, определяют цели говорящего, и, следовательно, его речевые стратегии.

Так, в ситуации монологической ПР, по мнению Дюэз, формирующим параметром является статус говорящего, т. е. положение политического деятеля в иерархии власти (*фр. position au pouvoir*): кандидат на пост президента / президент / представитель оппозиции [Duez, 1999]. В политических дебатах таким параметром, согласно выводам Беше, Фредерика и их соавторов, становится статус оппонента (однопартиец говорящего / представитель другой партии / действующий президент) и самих дебатов (праймериз / президентские дебаты) [Béchet et al., 2013; Frédéric et al., 2014]. В случае политического интервью – степень официальности / формальности интервью (официальное / неформальное интервью) [Duez, 2003].

Кратко обобщим характеристики материала рассматриваемых исследований:

Монологическая политическая речь (предвыборная речь)

[Duez, 1999, 2003; Frédéric et al., 2014; Hirsch et al., 2016]

- Аудитория: публика в зале, телезрители
- Официальная обстановка
- Ограничение во времени (регламент выступления)
- Выступление не прерывается аудиторией
- Озвучивание письменного текста (в терминологии авторов – написанная речь, *фр. discours préalablement écrit*) [Frédéric et al., 2014]
- Наличие письменной опоры
- Цель говорящего – информировать о специфике его политической программы, убедить аудиторию голосовать за оратора.

Политические дебаты

[Duez, 1999; Béchet et al., 2013; Frédéric et al., 2014; Hirsch et al., 2016]

- Аудитория: оппонент(ы), журналист(ы), телезрители

- Официальная обстановка
- Ограничение во времени (регламент дебатов)
- Говорящему предоставляется слово, выступление прерывается вопросами журналистов и комментариями оппонентов
- Комбинированный способ порождения. Выступление подготовлено заранее, но контакт с аудиторией заставляет говорящего импровизировать, отвечая на вопросы и замечания оппонентов [Béchet et al., 2013]. По мнению Дюэз, говорящий «спонтанно высказывается» по обсуждаемым в рамках дебатов вопросам [Duez, 1999, 92].
- Письменная опора отсутствует
- Цель говорящего – информировать о специфике его политической программы, эффективно используя отведенное регламентом время.

Политическое интервью

[Duez, 2003]

- Аудитория: журналист, телезрители
- Личное взаимодействие в формальной обстановке
- Ограничение во времени (регламент передачи)
- Журналист реагирует на сказанное, комментирует, прерывает говорящего, просит уточнений
- Письменная опора отсутствует
- Цель говорящего – информировать о специфике его политической программы, вызвать симпатию аудитории (*фр. séduire*), аргументированно высказаться по поводу актуальных событий, убедить.

Процедуры анализа, проведенного авторами, схожи и включают несколько этапов:

1. Орфографическая транскрипция звучащих текстов.
2. Сегментация звучащих текстов. Как известно, методики, применяемые для сегментации, варьируют в зависимости от цели и материала исследования. Изучая временную организацию политической публичной речи, авторы сегментируют текст на фонетические отрезки (*séquences sonores* в терминологии Беше, Фредерика и Ирша; *suite sonore* – Дюэз). Основанием для сегментации в исследованиях Беше, Фредерика и Ирша служит пауза длительностью 200 и более мсек, а Дюэз при сегментации учитывает данные осциллограммы, кривой интенсивности и ЧОТ.

3. Акустический анализ. Анализу подвергаются временные характеристики речи:
 - общая длительность пауз (сек)
 - общая длительность фонации¹ (сек)
 - соотношение паузация / фонация²
 - скорость речи³ (слог/сек)
 - скорость артикуляции⁴ (слог/сек)
 - количество незаполненных пауз и их средняя длительность (мсек)
 - количество фонационных отрезков (далее ФО) и их средняя длительность (мсек, слог);
4. Анализ дистрибуции реализованных говорящим пауз. Беше, Ирш и Фредерик классифицируют паузы на три типа (примеры ниже заимствованы из работы [Hirsch et al., 2016, с. 150], в квадратных скобках авторы маркируют длительность паузы в мсек и тип паузы):
 - демаркативные паузы (*фр. pauses de démarcation*), реализующиеся на границе синтаксических групп:
 nous nous dirons les choses [559 D] sans qu'il y ait euh [389 H] quelque chose à cacher à dissimuler;
 - паузы фокализации (*фр. pauses de focalisation*), реализующиеся внутри синтаксической группы с целью выделения слова или словосочетания:
 je n'suis pas non plus [246 F] une gauche molle;
 - паузы хезитации (*фр. pauses d'hésitation*), реализующиеся после хезитационной фонации.

ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Резюмируем результаты рассматриваемых исследований. Исследуя вариативность временных характеристик в монологической ПР, Дюэз делает вывод о влиянии статуса говорящего

¹Длительность звучащего текста без учета пауз, в сек или в слогах

²Процентное соотношение общей длительности пауз и общей длительности фонации. В отечественных экспериментально-фонетических исследованиях, как правило, для описания этого соотношения используется другой показатель – коэффициент паузации, равный отношению общей длительности звучащего текста к его длительности без пауз [Блохина, Потапова, 1977].

³Отношение общей длительности звучащего текста в слогах к его длительности, слог / сек

⁴Отношение общей длительности звучащего текста в слогах к общей длительности фонации, слог/сек.

(положение политического деятеля в иерархии власти) на временную организацию речи. В таблице 1 представлены данные, полученные Дюэз при изучении интердикторской вариативности (сравнение предвыборных речей четырех дикторов: А. Кривина, Ф. Миттерана, Ж. Помпиду, Ж.-Ж. Серван-Шрейбера).

Таблица 1

ИНТЕРДИКТОРСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
[Duez, 1999, с. 95]⁵

	Кривин	Миттеран	Помпиду	Серван-Шрейбер
Паузация / фонация, %	24,3 75,7	29,1 70,9	53 47	39,8 60,2
Скорость артикуляции, слог / сек	5,5	5,4	4,5	5
Средняя длительность паузы, мсек	522	605	1280	787
Средняя длительность ФО, мсек	1590	1453	1120	1180

Соотнесение данных акустического анализа и статуса дикторов подтверждает существование двух групп: Кривин и Миттеран (оппозиция) / Помпиду и Серван-Шрейбер (правящее большинство).

В первой группе доля паузации существенно ниже, чем у дикторов из второй группы, скорость артикуляции – выше, паузы – менее длительны и частотны. Наблюдаемые в двух группах различия Дюэз связывает со статусом и, следовательно, с разными целями говорящих: для Кривина и Миттерана как представителей оппозиции основной целью является максимально эффективное использование времени, что выражается в коротких, менее частых, чем у дикторов второй группы, паузах и ускоренном темпе речи. Риторическую функцию в речи представителей оппозиции, на ее взгляд, выполняют, прежде всего, эмфатические ударения.

Также Дюэз отмечает, что наиболее высокая доля паузации, самая низкая скорость артикуляции, самая большая длительность паузы и самое

⁵Авторы исследований приводят экспериментальные данные в тексте работ, мы их представляем в виде таблиц для наглядности.

низкое значение длительности ФО зафиксированы в речи Ж. Помпиду, занимавшего на тот момент пост президента.

Для подтверждения вывода о влиянии социальной дистанции на временную организацию политической речи Дюэз проводит анализ интрадикторской вариативности, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2

ИНТРАДИКТОРСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ Ф. МИТТЕРАНА
[Duez, 1999, с. 96]

	1974 год (оппозиция)	1984 год (президент)	1988 год (президент- кандидат)
Паузация / фонация, %	29,1	39	33,5
Скорость артикуляции, слог / сек	5,3	4,7	4,7
Средняя длительность паузы, мсек	605	972	792

Данные акустического анализа трех речей Ф. Миттерана в разные периоды его карьеры (1974 год – кандидат в президенты, 1984 год – президент Республики, 1988 год – «уходящий» президент, баллотирующийся на второй срок) свидетельствуют о следующей закономерности: чем выше статус говорящего, тем больше доля паузации, выше средняя длительность пауз и ниже скорость артикуляции. Установленную корреляцию подтверждают результаты анализа речи, в которой политик является одновременно действующим президентом и кандидатом (1988): «промежуточному» статусу говорящего соответствуют большие, чем в 1974 году, и меньшие, чем в 1984 году, значения временных характеристик.

Выявленную корреляцию Дюэз образно резюмирует / представляет в формуле «Le silence du pouvoir» («молчание власти»): чем выше статус говорящего в ПР, тем больше доля паузации, меньше скорость артикуляции и больше продолжительность пауз.

Близкую интерпретацию получают результаты экспериментов, проведенные на материале политического интервью: при сопоставлении результатов акустического анализа официального и неформального интервью в первом установлен более низкий темп речи, большая доля паузации и продолжительность пауз [Duez, 2003].

К сходному выводу приходит также и Беше с соавторами в результате анализа временных

характеристик речи Ф. Олланда в ситуации дебатов социалистов (против М. Обри, представительницы партии Ф. Олланда) / кандидатов на пост президента (против Н. Саркози, президента на момент дебатов). В ситуации президентских дебатов темп речи говорящего ниже, чем во время праймериз, а паузы – дольше [Béchet et al., 2013].

В серии исследований, опирающихся на выводы Дюэз, следует выделить работу Ирша и его соавторов. Вслед за Дюэз ученые проводят свое исследование монологической ПР на современном материале, анализируя три выступления Ф. Олланда в разные моменты его политической карьеры. Однако в исследовании Ирша [Hirsch et al., 2016], в отличие от работ Дюэз, в корпус включается несколько выступлений говорящего в одном и том же статусе (президента). Данные акустического анализа представлены в Таблице 3.

Таблица 3

ИНТРАДИКТОРСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
Ф. ОЛЛАНДА [Hirsch et al., 2016, с. 153–154]

	Предвы- борная речь (оппозиция)	Инаугура- ционная речь	Выступление на саммите Франкофонии (президент)
Паузация / фонация, %	42 58	43 57	36 64
Скорость артикуляции, слог / сек	6,29	6,14	6,22
Средняя длительность паузы, мсек	917	975	786

Результаты акустического анализа предвыборной и инаугурационной речи свидетельствуют об отсутствии существенной разницы во временной организации выступлений Олланда в статусе президента / представителя оппозиции.

Наименьшая доля паузации и наиболее низкое значение средней длительности пауз установлены в выступлении Ф. Олланда на саммите Франкофонии в Киншасе. Так, исследователи формулируют вывод о том, что временная организация речи в большей степени зависит от темы и цели выступления, нежели от статуса говорящего: в рамках выступления на саммите президент в категоричной манере (*фр. offensif*) призывает к соблюдению прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно результатам представленных исследований, временная организация ПР может

рассматриваться как просодический маркер социальной дистанции, которая устанавливается в процессе взаимодействия политического деятеля со слушающей аудиторией. Дюзз, Беше, Фредерик и их соавторы отмечают наличие корреляции значений временных характеристик с 1) социальным статусом говорящего, 2) социальным статусом собеседника, 3) степенью формальности ситуации общения. Однако, результаты исследования Ирша и его соавторов свидетельствуют, что корреляция не является жесткой, и вариативность временных характеристик в ПР может быть обусловлена выбором темы выступления.

Анализ дистрибуции реализованных говорящими пауз, проведенный [Frédéric et al., 2014, Hirsch et al., 2016], затрагивает релевантный для нашего исследования вопрос взаимодействия просодии с синтаксисом письменного текста ПР. Сравнение данных, полученных при анализе речи Ф. Олланда в ситуациях монологической ПР и политических дебатов, позволяет исследователям сделать несколько наблюдений: 1) в обеих указанных ситуациях количество демаркационных (синтаксически детерминированных) пауз практически не различаются (73 % от общего количества реализованных пауз в монологической ПР, 68 % в дебатах), 2) в ситуации монологической ПР, по сравнению с ситуацией политических дебатов, зафиксировано большее количество пауз фокализации (24 и 14 % соответственно) и практическое отсутствие пауз хезитации (3 и 16 % соответственно).

Приведенные данные иллюстрируют использование просодии в ПР как вторичного, практически полностью подчиненного письменному синтаксису средства. Однако уже в дебатах эта детерминированность ослабевает: устная форма накладывает свой отпечаток на реализуемую устную манифестацию.

Наблюдение за современными формами публичной коммуникации позволяет отметить, что

традиционная престижность письменной речи по сравнению с устной постепенно снижается.

Указанная тенденция, безусловно, связана с развитием средств процессуального обмена информацией, вследствие чего материальные условия письменного речепорождения сближаются с нормативностью, наблюдаемой при устном порождении речи. В результате создаваемые письменные тексты характеризуются упрощенным, по сравнению с традиционным, синтаксисом, дробностью и парцеллированностью, присущими устно порождаемой речи. Отмеченный тренд характерен и для публичных форм письменной коммуникации: журналисты, например, сегодня часто «пишут, как говорят».

Отмеченная престижность «устности» отражается и в таких, традиционно ассоциируемых с озвучиванием письменного текста, формах устной коммуникации, как научная, журналистская и политическая публичная речь. По нашим наблюдениям, в ходе выступлений говорящие, имея перед собой письменную опору, стремятся создать впечатление устного говорения, а не чтения вслух подготовленного текста.

В этой связи особый интерес для нашего исследования представляет реализация указанной тенденции в условиях монологической ПР. Логично предположить, что политические деятели, профессионально владеющие устными формами коммуникации, также понимают и учитывают современные тренды и ожидания аудитории. Следовательно, в ситуации монологической ПР у политических деятелей может быть две основных стратегии озвучивания: 1) прочесть письменный текст вслух в соответствии с его синтаксической структурой; 2) озвучить письменный текст, создав средствами просодии дополнительный эффект «устности». Изучение этого нового способа взаимодействия «устный – письменный» позволит уточнить лингвокогнитивную специфику этого процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
2. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Ученые записки Тартуского государственного университета. Лингвистическая семантика и семиотика II. Семиотика устной речи. 1979. Вып. 481. С. 25–47.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
4. Бубнова Г. И. Основные интонационные контуры: акустическая форма и функции, выполняемые в устнопорождаемой речи (на материале французского языка) // Экспериментальные исследования звучащей речи: сб. научных трудов. 1998. С. 3–28.
5. Moscovici S., Plon M. Les situations-colloques: observations théoriques et expérimentales // Bulletin de psychologie. Aspects du langage. 1966. Vol. 19. № 247. P. 702–722.
6. Peytard J. Pour une typologie des messages oraux // La grammaire du français parlé. 1971. P. 161–176.

7. Gadet F. Une distinction bien fragile: écrit/oral // Travaux neuchâtelois De Linguistique. 1996. P. 13–27. <https://doi.org/10.26034/tranel.1996.2602>.
8. Blanche-Benveniste C., Bilger M. Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions // Revue française de linguistique appliquée. 1999. Vol. IV. № 2. P. 21–30.
9. Kerbrat-Orecchioni C. L'oral dans l'interaction: une liberté surveillée // Revue française de linguistiques appliquée. 1999. Vol. IV, № 2. P. 41–55.
10. Koch P., Oesterreicher W. Langage parlé et langage écrit. Tübingen: Max Niemeyer, 2001.
11. Ferré G. Analyse de Discours Multimodale. Grenoble: UGA, 2019.
12. Duez D. La fonction symbolique des pauses dans la parole de l'homme politique // Faits de langues. Oral-Ecrit: Formes et théories. 1999. № 13. P. 91–97. URL: https://www.persee.fr/doc/flang_1244-5460_1999_num_7_13_1242.
13. Duez D. Le pouvoir du silence et le silence du pouvoir: comment interpréter le discours politique // MediaMorphoses. 2003. № 8. P. 77–82.
14. Béchet M., Sandré M., Hirsch F., Richard A., Marsac F. et al. De l'utilisation de la pause silencieuse dans le débat politique télévisé. Le cas de François Hollande // Mots. Les langages du politique. 2013. Vol. 103. P. 23–38. URL: <https://journals.openedition.org/mots/21460>.
15. Frédéric A., Hirsch F., Béchet M., Defradas M., Didirková I., Maturafi L., Elodie B. La pause: un paramètre variable dans le discours politique // SHS Web of Conferences. 2014. Vol. 8. P. 1217–1226. doi.org/10.1051/shsconf/20140801354.
16. Hirsch F., Marsac F., Didirková I., Béchet M. et al. Spécificités du rythme de la parole politique. Le cas de François Hollande // Romanica Wratislaviensia. 2016. № 63. P. 145–155. URL: <https://shs.hal.science/halshs-02289512>.
17. Бубнова Г. И., Гладких М. В. Просодия обращенности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 46–57.
18. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969.
19. Блохина Л. П., Потапова Р. К. Методика анализа просодических характеристик речи. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Топорова, 1977.

REFERENCES

1. Leont'ev, A. A. (1969). Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' = Language, Speech, Speech Activity. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
2. Gasparov, B. M. (1979). Oral speech as a semiotic object. Scientific Notes of Tartu State University. Linguistic semantics and semiotics II. Semiotics of oral speech. 481, 25–47. (In Russ.)
3. Zhinkin, N. I. (1982). Rech' kak provodnik informatsii = Speech as a conductor of information. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Bubnova, G. I. (1998). Osnovnye intonatsionnye kontury: akusticheskaya forma i funktsii, vpolnyaemye v ustnorozhdaemoi rechi (na materiale frantsuzskogo yazyka) = Basic intonation contours: acoustic form and functions realised in oral speech production (on the basis of the French language) (pp. 3–28): coll. of scientific papers "Experimental studies of oral speech production". (In Russ.)
5. Moscovici, S., Plon, M. (1966). Les situations-colloques: observations théoriques et expérimentales. Bulletin de psychologie. Aspects du langage, 19 (247), 702–722.
6. Peytard, J. (1971). Pour une typologie des messages oraux. La grammaire du français parlé (pp. 161–176).
7. Gadet, F. (1996) Une distinction bien fragile: écrit/oral. Travaux neuchâtelois De Linguistique, 13–27. <https://doi.org/10.26034/tranel.1996.2602>.
8. Blanche-Benveniste, C., Bilger, M. (1999). Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions. Revue française de linguistique appliquée, IV(2), 21–30.
9. Kerbrat-Orecchioni, C. (1999). L'oral dans l'interaction: une liberté surveillée. Revue française de linguistiques appliquée, IV(2), 41–55.
10. Koch, P., Oesterreicher, W. (2001) Langage parlé et langage écrit. Tübingen: Max Niemeyer.
11. Ferré, G. (2019). Analyse de Discours Multimodale. Grenoble: UGA.
12. Duez, D. (1999). La fonction symbolique des pauses dans la parole de l'homme politique. Faits de langues. Oral-Ecrit: Formes et théories, 13, 91–97. https://www.persee.fr/doc/flang_1244-5460_1999_num_7_13_1242.
13. Duez, D. (2003). Le pouvoir du silence et le silence du pouvoir: comment interpréter le discours politique. MediaMorphoses, 8, 77–82.
14. Béchet, M., Sandré, M., Hirsch, F., Richard, A., Marsac, F. et al. (2013). De l'utilisation de la pause silencieuse dans le débat politique télévisé. Le cas de François Hollande. Mots. Les langages du politique, 103, 23–38. <https://journals.openedition.org/mots/21460>

15. Frédéric, A., Hirsch, F., Béchet, M., Defradas, M., Didirková, I., Maturafi, L., Elodie, B. (2014). La pause: un paramètre variable dans le discours politique: SHS Web of Conferences, 8, 1217–1226. doi.org/10.1051/shsconf/20140801354.
16. Hirsch, F., Marsac, F., Didirková, I., Béchet, M. et al. (2016). Spécificités du rythme de la parole politique. Le cas de François Hollande. *Romanica Wratislaviensia*, 63, 145–155. <https://shs.hal.science/halshs-02289512>.
17. Bubnova, G. I., Gladkikh, M. V. (2018). Prosody of the addressing. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 46–57. (In Russ.)
18. Hall, E. T. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor.
19. Blohina, L. P., Potapova, R. K. (1977). Metodika analiza prosodicheskikh harakteristik rechi = Method of analysis of prosodic characteristics of speech. Moscow: MGPIIYa. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладких Марина Викторовна

преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gladkikh Marina Viktorovna

Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2024
22.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Латинские и итальянские превербы с точки зрения интрагенетической типологии

Скалия Давиде

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
davide.scalia@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу превербов в латинском и итальянском языках. В работе рассматривается понятие преверба, проводится критический обзор предыдущих исследований о превербах, об их особенностях и роли в латинском и итальянском языках. Проводится сопоставительный анализ латинских и итальянских превербов с учетом их семантических, синтаксических и морфологических особенностей. В частности, рассматриваются их эволюция на протяжении времени. Результаты анализа могут быть полезны для лингвистов, исследующих структуру и развитие языков.

Ключевые слова: диахроническая типология, итальянский язык, латинский язык, превербы, глагольные приставки, фразовые глаголы

Для цитирования: Скалия Д. Превербы: Латинские и итальянские превербы с точки зрения интрагенетической типологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 97–104.

Original Article

Latin and Italian Preverbs from the Point of View of Intragenetic Typology

Davide Scalia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
davide.scalia@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of preverbs in Latin and Italian languages. The study examines the concept of preverbs, provides a critical review of previous research on preverbs, their characteristics, and their role in Latin and Italian languages. A comparative analysis of Latin and Italian preverbs is conducted taking into account their semantic, syntactic, and morphological features. In particular, their evolution over time is considered. The results of the analysis may be useful for linguists studying the structure and development of languages.

Keywords: typological linguistics, Italian language, Latin, preverbs, verb-particle constructions, verb prefixes.

For citations: Scalia, Davide (2024). Latin and Italian preverbs from the point of view of intragenetic typology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 97–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи – сопоставить глаголы с превербами в латыни и в итальянском языке сквозь «призму» интрагенетической типологии. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: представить критический обзор существующих исследований о превербах в латинском и итальянском языках как со сравнительно-исторической, так и с типологической точки зрения; изучить материал современного итальянского языка в аспекте типологии лексикализации движения.

Эмпирический материал нашего исследования был взят из различных корпусов итальянского языка: PAISA¹, CORIS², TLIO³ и BIBLIOTECA ITALIANA⁴.

Прежде, чем приступить к осуществлению поставленных задач, необходимо обратиться к определению преверба.

Вопрос об определении изучаемого объекта в типологическом исследовании всегда является насущным и не всегда простым. Это относится к превербам не менее, чем к любым другим языковым явлениям. Растущий интерес к объекту исследования часто приводит к появлению множественных определений этого объекта, что затрудняет для ученых достижение консенсуса в определении одного и того же языкового явления. Этот феномен можно описать, используя цитату немецкого лингвиста М. Хаспельмата, приведенную в работе Аркадьева. Как утверждает М. Хаспельмат, в рамках одного языка превербы можно, скажем, задать списком или определить на каких-либо внутриязыковых основаниях, однако в типологических исследованиях возникает проблема соизмеримости критериев выделения «одноимённых» явлений в разных языках и, тем самым, их сопоставимости [Haspelmath, 2010; прив. по: Аркадьев, 2015, с. 13].

В последние годы наблюдается рост интереса и внимания лингвистов к превербам: в разных исследованиях последних лет превербы рассматриваются с самых разных точек зрения – морфосинтаксической и, в первую очередь, семантической (в широком смысле – относя сюда как грамматическую, так и лексическую семантику) [Аркадьев, 2015, с. 13]. Тем не менее до сих пор отсутствует единое определение преверба; лингвисты предлагают различные интерпретации этого термина ориентируясь на контекст и предмет своих исследований, а также на эмпирические данные, полученные в ходе своих научных изысканий. Изучение этого понятия предполагает анализ разнообразных

теоретических подходов, методологических рамок и эмпирических исследований, что подчеркивает сложность его определения и понимания в рамках современной лингвистики. В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть два разных определения понятия преверба.

Г. Боей и А. ван Кеменаде в своей работе предлагают следующее определение превербов: превербы – это «морфемы, которые появляются перед глаголом и образуют тесную семантическую единицу с этим глаголом» [Booij, van Kemenade, 2004, с. 1]. Это определение устанавливает явную связь между морфологической природой превербов и их семантическими свойствами по отношению к глаголу, к которому они относятся. Г. Лазар, однако, в своих трудах, определяет превербы несколько иначе. Он утверждает, что превербы это морфемы, удовлетворяющие нижеследующим двум условиям – формальному и семантическому [Lazard, 1995, с. 23; Аркадьев, 2015, с. 17]:

- а) превербы, в большинстве случаев, располагаются перед глагольным корнем, т. е. занимают префиксальную позицию,
- б) присоединяясь к глаголам, которые обозначают перемещение или движение, превербы дополняют их, добавляя дополнительные аспекты пространственного расположения их актантов.

В этом контексте необходимо отметить, что оговорка «в большинстве случаев» в условии (а) играет ключевую роль, чтобы учесть языки, в которых превербы появляются не перед глаголом, а после него, даже иногда не имея прямого контакта с самым глаголом. Немецкий, венгерский [Аркадьев, 2015, с. 17] и итальянский (это будет подтверждено с помощью несколько примеров позже в данной статье) – это языки, которые демонстрируют данную особенность. К тому же второе условие предполагает, что превербы способны сочетаться с глаголами движения, что, однако, не исключает возможность их взаимодействия с глаголами других лексических групп. Превербы могут использоваться также в контекстах, не связанных с пространством.

Однако в данной статье мы хотели бы уточнить некоторые нюансы использования превербов. Во-первых, мы согласны с Г. Лазаром и П. М. Аркадьевым в том, что предложенное Г. Боей и А. ван Кеменаде определение слишком строгое: как уже упоминалось, есть много языков, в которых превербы не являются морфемой в проклитической позиции. Во-вторых, вопреки утверждениям Г. Лазара не во всех языках превербы являются морфемами. При рассмотрении данного феномена в рамках модели линейно-синтагматического континуума [Плунгян, 2003, с. 32–35] становится очевидным, что

¹URL: <https://www.corpusitaliano.it>

²URL: https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html

³URL: <http://tlio.oiv.cnr.it/TLIO/>

⁴URL: <http://www.bibliotecaitaliana.it/catalogo>

в некоторых языках превербы являются морфемами, находящимися в проклитической позиции, образуя единую словоформу с глаголом; в других языках, таких как итальянский, превербы являются клитиками, поскольку они не связаны непосредственно с глаголом (они могут быть проклитиками или энклитиками); наконец, в некоторых языках, таких как венгерский, превербы можно определить как слабо-автономные словоформы, поскольку они могут занимать разные позиции в предложении, не обязательно рядом с глаголом.

Изучение превербов предполагает включение в рассмотрение нескольких областей лингвистики, каждая из которых оперирует с различными теоретическими концепциями и предоставляет свои собственные определения данного феномена. Большое количество исследований по данной тематике сформировало обширный корпус литературы, который не может быть полностью охвачен в рамках данной работы. В связи с этим представляется целесообразным кратко описать некоторые из основных подходов к анализу вышеозначенного феномена, включая сравнительно-исторические исследования и типологические анализы.

ПРЕВЕРБЫ В ТРУДАХ ИНДООЕВРОПЕИСТОВ И РОМАНИСТОВ

В настоящем разделе будут проанализированы труды в областях индоевропеистики и романистики. В данных работах превербы часто рассматриваются вместе с предлогами / послелогами из-за их формального сходства и общего исторического развития. Некоторые ученые признают происхождение префиксов и предлогов из старых индоевропейских свободных наречий [Benveniste, 1949; Lehmann, 1983]. В работе [Cuzzolin, 2006] речь идет о том, что указанные свободные элементы впоследствии претерпели процесс превращения в связанные морфемы, ставшие неотъемлемыми от глаголов. Обсуждается процесс грамматикализации предлогов в префиксы, а также эволюция порядка слов, системы падежей и предлогов в древних индоевропейских языках

В индоевропеистике существует гипотеза, в рамках которой превербы объединены с предлогами/послелогами. Условием их единства является их общее происхождение из класса неразличимых протоиндоевропейских наречий (так называемая категория ADV/ADP/PREV [McGillivray, 2009, с. 122]). Данная гипотеза восходит к Ф. де Соссюру. На нее ссылались А. Мейе и Ж. Вандриес [Meillet, Vendryes, 1963]». Согласно этой гипотезе, такие исходные наречия характеризовались довольно свободным

положением в предложении и, кроме того, у них были разнообразные синтаксические функции.

Первая стадия эволюции превербов и предлогов / послелогов из сильно автономных словоформ обнаружена в латинском языке. В своей работе П. Куццолин [Cuzzolin, 1995, с. 130] подтверждает это. Однако, доказательства этой эволюции представлены лишь несколькими архаичными текстами. В качестве примера рассмотрим следующий отрывок из грамматика Феста, цитируемый в работе П. Куццолина:

- (1) (lat.) *Sub vos placo, in precibus fere cum dicitur, significat id, quod supplico, ut in legibus: transque dato et endoque plorato.* – Когда мы говорим, главным образом в молитвах, ‘*sub vos placo*’, это означает то же самое, что и ‘*supplico*’, подобно ‘*transque dato*’ и ‘*endoque plorato*’ в законах.

В примере (1) П. Куццолин цитирует грамматику Феста. Фест, говоря о языке ранних молитв, устанавливает семантическое соответствие между классической формой *supplico* (умоляю) и ее апо-стериорным разложением на составляющие *sub* (под) и *placo* (примирять); при этом энклитическое местоимение вставляется на второе место [Cuzzolin, 1995, с. 130].

В исследовании Ж.-П. Браше находим еще один пример первой фазы развития превербов и предлогов / послелогов из сильно автономных словоформ: Ж.-П. Браше утверждает, что у Плавта и Теренция *intro* встречается как проклитика (2) и как свободный наречный элемент (3):

- (2) (lat.) *audisti ex aliquo fortasse qui vidisse eum diceret exeuntem aut intro euntem ad amicam (Terenzio).* – Ты слышал от кого-то, что возможно он видел его выходящим или входящим в дом подруги.

- (3) (lat.) *Sequere hac, Philocrates, me intro (Plauto).* – Следуй за мной, Филократ, внутрь.

Несмотря на ограниченное количество подобных примеров, в ранней латыни наблюдается определенная ясность разграничения между предлогами, с одной стороны, и превербами в форме проклитик – с другой.

Ученые предположили, что, по мере того как порядок слов становился более фиксированным, исходные наречные элементы могли либо морфологически сливаться с последующими глагольными формами, развиваясь таким образом в превербы, либо синтаксически управлять падежом предшествующих существительных, таким образом становясь послелогами [Cuzzolin, 1995; Oniga, 2005].

Как пишет Р. Онига, это двойное развитие представляет собой два варианта одной и той же исходной структуры N+ADV+V, в которой 'ADV' обозначает наречный элемент, 'N' – существительное, а 'V' – глагол: анализ N+[ADV+V] объяснил бы появление превербов (4), в то время как [N+ADV]+V объяснил бы происхождение послелогов (5) [Oniga 2005, с. 223].

(4) (lat.)

flumen	ad-eo
река: ACC.N.SG	к-идти: IND.PRS.1SG
Иду к реке.	

(5) (lat.)

flumen	ad	eo
река: ACC.N.SG	к	идти: IND.PRS.1SG
Иду к реке.		

В связи с предполагаемым типологическим сдвигом от порядка слов объект-глагола (OV) к порядку слов глагол-объект (VO), утверждается, что некоторые послелого (например, *flumen ad*) позднее превратились в предлоги (например, *ad flumen*) [Oniga, 2005, с. 223].

Другие исследователи полагают, что эволюция латинских превербов, предлогов и послелогов связана с грамматикализацией [McGillivray, 2009, с. 124].

временные,	Неразличимые	→	Превербы
пространственные	наречия		
частицы	ADV/ADP/PREV	→	предлоги / послелогов

Что касается латинских префиксов, в работе П. Куццолина предполагается их происхождение из исходных индоевропейских наречных элементов с пространственным или временным значением [Cuzzolin, 1995, с. 130]. Объяснение происхождения превербов и предлогов / послелогов из этих наречных элементов путем грамматикализации поместило бы эти элементы в начало цепочки грамматикализации. Из класса неразличимых наречных элементов в праиндоевропейском языке цепочка продолжится, показывая различное развитие превербов и предлогов в сторону «еще более грамматических» элементов. С изложенной точки зрения, возможность того, что превербы могут управлять падежом аргумента глагола, можно рассматривать как аспект их грамматикализации, проявляющийся на синтаксическом уровне [McGillivray, 2009, с. 131].

Эволюция латинских превербов представляет соответствующей случаю универбации¹, вклю-

¹Это результат диахронического процесса, который приводит к слиянию – выраженному также в написании – двух исходно автономных слов [Serianini, 1989].

чающей слияние морфем и потерю семантической составляющей. Этот процесс привел к тому, что некоторые превербы приобрели «более грамматическую» роль, отличную от роли предлогов: они стали передавать грамматическое значение, такие как интенсивность, итеративность, аспектuality.

Фактически, некоторые латинские префиксы не приобрели аспектuality значения: развитие этих префиксов обнаруживает некоторые особенности лексикализации². Исследования по происхождению глагольных приставок в романских языках показывают, что латинские превербы прошли процесс лексикализации в пределах глагольной группы, в которую они входили. Данная тенденция, наблюдаемая в романских языках, связана с постепенной потерей прозрачности латинских префиксов внутри глагольной группы. Этот феномен не затрагивает все превербы одинаково и, как утверждается, более выражен для некоторых префиксов – например, *ad-* (к), *in-* (в, к) – и менее выражен для некоторых других – например, *de-* (от) [McGillivray, 2009, с. 126].

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Превербы встречаются во многих, но не во всех языках. Некоторые попытки описания общих свойств превербов в различных языках были предприняты Г. Боей и А. ван Кеменаде [Booij, van Kemenade, 2004]. Они приводят типологически сходные примеры превербов из некоторых индоевропейских, финно-угорских, грузинского и кавказского языков, в то время как А. Русо фиксируется на древних и современных европейских языках. Б. Хайне рассматривает превербы на материале африканских языков. Кроме того, были проведены и обобщающие типологические исследования, связанные с превербами; представляется, что ключевое значение имеют работы в области теории лексикализации движения в языках мира. Обратимся к типологии лексикализации движения Л. Талми: «Базовое событие перемещения состоит из одного объекта (Figure), который движется или находится относительно другого объекта (Ground). Оно анализируется как имеющее четыре компонента: помимо Figure и Ground, существуют Path и Motion. Path – это Маршрут, по которому следует или место, которое занимает объект Figure относительно объекта Ground. Компонент Motion относится к самому наличию движения или нахождения в событии. Помимо этих внутренних компонентов, событие перемещения может быть

²С диахронической точки зрения лексикализация – это процесс, который превращает грамматические форманты в лексемы.

связано с внешним Co-event, которое чаще всего находится в отношении Manner (способ) или Cause (причина) к нему»¹ [Talmy, 2000, с. 25].

Выделяются «модели лексикализации» (*lexicalization patterns*) – способы выражения компонентов ситуации движения. В соответствии с способом выражения маршрута (*Path*) языки делятся на две группы:

- языки «глагольного типа» (*verb-framed*), в которых компонент «маршрут» кодируется прежде всего в самом глагольном корне (тюркские, семитские, романские, банту, майя и др.) [Панов, 2011, с. 2];
- языки «сателлитного типа» (*satellite-framed*), в которых компонент «маршрут» кодируется в «сателлитах», а глагольный корень кодирует способ движения (*Manner*) (индоевропейские: германские, славянские и балтийские; неиндоевропейские: финно-угорские, картвельские и др.) [Панов, 2011, с. 2].

Проиллюстрируем данное различие итальянскими примерами:

(6) (*it.*)

il	ragazz-o	cor-se	fuori
ART	парень-M.SG	бегать-REMP.3SG	снаружи
Парень выбежал («сателлитного типа»)			

(7) (*it.*)

il	ragazz-o	uscì	di	corsa
ART	парень-M.SG	выйти-REMP.3SG	от	спешка
Парень вышел, спеша («глагольного типа»)				

Некоторые ученые указали на излишнюю строгость категоризации Л. Талми [Slobin, 2004; Wälchli, 2000]. На основании анализа эмпирического материала мы пришли к тому же выводу, который сделали Д. И. Словин и В. Вэлькли: классификация, предложенная Л. Талми, является чрезмерно строгой. Реально в языке может быть использовано более одной стратегии для передачи компонента маршрута (*Path*). Например, итальянский и английский языки допускают два различных подхода к кодированию компонента маршрута:

- Кодирование «сателлитного типа» (*satellite-framed*): это *verbi sintagmatici* (фразовые глаголы) в итальянском языке и *phrasal verbs* в английском языке. Примером для английского может служить глагол *go out* (выйти, выходить); примером для итальянского – *buttare via*, что означает «выбросить».
- Кодирование «глагольного типа» (*verb-framed*): примерами для английского могут

служить глаголы *descend* (спускаться) и *exit* (выйти, выходить); примерами для итальянского – *discendere* (спускаться) и *uscire* (выйти, выходить).

Итальянские *verbi sintagmatici* представляют собой интересный случай с типологической точки зрения. Как уже было сказано, романские языки являются примером языков «глагольного типа» (*verb-framed*), поскольку кодируют Маршрут (*Path*) и оставляют спецификацию Способа (*Manner*) и Причины (*Cause*) для дополнения. Однако, если мы учтем итальянские *verbi sintagmatici*, такие как те, приведенные в примерах (4) и (5), станет ясно, что вопреки типологии Л. Талми современный итальянский отличается от большинства романских языков. Действительно, первичная функция итальянских превербов, кажется, состоит в добавлении направленных значений к глагольному корню. Однако это не означает, что в итальянском отсутствуют примеры кодирования Маршрута (*Path*) по «романскому типу». Скорее, мы бы сказали, что способ кодирования Маршрута (*Path*) в глагольном корне не является единственным или привилегированным способом кодирования Маршрута (*Path*) в итальянском языке. Для более наглядного представления мы предлагаем в качестве примера итальянский глагол *andare* с некоторыми его различными формами Маршрута (*Path*).

русский	английский	итальянский	
verb-framed	satellite-framed	verb-framed	satellite-framed
обойти	<i>go round</i>	<i>girare</i>	<i>andare attorno</i>
идти вперёд	<i>go ahead</i>	<i>procedere</i>	<i>andare avanti</i>
продолжать	<i>go on</i>	<i>continuare</i>	<i>andare avanti</i>
пойти за	<i>go for</i>	<i>avventarsi</i>	<i>andare contro</i>
войти	<i>go in</i>	<i>entrare</i>	<i>andare dentro</i>
преследовать	<i>go after</i>	<i>seguire</i>	<i>andare dietro</i>
выйти	<i>go out</i>	<i>uscire</i>	<i>andare fuori</i>
спуститься	<i>go down</i>	<i>scendere</i>	<i>andare giù</i>
вернуться	<i>go back</i>	<i>(ri)tornare</i>	<i>andare indietro</i>
подняться	<i>go up</i>	<i>salire</i>	<i>andare su</i>
уйти	<i>go away</i>	<i>andarsene</i>	<i>andare via</i>

Необходимо отметить важную роль следующего процесса: при переходе от латыни к итальянскому некоторые латинские глаголы с превербами в итальянском языке стали морфологически неразложимыми или плохо разложимыми и приставки не вычленились:

uscire < ex+ire ‘выйти’

sommergere > sub+mergere ‘утопить’

¹Перевод наш. – С. Д.

ЛАТЫНЬ

	пер. на русский	глаголы с превербами
<i>inicere</i>	вбросить	<i>buttare dentro</i>
<i>eicere</i>	выбросить	<i>buttare fuori</i>
<i>subicere</i>	подбросить	<i>buttare sotto</i>
<i>deicere</i>	сбросить	<i>buttare giù</i>

Таким образом, итальянские глагольные конструкции с превербами представляют собой интересное явление. С одной стороны, они позволяют проследить в диахронии различные позиции в предложении, а также различные возможные реализации Маршрута (*Path*) как сателлита. С другой стороны, они не соответствуют типологической классификации Л. Талми: итальянский отличается от большинства романских языков.

Анализ приведенных выше примеров позволяет сделать вывод о том, что в итальянском языке в настоящий момент процесс слияния префиксов с глагольным корнем зашел дальше чем в остальных романских языках (в некоторых романских языках этот процесс только начался, в некоторых он не зафиксирован). В некоторых случаях итальянские превербы полностью слились с глаголом, и на синхронном уровне не выделяются, в то время как в других случаях преверб легко выделяется. Представляется также, что постепенно прекращается употребление унаследованных из латыни префиксов, выражающих направление движения, в пользу использования наречий, которые добавляют спецификации к тому пространственному значению уже включенному в корневое слово. Это предварительный вывод требует дополнительных уточнений и последующего развития. Оно может осуществляться, в том числе, методом синхронного анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы описали феномен преверба в латинском и итальянском языках. Мы установили, что в модели линейно-синтагматического континуума в некоторых языках превербы являются морфемами, в некоторых – клитиками, а также они могут быть слабо автономными словоформами.

Также нами было обнаружено, что, с точки зрения типологии лексикализации движения Л. Талми, итальянский отличается от большинства романских языков, поскольку в нем «маршрут» (*Path*) кодируется двумя разными способами (либо включается в корневой глагол, как в других романских языках, либо используется в качестве спутника). Это является показателем незавершенного процесса в итальянском языке: непродуктивность префиксации, выражающей направление движения, приводит к развитию глагольных конструкций «сателлитного типа», которые добавляют спецификации к пространственному значению, уже включенному в корневое слово.

Список используемых аббревиатур

1SG	первое единственное	lit.	буквально
3SG	третье единственное	N	существительное
ACC	аккузатив	M	мужской род
ADP	аппозиция	O	объект
ADV	наречие	PRS	настоящее время
AMP	увеличительный	PREV	преверб
ART	артикл	REMP	прошедшее (далекое)
букв.	буквально	rus.	русский
IND	индикатив	SG	единственное число
it.	итальянский язык	V	глагол
lat.	латынь		

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. 2010. V. 86. No. 3. P. 663–687.
2. Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. (*Studia Philologica*).
3. Booij G., Van Kemenade A. Preverbs // *Special Issue of Yearbook of Morphology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publisher, 2004. P. 1–11.
4. Lazard G. Préverbes et typologie // *Les préverbes dans les langues d'Europe. Introduction à l'étude de la préverbation* / Rousseau (Ed.) Lille: Presses Universitaire Septentrion, 1995. P. 23–31.
5. Плуныян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Benveniste E. Le système sublogique des prépositions en latin. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*. V. Recherches structurales. Copenhague: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1949. P. 177–184.
7. Lehmann C. Latin preverbs and cases // *New studies in Latin Linguistics: selected papers from the International Colloquium on Latin Linguistics Amsterdam/Philadelphia*: J. Benjamins, 1983. P. 144–165.

8. Cuzzolin, P., I. Putzu, P. Ramat The Indo-European Adverb in diachronic and typological perspective. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 1–38.
9. Meillet A., Vendryes J. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1963.
10. McGillivray B. A computational approach to Latin verbs: new resources and methods. Pisa: Università di Pisa, 2009. P. 119–164.
11. Cuzzolin P. A proposito di sub vos placo e della grammaticalizzazione delle adposizioni // *Archivio Glottologico Italiano*. 1995. № 80. P. 122–143.
12. Brachet J.-P. Préverbes en intro en cours de constitution chez Plaute et Térence. // *La composition et la préverbation en latin* / ed. par C. Moussy. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. P. 309–320.
13. Oniga R. Composition et préverbation en latin: problèmes de typologie // *La composition et la préverbation en latin* / ed. par C. Moussy. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. P. 211–227.
14. Serianni L. *Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Suoni, forme, costrutti*, Torino, UTET, 1989.
15. Rousseau A. *Les Préverbes dans les langues d'Europe: introduction à l'étude de la préverbation*. Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 1995.
16. Heine, B., Claudi U., F. Hünemeyer. *Grammaticalization. A conceptual framework*. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1991.
17. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Cambridge: MIT Press, 2000. Vol. II.
18. Панов В. А. К типологии и диахронии глаголов движения в латинском языке // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. 2011. Вып. 3. С. 1–18.
19. Slobin D. I. The many ways to search for a frog: linguistic typology and the expression of motion events // *Relating events in narrative* / S. Stromqvist and L. Verhoeven (Eds.). 2004. № 2. Typological and contextual perspective. P. 219–257.
20. Wälchli B. A typology of displacement (with special reference to Latvian) // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2000. Vol. 54 (3). P. 298–323.

REFERENCES

1. Haspelmath, M. (2010). Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*, 86(3), 663–687.
2. Arkad'ev P. M. (2015). Areal'naya tipologiya prefiksalnogo perfektiva (na materiale yazykov Yevropy i Kavkaza). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (Studia Philologica): "Areal typology of prefixal perfective aspect (based on the languages of Europe and the Caucasus)." (In Russ.).
3. Booij, G., Van Kemenade, A. (2004). Preverbs. Special Issue of Yearbook of Morphology (pp. 1–11). Dordrecht: Kluwer Academic Publisher.
4. Lazard, G. (1995). Préverbes et typologie/ In : Les préverbes dans les langues d'Europe. In Rousseau (ed.), *Introduction à l'étude de la préverbation* (pp. 23–31). Lille: Presses Universitaire Septentrion.
5. Plungyan, V. A. (2003) Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku = General Morphology: Introduction to the Problematics. Handbook. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
6. Benveniste, E. (1949). Le système sublogique des prépositions en latin. *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague V. Recherches structurales* (pp. 177–184). Copenhagen: Nordisk Sprog-og Kulturforlag.
7. Lehmann, C. (1983). Latin preverbs and cases. // *New studies in Latin Linguistics: selected papers from the International Colloquium on Latin Linguistics* (pp. 144–165). Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins.
8. Cuzzolin, P., Putzu, I., Ramat, P. (2006). The Indo-European Adverb in diachronic and typological perspective (pp. 1–38). Berlin: De Gruyter.
9. Meillet, A., Vendryes, J. (1963). *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
10. McGillivray, B. (2009). A computational approach to Latin verbs: new resources and methods (pp. 119–164). Pisa: Università di Pisa.
11. Cuzzolin, P. (1995). A proposito di sub vos placo e della grammaticalizzazione delle adposizioni. *Archivio Glottologico Italiano*, 80, 122–143.
12. Brachet, J.-P. (2005). Préverbes en intro en cours de constitution chez Plaute et Térence. In Moussy, C. (Ed.), *La composition et la préverbation en latin* (pp. 309–320). Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne.
13. Oniga, R. (2005). Composition et préverbation en latin: problèmes de typologie. In Moussy, C. (Ed.), *La composition et la préverbation en latin* (pp. 211–227). Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne.
14. Serianni, L. (1989). *Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Suoni, forme, costrutti, con la collaborazione di A. Castelvechi*. Torino: UTET.
15. Rousseau, A. (1995). *Les Préverbes dans les langues d'Europe: introduction à l'étude de la préverbation*. Lille: Presses Universitaires du Septentrion.

16. Heine, B., Claudi, U., F. Hünemeyer, F. (1991). Grammaticalization. A conceptual framework. Chicago–London: The University of Chicago Press.
17. Talmy, L. (2000). Toward a cognitive semantics (vol. II). Cambridge: MIT Press.
18. Panov, V.A. (2011) K tipologii i diakhronii glagolov dvizheniya v latinskom yazyke = On the typology and diachrony of verbs of movement in the Latin language. In Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov, 3 (Towards the Typology and Diachrony of Motion Verbs in the Latin Language), 1–18. (in Russ.)
19. Slobin, D. I. (2004). The many ways to search for a frog: linguistic typology and the expression of motion events. In Stromqvist, S., Verhoeven, L. (Eds.), Relating events in narrative (vol. 2, Typological and contextual perspective, pp. 219–257). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
20. Wälchli, B. (2000). A typology of displacement (with special reference to Latvian). Sprachtypologie und Universalienforschung, 54(3), 298–323.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скалия Давиде

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Scalia Davide

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics
Lecturer at the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	19.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	23.06.2024	
	24.06.2024	

Динамика концептуальных подходов к развитию вокализма (на материале монгольского языка)

Цэнд-Аюуш Ганбаатар

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gnasun11@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются исследования, посвященные анализу системы гласных современного монгольского языка с учетом артикуляционной и акустической фонетики. Особо значимым аспектом данной работы является рассмотрение динамики концептуальных подходов к развитию вокализма. Особое внимание уделяется тому, как изменялись и развивались теоретические и методологические подходы к изучению вокализма на протяжении последнего времени.

Ключевые слова: монгольский язык, халхаский диалект, гласные, классификация гласных, монгольский вокализм, динамика концептуальных подходов

Для цитирования: Ганбаатар Цэнд-Аюуш. Динамика концептуальных подходов к развитию вокализма (на материале монгольского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 105–110.

Original Article

Dynamics of Conceptual Approaches to the Development of Vocalism (based on the Mongolian language)

Tsend-Ayush Ganbaatar

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gnasun11@gmail.com

Abstract. The article discusses studies devoted to the analysis of the vowel system of the modern Mongolian language, taking into account articulatory and acoustic phonetics. An important aspect of this work is the consideration of the dynamics of conceptual approaches to the development of vocalism. Particular attention is paid to how theoretical and methodological approaches to the study of vocalism have changed and developed over recent times.

Keywords: Mongolian language, Khalkha dialect, vowels, classification of the vowels Mongolian vocalism, Dynamics of Conceptual Approaches

For citation: Ganbaatar Tsend-Ayush. (2024). Dynamics of Conceptual Approaches to The Development of Vocalism (based on the Mongolian language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890). 105–110. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В XIII веке исследователи древнемонгольского языка подробным образом описали фонетические особенности этого языка, опираясь на органы артикуляции. Языковед Сажа бандида Гунгаажалцан впервые дифференцировал гласные звуки монгольского языка на мужские и женские, учитывая состояние органов артикуляционного аппарата, которые могут быть как напряженными, так и ненапряженными [Булгантамир, 2016]. Данное положение до некоторой степени может соотноситься с дифференциацией языка по полу, проявляющееся в различных языках в разной степени и на разных языковых уровнях (см., например, о ситуации в японском языке [Алпатов, Крючкова, 1980]) (об этом более подробно в работе [Потапов, 1997]).

В соответствии с различиями в структуре вокализма, гласные звуки в монгольском языке подразделяются на одинарные (монофтонги) и двойные (дифтонги). Помимо этого, на фонологическом уровне гласные звуки обладают характеристикой долготы и могут проявляться как долгие или как краткие. Исследованиями системы гласных и согласных в халхаском диалекте современного монгольского языка занимались такие монгольские языковеды, как: Ш. Лувсанвандан (1967, 1999), Т. Пагва

(1959), Э. Вандуй (1961), С. Мөөмөө (1979), Ж. Санжаа, Ж. Надмид (2008), Ж. Цолоо (2008), Ц. Батдорж (2014), С. Булгантамир (2016), Д. Уртнасан (2022), а также и зарубежные ученые, например, Я. Шмидт (1831), Б. Я. Владимирцов (1929), Г. И. Рамстедт (1908), Г. Д. Санжеев (1953), В. Н. Наделеяв (1957), Дж. Стрит (1963) и др.

Исследователи анализировали систему гласных халхаского диалекта современного монгольского языка с позиции артикуляционной фонетики и на этой основе сделали важные выводы. В своей работе «Фонетика монгольского языка», опубликованной в 1979 году, С. Мөөмөө классифицировал гласные фонемы монгольского языка следующим образом (см. табл. 1) [Мөөмөө, 1979].

В работе Ж. Цолоо «Фонетика современного монгольского языка», опубликованной в 2008 году, показано, что халхаский диалект современного монгольского языка включает 7 кратких гласных, 2 неосновных гласных, 7 долгих гласных и 5 дифтонгов, что в сумме составляет 21 гласную фонему, как показано в таблице 2 [Цолоо, 2008].

Ж. Санжаа и Ж. Надмид в своей работе утверждают, что современный монгольский халхаский диалект состоит из 7 основных кратких гласных [i], [e], [a], [ɔ], [ʊ], [o], [u], 7 долгих гласных [i:], [e:], [a:], [ɔ:], [ʊ:], [o:], [u:], и 5 дифтонгов [ae], [oe], [ui], [ui], [ua].

Таблица 1

ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА [Мөөмөө, 1979]

Классификация		Гласные звуки переднего ряда		Гласные звуки среднего ряда		Гласные звуки заднего ряда	
		Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные
Узкие	Краткие		и	ү		у	
	Долгие		и:	ү:		у:	
	Дифтонги			үй		уй, үä:, уа:	
Средние	Краткие		э	ө			
	Долгие		э:	ө:			
	Дифтонги						
Широкие	Краткие						а
	Долгие						а:
	Дифтонги						ай

Таблица 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА [Цолоо, 2008]

Место образования	Гласные звуки переднего ряда		Гласные звуки среднего ряда		Гласные звуки заднего ряда	
Способ образования	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные
Узкие		i	u, ü	i	ü, ú	
Средние		e, é	o, ö		ö, ó	
Широкие		ä		a		a, á
Дифтонги			oi, oe, ue	ai, ae	ui	

Таблица 3

КЛАССИФИКАЦИЯ МОНГОЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ [Санжаа, Надмид, 2008]

Классификация		Гласные звуки переднего ряда				Гласные звуки заднего ряда	
		Передние		Средние		Задние	
		Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные
Мужские	Широкие		ā		à ā äe	uā	a ā ä
	Средние			o ̄ o ̄ oe		o ̄ o ̄	
	Узкие			u ̄ u ̄ ui		u ̄ u ̄	
Женские	Широкие						
	Средние	ö ̄ ö ̄	e ̄ e ̄	o ̄ o ̄			
	Узкие	ü ̄ ü ̄ üi		ü ̄ ü ̄			
Средние	Широкие						
	Средние						
	Узкие		i ̄ i ̄		ī		

Таблица 4

ФОРМАНТЫ МОНГОЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ [МӨӨМӨӨ, 1979]

Классификация	F1	F2
[a] заднего ряда, широкий, негубной; [a:]	600–850	850–1100
[e] переднего ряда, ненапряжённый верхний, негубной	400	2000
[o] заднего ряда, ненапряжённый верхний, губной (полузакругленный); [o:]	300	2300–2700
[i] переднего ряда, узкий, негубной	300–750	750–1200
[ö] переднего ряда, ненапряжённый верхний, губной		
[u] заднего ряда, узкий, губной; [u:]	300–600	750–1200
[ü] переднего ряда, узкий, губной		

Таким образом, диалект содержит в общей сложности 19 гласных звуков [Санжаа, Надмид, 2008]. В книге «Современный монгольский язык» также говорится о наличии 7 кратких гласных [a], [e], [i], [o], [u], [ö], [ü] 7 долгих гласных [ā], [ē], [ī], [ō], [ū], [ō̄], [ǖ] и 5 дифтонгов [äe], [oe], [ui], [üi], [ua], что в сумме также составляет 19 гласных звуков [Төмөртоого и др., 2008]. Классификация Ж. Санжаа и Ж. Надмид представлена в таблице 3.

Как видно из приведенных исследований, мнения ученых о количестве гласных и согласных в современном монгольском языке расходятся. Например, Н. Н. Поппе считает, что в монгольском языке 19 гласных и 20 согласных, В. Н. Надеяев – 25 гласных и 31 согласная, Т. Пагва – 27 гласных и 27 согласных, Ш. Лувсанвандан – 22 гласных и 24 согласных, С. Мөөмөө – 20 гласных и 29 согласных. Ж. Санжаа и Ж. Надмид рассматривают 19 гласных и 33 согласных соответственно [прив. по: Булгантамир, 2016].

Артикуляционная фонетика изучает положение и способ действия органов, участвующих в образовании звуков языка, тогда как экспериментальная фонетика исследует физические свойства звуков, возникающих в результате этих действий. С помощью спектрограммы, которая представляет собой трехмерную карту характеристик звука, можно собрать количественные данные и сделать подробные выводы. Применяя этот экспериментальный метод, активно изучается фонетика халхаского диалекта современного монгольского языка, что позволяет более детально подтвердить достижения традиционных фонетических исследований и выявить некоторые новые результаты.

С. Мөөмөө в своей работе, опубликованной в 1979 году, экспериментально измерил акустические параметры монгольских гласных звуков, что представлено в таблице 4 [Мөөмөө, 1979].

Исследователи, включая Ж. Свантессона, создали базу данных халхаского диалекта монгольского

Таблица 5

ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО СЛОГА МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА [Булгантамир, 2016]

Классификация	Гласные звуки переднего ряда		Гласные звуки среднего ряда		Гласные звуки заднего ряда	
	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные	Негубные гласные	Губные гласные
Верхние	i ĕ i: e:ĩ			ө ә ʉĩ:		о u ʉ u: ʉ ө
Ненапряжённые верхние	ĕ			ʉ:		о: ʉĩ:
Средне-верхние			ɛ			ʉ ɔ ɔ: ɒ
Средние	æ		e	в в: (õĩ:)	ʌ	ɒ
Средне-нижние						ɒ:
Ненапряжённые нижние	æ: (õĩ:)		e			
Нижние			e: e:			

Таблица 6

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА [Уртнасан и др., 2022]

Одинарные краткие гласные	Одинарные долгие гласные	Двойные краткие гласные (дифтонги)	Двойные долгие гласные (дифтонги)
i	i:	ja	ja:
e	e:	jæ	jæ:
a	a:	jɔ	jɔ:
ɔ	ɔ:	jœ	jœ:
o	o:	jo	jo:
ө	ө:	ju	ju:
u	u:	je	je:
æ	æ:	jə	jə:
œ	œ:	oi(j)	
ʏ	ʏ:	ui(j)	
		wa:	
		wæ:	

языка, записанную с участием трех дикторов. Анализ этой базы выявил наличие 7 долгих гласных [i:], [e:], [a:], [ʊ:], [u:], [o:], [ɔ:]. В первом слоге обнаружено 6 кратких гласных [i], [a], [u], [ʊ], [o], [ɔ], в то время как в последующих слогах фиксируется 7 ударных [i], [ɪ], [e], [a], [u], [ʊ], [o], [ɔ] и 7 безударных [ĩ], [ĕ], [ă], [ũ], [õ], [ð], [õ] кратких гласных [Svantesson, 2004]. Ц. Батдорж провел анализ гласных и согласных монгольского языка с применением методов экспериментальной фонетики и пришел к выводу, что в первом слоге присутствуют 22 гласных звука, а согласных звуков – 29 [Батдорж, 2014].

С. Булгантамир применил экспериментальный метод для анализа кратких гласных звуков первого

слога халхаского диалекта современного монгольского языка. В результате исследования было установлено наличие 12 кратких гласных, 11 долгих гласных звуков и 4 дифтонга в первом слоге, как показано в таблице 5 [Булгантамир, 2016].

В 2022 году Д. Уртнасан и его коллеги опубликовали подробный анализ в работе под названием «Фонетика монгольского языка». В данном труде монгольские гласные дифференцируются на одинарные и двойные (см. табл. 6) [Уртнасан и др., 2022].

Как уже отмечалось, монгольские гласные звуки имеют разное значение в зависимости от их долготы и краткости. Лингвисты также изучали этот

вопрос, проводя исследования, основанные на экспериментальных методах. В традиционной фонетике считается, что долгие гласные отличаются от соответствующих им кратких гласных не только по длительности произнесения, но и по артикуляции. Ж. Санжаа считал, что произношение долгих гласных занимает примерно в два раза больше времени и в некоторых случаях даже более. С учетом артикуляции, при произнесении долгих гласных пространственный объем ротовой полости увеличивается и воздушный поток становится интенсивнее. Кроме того, долгие гласные в первом слоге произносятся несколько длительнее и более четко, чем последующие долгие гласные [Булгантамир, 2016].

Ж. Цолоо исследовал долготу современных монгольских гласных звуков с использованием метода кимографии. Его измерения показали, что долгий гласный звук в первом слоге слова составляет от 28 до 30 сигм¹, в то время как долгий гласный звук в последующих слогах составляет от 20 до 22 сигм. По его результатам, период краткого гласного звука в первом слоге составляет от 9 до 13 сигм, а краткий гласный звук в последующих слогах в два раза более краткий, чем в первом слоге. Он приходит к выводу, что долгий гласный в первом слоге слова считается долгим, долгий гласный в последующих слогах – полудолгим, краткий гласный в первом слоге рассматривается как обычный краткий гласный, а краткий гласный в последующих слогах считается сверхкратким. Также отмечается, что в открытом слоге могут встречаться слишком долгие гласные длительностью от 35 до 40 сигм [Цолоо, 2008].

Ц. Батдорж исследовал гласные звуки халхаского диалекта современного монгольского языка с использованием методов экспериментальной фонетики. Его исследования показали, что долгие гласные звуки халхаского диалекта монгольского языка в среднем произносятся в 2,4 раза длительнее, чем краткие гласные звуки. В зависимости от скорости речи это соотношение может варьировать от 1,9 до 2,8. Другими словами, структура долгого гласного звука будет представлена как [V:], а не [V+V], как это бывает достаточно часто [Батдорж, 2013].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как монгольские, так и зарубежные исследователи плодотворно выявляют особенности вокализма современного монгольского языка, и к настоящему времени в этой области накоплен достаточно обширный объем знания. Внимание лингвистов,

обращенное к данной теме, обусловлено тем, что гласные звуки играют ключевую роль в фонетической системе любого языка, и их изучение помогает лучше понять структурные особенности рассматриваемого языка, а также его фонологическую и морфологическую организацию. При анализе исследований гласных звуков халхаского диалекта современного монгольского языка экспериментальными методами с учетом артикуляторно-акустических параметров, можно обнаружить различные точки зрения на изучаемый объект. Некоторые из них касаются характеристик гласных звуков, таких как их высота, долгота, форма формант, а также их акустические параметры.

В последние годы с развитием экспериментальной фонетики в области монголоведения можно отметить, что выводы, полученные в результате традиционных фонологических исследований, получили дополнительное детальное подтверждение. Например, использование современных технологий, таких как спектрография, электропалатография и другие методы акустического анализа, позволило более точно определить особенности артикуляции и акустики гласных звуков халхаского диалекта. Это дает нам возможность констатировать, что уже достигнуты некие новые и детальные результаты, способствующие более глубокому пониманию природы вокализма в рассматриваемом языке.

Особо значимым аспектом этих достижений является динамика концептуальных подходов к развитию вокализма. Эти достижения не только расширяют наши знания о фонетической структуре монгольского языка, но и имеют практическое значение. В частности, результаты исследований могут быть использованы в области преподавания монгольского языка, в разработке учебных пособий и учебников, а также в лингвистической экспертизе и коррекции нормативного произношения. В качестве основы вышеуказанных работ необходимо и далее развивать данную область знаний, используя современные методы экспериментальной фонетики и внедряя полученные результаты в дальнейшее развитие теории и практики современного монголоведения. Данное направление в области экспериментальной фонетики включает в себя продолжение описания акустической природы звуков речи (сегментного строя языков) и просодии (супrasegmentных характеристик различных речевых единиц) [Потапова, Потапов, 2012].

Всё вышесказанное содействует не только проведению дальнейших исследований, но и активному сотрудничеству между учеными разных стран, обмену опытом и знаниями, а также применению полученных данных в сфере образования и культуры.

¹Сигма – 0.01 секунды [Павлов, 1963].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булгантамир С. Орчин цагийн монгол, франц хэлний эгшиг авиаг туршилт авиа зүйн аргаар зэрэгцүүлэн судлах нь: Хэл шинжлэлийн ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл. Улаанбаатар, 2016.
2. Алпатов В. М., Крючкова Т. Б. О мужском и женском вариантах японского языка // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 58–68.
3. Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 52–62.
4. Мөөмөө С. Монгол хэлний авиан зүй, Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979.
5. Цолоо Ж. Орчин үеийн монгол хэлний авиа зүй, Улаанбаатар: Admon, 2008.
6. Санжаа Ж., Надмид Ж. Орчин цагийн монгол хэлний авиа зүй ба авиалбарзүй, Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2008.
7. Орчин цагийн монгол хэл / Д. Төмөртоого, Г. и др. Улаанбаатар: МУБИС, 2008.
8. Уртнасан Д., Батдорж Ц., Батхишиг С. Монгол хэл судлал: в 8 т. Улаанбаатар: МУИС-ийн Монгол судлалын хүрээлэн, 2022. Т. 5.
9. Svantesson J.-O. [et al.] The phonology of Mongolian. New-York: Oxford University Press, 2005.
10. Батдорж Ц. Халх аялгууны авианы акустик задлал: Хэл шинжлэлийн ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл. ӨМИС, 2014
11. Батдорж Ц. Халх монгол хэлний эгшиг авианы уртцын шинжлэл: Altaica X. 2013. С. 90–108.
12. Павлов Д. А. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста: Калмиздат, 1963.
13. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянской культуры, 2012.

REFERENCES

1. Bulgantamir, S. (2016). Orchin tsagiin mongol, frants khelnii egshig aviag turshilt avia zuin argaar zeregtsuulen sudlakh n': Khel shinzhleliin ukhaany doktoryn zereg gorilson buteel = A Comparative Study of Modern Mongolian and French Vowel Sounds through Experimental Phonetics: A Doctoral Thesis in Linguistics. Ulaanbaatar.
2. Alpatov, V. M., Kryuchkova, T. B. (1980). O muzhskom i zhenskom variantakh yaponskogo yazykakh = About the male and female versions of the Japanese languages. Voprosy yazykoznaniya 3, 58–68. (In Russ.)
3. Potapov, V. V. (1997). Yazyk zhenshchin i muzhchin: foneticheskaya differentsiyatsiya = Language of women and men: phonetic differentiation. Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka, 3(56), 52–62. (In Russ.)
4. Muumu, S. (1979). Mongol khelnii avian zui = Phonology of the Mongolian language, Ulaanbaatar: State Publishing House.
5. Tsooloo, J. (2008). Orchin ueiin mongol khelnii avia zui = Phonology of Modern Mongolian. Ulaanbaatar: Admon
6. Sanjaa, J., Nadmid, J. (2008.) Orchin tsagiin mongol khelnii avia zui ba avialbarzui = Phonetics and Phonology of the Modern Mongolian Language. Ulaanbaatar: State Publishing House.
7. Tumurtogoo, D. et al. (2008). Orchin tsagiin mongol khel = Modern Mongolian Language. Ulaanbaatar: MSU.
8. Urtnasan, D., Batdorzh, Ts., Batkhishig, S. (2022). Mongol khel sudlal.. Mongolian Language Study (vol. 5): in 8 vols. Ulaanbaatar: Institute of Mongolian Studies, National University of Mongolia.
9. Svantesson, J.-O., et al. (2005). The phonology of Mongolian. New-York: Oxford University Press.
10. Batdorj, Ts. (2014). Khalkh ayalguuny aviany akustik zadlal: Khel shinzhleliin ukhaany doktoryn zereg gorilson buteel = Acoustic analysis of Khalkh dialect phonemes: A Doctoral Thesis in Linguistics. PRC
11. Batdorj, Ts. (2013). Khalkh mongol khelnii egshig aviany urttсын шинжлэл = Analysis of vowel length in Khalkh Mongolian language (pp. 90–108): Altaica X.
12. Pavlov, D. A. (1963). Sostav i klassifikatsiya fonem kalmytskogo yazyka = The composition and classification of phonemes in the Kalmyk language. Elista: Kalmizdat. (In Russ.)
13. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2012). Rechevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu = Speech communication: From sound to utterance. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганбаатар Цэнд-Аюуш

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganbaatar Tsend-Ayush

Postgraduate student, Department of Applied and Experimental Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.05.2024
21.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПЕРЕВОД

Научная статья
УДК 81'23

Формально-семантические преобразования специальной лексики в переводе административных законов с китайского языка на русский

Ван Лу

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
W-luluer@yandex.ru

Аннотация. В статье демонстрируется эффективность применения переводческих трансформаций при переводе правовых актов с китайского языка на русский. Цель исследования – доказать правомерность применения формально-семантических преобразований специальной лексики для достижения адекватности в переводе правовых текстов. Материал исследования – китайские административные законы и ключевые термины административного права. Аргументируя свою позицию, автор устанавливает алгоритм анализа единиц исследуемых терминов.

Ключевые слова: перевод, формально-семантические преобразования, специальная лексика, правовой текст, закон, китайский язык

Для цитирования: Ван Лу. Формально-семантические преобразования специальной лексики в переводе административных законов с китайского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 111–118.

Original article

Formal-Semantic Transformations of Special Vocabulary in Translation of Administrative Laws from Chinese into Russian

Wang Lu

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
W-luluer@yandex.ru

Abstract. The article demonstrates the effectiveness of applying translation transformations in translating legal acts from Chinese into Russian. The aim of the study is to prove the validity of applying formal-semantic transformations of special lexicon to achieve adequacy in the translation of legal texts. The material of the study is Chinese administrative laws and key terms of administrative law. Arguing her position, the author establishes an algorithm for analyzing the units of the studied terms.

Keywords: translation, formal-semantic transformations, special lexicon, legal text, law, Chinese language

For citation: Wang Lu (2024). Formal-semantic transformations of special vocabulary in translation of administrative laws from Chinese into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 111–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время перевод правовых актов, играющих ключевую роль в регулировании общественных отношений и осуществлении правоприменительной практики, беспрецедентно востребован. Вопросы перевода актуализируются в связи с растущими экономическим, культурным, кадровым обменами между Китаем и Россией. Перевод правовых нормативных актов направлен на широкий круг получателей и ориентирован на специфическую сферу использования, поэтому он должен осуществляться с целью полного и точного воспроизведения содержания оригинала и сохранения его стилистических характеристик. В вышеуказанном случае подход к переводу, предполагающий возможность семантических трансформаций текста оригинала, представляется нам самым эффективным.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ

Качественный перевод юридического текста возможен в случае исчерпывающей передачи содержания подлинника путем оправданного выбора средств и достижения полноценного функционально-стилистического соответствия подлиннику. На практике такой перевод далеко не всегда возможен: нормы переводящего языка (далее ПЯ), обусловленные *типологической* разницей между исходным (далее ИЯ) и ПЯ, не всегда позволяют переводчику использовать лексические единицы и грамматические конструкции, которые представлены в текстах на ИЯ. Значительно осложняют деятельность переводчика и *функционально-стилистические особенности* текстов, особенно в специализированных сферах коммуникации.

В китайском изолирующем языке, который отчетливо отличается от флективного русского, нет четких границ между словами и морфемами, фактически отсутствуют формы словоизменения, взаимно не разграничиваются сложные слова и словосочетания, грамматически значим порядок слов, отнесение слов к частям речи зависит их синтаксической позиции. Это создает серьезные трудности в выборе оперативных единиц при переводе.

В исследовании правовых текстов часто обсуждаются характеристики текстов права, позволяющие относить их к официально-деловому стилю: регламентированность формы, отсутствие экспрессивно-оценочной лексики, терминологичность и др. (Малько, 1993; Власенко, 1997; Новик, 2015;

Пономарева, Герасимов, 2015; Белянская, 2018; 陈忠诚, 1992; 李克兴, 张新红, 2006; 屈文生, 2013; 张法连, 2017). Все перечисленные характеристики текстов права обуславливают требование предельно точного сохранения содержания текста ИЯ при переводе.

Как полагал Я. И. Рецкер, «равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала» [Рецкер, 1974, с. 8], но такой методологически ясный тезис требует разработки *определенных переводческих операций, которые могут быть в идеальном случае алгоритмизированы*.

Эти операции, частично разработанные в переводоведении, называются в фундаментальной переводоведческой литературе переводческими трансформациями и предполагают использование совокупности структурно-смысловых способов преобразования единиц текста оригинала в единицы текста перевода [Комиссаров, 1990]. Однако общепринятой совокупности таких способов не существует, поскольку очевидна необходимость разработки неодинаковых трансформаций для разных аспектов переводческой деятельности и разных языков, что детерминировано не только практическими потребностями перевода, но и нейрофизиологическими основами речевой деятельности. Так, Я. И. Рецкер актуализирует смысловую сторону переводческих трансформаций, рассматривая их как приемы логического мышления [Рецкер, 1974]; Л. С. Бархударов подчеркивает их роль в достижении эквивалентности перевода [Бархударов, 1975]; В. Г. Гак считает возможным применять преобразования только тогда, когда нет межъязыковых соответствий, характеризующихся одинаковым денотативным значением и грамматической однотипностью [Гак, 1988]. Китайский и русский языки существенно расходятся по составу грамматических категорий, поэтому необходимо конкретизировать содержание формально-семантического преобразования в зависимости от цели перевода. Сложность практического применения переводческих трансформаций многократно усиливается, когда речь идет о переводе правовых текстов в силу особенностей сферы и правил их использования: должна быть сохранена юридическая точность и эффективность текстов и высокая степень их формализации.

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Интерпретация юридической лексики, представленной в конкретных правовых текстах, предполагает определенную базу нормативных знаний,

АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ В ДЕФИНИЦИЯХ ТЕРМИНА
«行政诉讼» / «АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СПОР И ЖАЛОБА»

Термин	Компоненты		
Дефиниция 1	Деятельность органов	органы, осуществляющие деятельность	судебные
		форма деятельности	процессуальная
		содержание деятельности	рассмотрение иска, решение
Дефиниция 2	Деятельность индивида	субъект деятельности	реализующий свои законные права и интересы, которые были нарушены
		форма деятельности	индивидуальная
		содержание деятельности	обращение в суд

в том числе представление о специфике судебных систем. Рассмотрим некоторые основные понятия, представленные в китайских административных законах, аргументируя алгоритм анализа лексического значения слов, обозначающих эти понятия, с целью их адекватного использования в переводе.

Так, термин 行政诉讼 [син чжэн су сун] на русский язык часто переводится как *административный процесс, административное судопроизводство и административный иск*. Часть этого термина 诉讼 [су сун] / жалоба и спор в своде уголовных законов империи Цин («Дачин люйли») трактуется как «有冤抑之事而陈告曰诉, 有争论之事而陈告曰讼» [沈之奇, 1997, с. 797] / су – это обращение с несправедливым делом, сун – это обращение со спорным делом. Очевидно, что этимология слов 诉讼 акцентируют два компонента значения: 1) спор / жалоба, 2) обращение (*в суд или к власти*).

Произведем анализ юридических дефиниций слова 诉讼 в китайской и российской правовых системах с целью установления общего и различного в юридических понятиях двух лингвокультур. Слово 诉讼 пережило процесс обратного заимствования: оно было заимствовано японскими правоведом, которые придали ему современное юридическое значение – процесс, включающий в себя не только обращение к власти со стороны индивида, но и рассмотрение, решение дел со стороны власти. Слово, получившее это новое значение, было обратно заимствовано в китайский язык в ходе переводческой деятельности [王贵松, 2014]. Слово 诉讼 в современной правовой системе КНР в самом широком смысле определяется как *последовательный судебный процесс, проводимый властными органами*: «司法机关在当事人及其他诉讼参与人参加

下, 为解决刑事、民事、行政案件而依照法定程序所进行的活动»¹ / «деятельность, осуществляемая судебными органами с участием сторон и других участников для решения уголовных, гражданских и административных дел в соответствии с правовыми процедурами»; понятие 行政诉讼 определяется как «人民法院依照司法程序审理行政案件的审判活动»² / «судебная деятельность народных судов по рассмотрению административных дел в соответствии с судебными процедурами». Однако наблюдается особая интерпретация, в которой сохраняется этимологическое значение, восходящее к значению иероглифов 诉 и 讼, т. е. 诉讼 рассматривается как деятельность индивида: понятие «行政诉讼» трактуется как «公民、法人或者其他组织认为行政机关的具体行政行为侵犯其合法权益而向法院提起的诉讼»³ / «обращение с иском в суд граждан, юридических лиц или других организаций, которые считают, что определенный административный акт административного органа нарушает их законные права и интересы». Выделим их существенные признаки в двух дефинициях (см. табл. 1).

Термин *административное судопроизводство* в ч. 1 и ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее КАС РФ), определяется как «порядок рассмотрения и разрешения Верховным судом РФ, судами общей юрисдикции административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов

¹赵汝琨. 中华法学大辞典(简明本). 中国检察出版社, 2003. = Чжао Рукун. Большой китайский юридический словарь. Краткое издание. Издательство прокуратуры КНР, 2003.

²赵汝琨. 中华法学大辞典(简明本).

³曾庆敏. 法学大辞典. 上海辞书出版社, 1998 = Цзэн Цинмин. Большой юридический словарь. Шанхайское лексикографическое издательство, 1998.

граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий» (ст. 1 КАФ РФ). В «Большом юридическом словаре» понятие *административный процесс* трактуется как «деятельность государственных органов по разрешению конкретных административных дел в сфере управления»¹. Юристы полагают, что термин «административное судопроизводство» включает всю совокупность

мер, используемых органами государственного управления в пределах своей компетенции, а потому он является более широким. Толкование юридического термина *иск* представлено в двух разных смыслах: «в процессуальном смысле обращение истца к суду с просьбой рассмотреть материально-правовой спор с ответчиком и защитить нарушенное субъективное право или охраняемый законом интерес. ... В материальном смысле – материально-правовое требование истца к ответчику, составляющее предмет иска»². Сопоставим существенные признаки трех понятий на основе их дефиниций (см. табл. 2).

¹Белов В. А. [и др.]. Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002.

²Белов В. А. [и др.]. Большой юридический словарь. 2002.

Таблица 2

АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ В ДЕФИНИЦИЯХ ТЕРМИНОВ

Термин	Компоненты		
Административное судопроизводство	Деятельность органов	Органы, осуществляющие деятельность	Судебные
		Форма деятельности	Процессуальная
		Содержание деятельности	Рассмотрение и разрешение дел
Административный процесс	Деятельность органов	Органы, осуществляющие деятельность	Государственные
		Форма деятельности	Процессуальная
		Содержание деятельности	Разрешение дел в сфере управления
Административный иск	Деятельность индивида	Субъект деятельности	Истец
		Форма деятельности	Индивидуальная
		Содержание деятельности	Обращение к суду с просьбой
	Содержание индивидуальной деятельности	Требование истца к ответчику	

Таблица 3

ПРИМЕРЫ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА С ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Текст оригинала	Перевод
公民、法人或者其他组织认为行政机关在实施计划生育管理过程中侵犯其合法权益，可以依法申请行政复议或者提起行政诉讼。(ст. 46 Закона КНР «О народонаселении и планировании рождаемости»)	«Если гражданин, юридическое лицо или другая организация сочтет, что действия органа государственного управления в ходе планирования рождаемости нарушают его права и законные интересы, они вправе в соответствии с законодательством обратиться за административным пересмотром решения (обжаловать решение в административном порядке) или обратиться с административным иском в суд (в порядке административного судопроизводства)» (URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2021_russian/)
当事人对行政处罚决定不服，申请行政复议或者提起行政诉讼的，行政处罚不停止执行，法律另有规定的除外。(ст. 73 Закона КНР «Об административных наказаниях»)	«Если сторона отказывается принять решение об административном взыскании и подает заявление о пересмотре административного решения или возбуждает административный иск, исполнение административного штрафа не приостанавливается, за исключением случаев, предусмотренных законом» (URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-penalty-law-of-china-20210121)

НЕСООТВЕТСТВИЕ СОДЕРЖАНИЯ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ТЕРМИНОВ

Текст оригинала	Перевод
行政处罚没有依据或者实施主体不具有行政主体资格的, 行政处罚无效。(см. 38 Закона КНР «Об административных наказаниях»)	«Административное наказание недействительно, если оно не имеет оснований или если субъект его применения не квалифицируется как субъект административного правонарушения» (URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-penalty-law-of-china-20210121)
	Административное наказание не имеет силы, если оно не обоснованно или если субъект применения права не обладает административной компетенцией (перевод авт. – В. Л.)

Очевидно, что наиболее содержательно близким вариантом к дефиниции 1 является *административное судопроизводство*, а к дефиниции 2 – *административный иск*.

Таким образом, термин *行政诉讼* характеризуется неоднозначностью, которая противоречит общепринятому требованию к значению термина, поэтому при переводе правового текста важно применить переводческие операции. В реальном употреблении термин *行政诉讼* чаще всего сочетается с действием индивида по осуществлению права (см. табл. 3).

В обоих переводах более широкий термин *行政诉讼* переводится термином *административный иск* с более специализированным содержанием, уточняющим юридическое значение термина *行政诉讼* – это прежде всего требование индивида. Правовая информация конкретизируется при таком переводческом решении, и это не противоречит вариативности терминов.

Понятие *行政主体* [син чжэн чжу ти] существует только в китайской правовой системе. Термин определяется как «经国家授权依法以自己的名义实施国家行政管理 并对自己的管理活动负责的组织»¹ / «органы, уполномоченные государством осуществлять государственное административное управление от своего имени в соответствии с законом и несущие ответственность за свою управленческую деятельность». Но буквальный перевод термина *административный субъект* неточно передает его содержание в китайском праве ввиду расхождения в значении лексемы *субъект* в сопоставляемых языках. Российские правоведы отмечают, что в российском праве в роли субъекта права всегда выступает индивид [Уздимаева, Козуров, 2020]. Понятие *行政主体* / «административный субъект» восходит к французскому терминологическому сочетанию *personne morale Administratif* и немецкому *Verwaltungsträger* [余凌云, 2010], но в системе китайского

права развивает новое специальное содержание: здесь подчеркивается, что органы являются субъектом административного права. Это предполагает наличие государственной исполнительной власти, а также реализацию исполнительной власти от собственного имени, самостоятельное несение юридической ответственности² (см. табл. 4).

Первый перевод передает термин «*行政主体*» как *субъект административного правонарушения*; в российской системе права – это «лицо, виновно совершившее административный проступок и посягнувшее на правоотношения» [Фадеева, Мозголов, 2016, с. 51]. Акцентируем отличительную черту понятия «*行政主体*»: в отрасли административного права КНР понятие «*行政主体*» / «административный субъект» детерминируется наличием или отсутствием установленной законом *административной компетенции*. Так, в переводе применяется лексическая трансформация с использованием приема модуляции по смежности понятий «*行政主体*» и «административная компетенция»: первое является символом последнего, ведь органы, являющиеся *行政主体*, обладают *административной компетенцией*. Именно в этом и заключается логика замены. Полученный перевод позволяет избежать недопонимания, вызванного дословным переводом термина.

Специфичность терминологии китайского административного права проявляется и в группе таких синонимов, как *行政处罚* [син чжэн чу фа] и *行政处分* [син чжэн чу фэнь]. В лексикографических работах *административное наказание* и *административное взыскание* даются как переводческие аналоги, но это не акцентирует имеющихся различий между ними, существенных с точки зрения правового регулирования.

С целью дифференцирования анализируемых понятий сравним их юридические дефиниции. Понятие «*行政处罚*» определяется как «具有处罚权的国家行政机关依法对违反行政管理法律、法

¹赵汝琨. 中华法学大辞典. 2003 = Чжао Рукун. Большой китайский юридический словарь. 2003.

²Chinacourt. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2006/12/id/228045.shtml>

РАЗНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Текст оригинала	Перевод
人民警察有本法第二十二条所列行为之一的,应当给予行政处分;构成犯罪的,依法追究刑事责任。行政处分分为:警告、记过、记大过、降级、撤职、开除。(ст. 48 Закона КНР «О народной полиции»)	Служащий народной полиции, совершивший одно из действий, перечисленных в статье 22 данного закона, должен быть подвергнут административным санкциям ; если в его поступке содержится состав преступления, то, согласно закону, против него проводится уголовное расследование. Административные санкции включают в себя: дисциплинарное взыскание; выговор с занесением в личное дело, строгий выговор с занесением в личное дело, перевод на менее квалифицированную работу, отставка от должности и отстранение от государственной службы (Закон КНР о народной полиции // Россия: библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=2086)
人民警察违反规定使用武器、警械,构成犯罪的,依法追究刑事责任;尚不构成犯罪的,应当依法给予行政处分。(ст. 49 Закона КНР «О народной полиции»)	Если служащий народной полиции использует оружие или полицейский инвентарь в нарушение действующих положений, совершая тем самым преступление, то против него, согласно закону, проводится уголовное расследование; если в деле не имеется состава преступления, то, в соответствии с законом, на него может быть наложено административное взыскание (Закон КНР о народной полиции // Россия: библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=2086)
国家机动车产品主管部门未按照机动车国家安全技术标准严格审查,许可不合格机动车型投入生产的,对负有责任的主管人员和其他直接责任人员给予降级或者撤职的行政处分。(ст. 103 Закона КНР «О мерах дорожной безопасности»)	В случае, если государственные отделы, курирующие производство моторизованных транспортных средств, не осуществляют строгого контроля технической безопасности моторизованных транспортных средств и их проверки согласно государственным стандартам и позволяют выпускать уже снятые с производства модели, лица, непосредственно курирующие данный вопрос, и другие лица, несущие прямую ответственность, должны быть понижены в должности или уволены (Закон КНР о мерах дорожной безопасности // Бизнес в Китае. URL: https://asia-business.ru/law/law3/safety/)

规定的行为人和组织所给予的一种制裁»¹ / «санкция, налагаемая государственным административным органом, имеющим право применять наказания в соответствии с законом, на лиц и организации, нарушившие административно-управленческие законы и правила»; понятие «административное наказание» – как «наказание, налагаемое на лиц и организации, нарушившие административно-управленческие законы и правила»; понятие «административное наказание» – как «наказание, налагаемое на лиц и организации, нарушившие административно-управленческие законы и правила»; понятие «административное наказание» – как «наказание, налагаемое на лиц и организации, нарушившие административно-управленческие законы и правила»² / «деятельность государственных административных органов по наложению взыскания в соответствии с иерархической субординацией и законодательством на подчиненного сотрудника администрации, совершившего дисциплинарный проступок, нарушившего закон или не исполнившего обязанностей». Как следует из определений, наиболее очевидное различие между двумя понятиями заключается в объектах применения санкции: административное наказание применяется к индивиду, а административное взыскание – к государственным служащим. Помимо того, в понятии «административное наказание» специфично подчеркивается *дисциплинированность*, которая необходима

для внутреннего управления административной системой.

Под *административным наказанием* в российском праве понимается «установленная государством мера ответственности за совершение административного правонарушения» (п.1 ст. 3.1. КоАП РФ). Она применяется в целях предупреждения лицом новых правонарушений, но одновременно направлена и на воздействие на других лиц; при этом *административное взыскание* – «мера ответственности за совершение административного правонарушения»³.

Часть переводчиков считает, что значение термина *административное наказание* соответствует понятию «административное наказание» / «административное решение о наказании, и, следовательно, может употребляться как его переводческий эквивалент». Однако употребление термина *административное взыскание* не может выразить существенное отличие исследуемых понятий – «административное наказание» и «административное взыскание». Следовательно, необходимо рассматривать переводимое понятие в контексте специфического права – как российского, так и китайского (см. табл. 5).

¹赵汝琨. 中华法学大辞典. 2003. = Чжао Рукун. Большой китайский юридический словарь. 2003.

²赵汝琨. 中华法学大辞典. 2003. = Чжао Рукун. Большой китайский юридический словарь. 2003.

³Белов [и др.] Большой юридический словарь. 2002.

В приведенных примерах представлены три разных переводческих решения для термина «*行政处分*». В первом примере объект применения соответствующих мер определен, и в статье дается содержание этого понятия – конкретные меры, что придает контексту объяснительную функцию. В этом контексте нет необходимости передавать отличительные правовые смыслы переводимого слова, поэтому переводчик вправе использовать прием генерализации, т.е. заменить слово гиперонимом.

Во втором примере подчеркнута разница двух санкций при двух разных диспозициях. Исходя из дефиниций, можно утверждать, что *行政处分* – понятие не уголовного, а административного права. В приведенном примере это отличие не передается, и потому *административное взыскание* может быть воспринято читателем как *административное наказание*. В этом случае мы предлагаем описательный перевод для компенсации семантических потерь: ... он подвергается *дисциплинарному взысканию со стороны компетентного административного органа*. Такой перевод позволяет русскоязычным читателям однозначно понять содержание.

В третьем примере акцентируются конкретные санкционные меры (*降级或撤职*), при этом с коммуникативно-прагматической точки зрения возможно не определять тип санкции (*行政处分*), поскольку это семантически избыточно. Применение приема опущения слова в переводе при сохранении основной информации повышает соответствие исходного и переводного текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несоответствие содержания терминов при переводе юридических документов на другой язык недопустимо в силу их специфики: такие тексты требуют однозначности их толкования, особенно если функционируют они в разных правовых системах. Это повышает сложность задачи по переводу терминов, поскольку, с одной стороны, нельзя нарушать их правовую системность, с другой – необходимо встроить термин в иные правовые отношения, в которых этот термин отсутствует, также не нарушив их концептуального единства.

Несовпадение юридических систем РФ и КНР становится объективным препятствием эквивалентного перевода. Нужно учесть, что система китайского административного права находится в процессе становления, а потому терминология в этой области содержит некоторые неоднозначные понятия. Это создает дополнительные трудности, для преодоления которых стандартные формально-семантические преобразования просто неэффективны. В частности, в ряде случаев представляется обязательным 1) восстановление этимологического значения иероглифов, различающих такие нечетко определенные термины; 2) изучение развития значения заимствованного термина, а главное, пути его встраивания в китайскую систему права; 3) частотно используется прием сужения значения, что связано как раз с процессом спецификации понятий. Это помогает установить системные связи юридических терминов. Кроме того, трудности возникают в связи с типологической спецификой языков в анализируемой переводческой паре китайский – русский. Поэтому избежать формально-семантических преобразований в тексте перевода невозможно. При этом в таких преобразованиях с самого начала исключаются расширенные описательные конструкции, метафорические словосочетания, омонимичные слова – словом, всё то, что противоречит стандартности юридического языка как его сущностной характеристики. Все сказанное приводит к выводу о том, что часто практикуемый дословный перевод юридического текста не дает представления о юридической системности терминов китайского административного права. Рекомендуемые «переводческие аналоги» не фиксируют существенных, причем подчас очень тонких отличий терминов китайского и русского права, а значит, дают искаженное представление о правовом регулировании в социуме. Использование формально-семантических трансформаций при переводе административных законов демонстрирует эффективность таких трансформаций, поскольку они позволяют достичь адекватности содержания текста перевода содержанию исходного текста и сохранить стилевое единство исходного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
4. Гак В. Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 63–75.
5. (清) 沈之奇. 大清律集解附例. 卷之二十二. 北京: 中华书局, 1997 = (Цин) Шэнь Чжици. Сборник цинских законов с примерами. Пекин: Чжунхуа книжная компания, 1997. (на кит.)

6. 王贵松. 论近代中国行政法学的起源 // 法学家 = Ван Гуйсун. Зарождение административного права в современном Китае // Правовед. 2014. Вып. (04). С. 150–165. (на кит.)
7. Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 135–143.
8. 余凌云. 行政主体理论之变革 // 法学杂志 = Юй Линьюнь. Изменение в понятие административного субъекта // Правоведение. 2010. Вып. 31 (08). С. 14–18. (на кит.)
9. Фадеева И. В., Мозголов П. Н. Научная оценка правового положения субъекта административного правонарушения // Научный журнал. 2016. №8 (9). С. 51–53.

REFERENCES

1. Retsker, Y. I. (1974). Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika = Translation theory and translation practice. Moscow: International Relations. (In Russ.)
2. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda = Theory of Translation. Moscow: High School. (In Russ.)
3. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (issues of general and particular theory of translation). Moscow: International Relations. (In Russ.)
4. Gak, V. G. (1988). Tipologiya kontekstualnykh yazykovykh preobrazovaniy pri perevode = Typology of contextual language transformations in translation. In Tekst i perevod (pp. 63–75). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. (清)沈之奇. 大清律集解附例. 卷之二十二. 北京: 中华书局, 1997. = (Qing) Shen Zhiqi (1997). A collection of Qing laws with examples. Beijing: Zhonghua book company. (In Chinese)
6. 王贵松. 论近代中国行政法学的起源 // 法学家 = Wang Guisong (2014). The Origins of Administrative Law in Modern China. The Jurist, 04, 150–165. (In Chinese)
7. Uzdimayeva, N. I., Kozurov, A. S. (2020). Subyekt prava: osnovnyye podkhody k ponimaniyu = Subject of law: main approaches to understanding. Kontentus, 4, 135–143. (In Russ.)
8. 余凌云. 行政主体理论之变革 // 法学杂志 = Yu Linyun (2010). The change in the concept of administrative subject. Law Science Magazine, 31(08), 14–18. (In Chinese)
9. Fadeeva, I. V., Mozglov, P. N. (2016). Nauchnaya otsenka pravovogo polozheniya subyekta administrativnogo pravonarusheniya = Scientific assessment of the legal status of the subject of administrative offense. Scientific Journal, 8(9), 51–53. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Лу

аспирант
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wang Lu

Postgraduate Student
Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.05.2024
22.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gurevich_ls@mail.ru

Аннотация. В статье ставятся вопросы теории перевода, связанные с передачей культурно детерминированных смыслов, которые напрямую соотносятся с коммуникативно-прагматическим аспектом межкультурной коммуникации. Автор исследует специфику культурных кодов, особенности их идентификации и декодирования заключенной в них культурной информации. Основными методами исследования являются когнитивный, сопоставительный, описательный и гипотетико-дедуктивный методы. Материалом исследования послужили переводческие практики политического дискурса.

Ключевые слова: культурный код, инференция, лингвокультурная коннотация, кодированная культурная информация, межкультурная омонимия, декодирование

Для цитирования: Гуревич Л. С. Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 119–126.

Original article

Culturally Determined Meanings Translation Problems: “Untranslatable” Cultural Codes

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gurevich_ls@mail.ru

Abstract. The communicative and pragmatic components of interlanguage communication are closely linked to the translation theory concerns examined in this article, which deal with the transfer of culturally determined meanings. The author delves into the intricacies of cultural codes, the peculiarities of their identification and decoding of the cultural information contained in them. Cognitive, comparative, descriptive, and hypothetical-deductive approaches are the primary research techniques. The political discourse translation procedures served as the study material.

Keywords: cultural code, inference, linguistic and cultural connotation, encoded cultural information, interlanguage homonymy, decoding

For citation: Gurevich, L. S. (2024). Culturally determined meanings translation problems: “untranslatable” cultural codes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 119–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Из всех существующих на сегодняшний день проблем перевода, пожалуй, наименее всего получили свое теоретическое осмысление проблемы, связанные с «переводом культур», которые, с одной стороны, выходят за пределы чисто лингвистического знания и не являются объектом собственно лингвистического анализа, с другой стороны, указывают на наличие не принимаемой во внимание «специфической прагматики» исходного текста перевода, без которой его верная интерпретация в переводном тексте становится невозможной. К такого рода «специфической прагматике» следует отнести прагматику культурных кодов, исследование которой на сегодняшний момент становится особо актуальным.

В современном переводоведении особое внимание уделяется коммуникативно-прагматическому аспекту переводного текста, при этом учитываются многие экстралингвистические факторы функционирования текста и степень его воздействия на адресата. Как справедливо отмечает М. В. Никитин, «...текст как продукт сам по себе мертв в том смысле, что в нем нет мысли вне дискурса и дискурсантов, вне процессов речевой деятельности – порождения и понимания речи. В тексте как таковом нет движения, он не меняется. Движение мысли совершается в дискурсантах, отчего и возникают различия в интерпретации одного и того же текста (одной и той же кодировки мысли)» [Никитин, 2003, с. 262].

В качестве конститутивных принципов «текстопорождения» и «текстовосприятия» В. Дресслер и Р.-А. де Богранд указывают на существование семи фундаментальных признаков (свойств) текста, таких как когезия, когерентность, адресованность, интенциональность, информативность, ситуативность и типологическая интертекстуальность [Beaugrande, Dressler, 1981], причем так называемая «кодировка мысли» определяется на уровнях «ситуативности» и «типологической интертекстуальности», но не всегда поддается «декодированию». И это замечание относится в большей степени к переводу культурно детерминированных коннотаций и культурных кодов [Баранчеева, 2015, с. 194]. Современными исследователями отмечается любопытная закономерность: расхождение прагматических значений лексем в процессе перевода наблюдается значительно чаще, чем референциальных значений (см. работы В. С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, Л. А. Черняховской, А. Д. Швейцера и др. [Виноградов, 2001; Влахов, Флорин, 1980; Черняховская, 1976; Швейцер, 1973]).

Идея дифференцированного подхода к интерпретации экстралингвистической сущности культурных коннотаций не единожды высказывалась ведущими учеными во второй половине XX века. В своих работах Ю. Д. Апресян указывает на то, что в отдельных случаях следует учитывать их внеязыковую, или, точнее, пресуппозиционную природу. Однако даже в этом случае научная мысль не выходит за пределы языковой инференции, подчеркивая устойчивую материализацию лингвокультурных смыслов «в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций» [Апресян, 1995, с. 163]. Таким образом, внеязыковые смыслы, передаваемые в переводе «чужих культур», фиксируются в языковых единицах. Ситуативные, или в лингвистической терминологии контекстуально обусловленные, значения выпадают из зоны исследовательского интереса переводоведения. Культурные коды остаются за пределом теоретического осмысления перевода как дисциплины, создавая теоретическую лакуну в научном знании.

Основной целью данного исследования является определение статуса культурных кодов в теории переводоведения и способов решения переводческих проблем, связанных с культурно детерминированными смыслами.

Сопутствующими **задачами** в достижении данной цели являются:

- а) разграничение культурно детерминированных смыслов и определение специфики культурного кода в данной категории;
- б) анализ специфики смыслов культурных кодов;
- в) определение критериев, способствующих обнаружению «культурно кодированных» смыслов в контексте;
- г) анализ переводческих ошибок, связанных с культурными кодами, и разбор вариантов решения проблемы непереводимости культурных кодов.

«КУЛЬТУРНЫЙ КОД» КАК ОСОБЫЙ ВИД КУЛЬТУРНО СПЕЦИФИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ПЕРЕВОДЕ

Так что же такое «культурный код» и в чем заключается его специфика? Как она проявляется в переводе?

Согласно нашему определению, культурный код следует понимать как «*сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов,*

поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом, и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума *с позиции внешнего наблюдателя*» [Батыршин, Гуревич, 2024, с. 11].

Культурные коды, являясь ментальными конструкциями, не имеют фиксированного смысла, закрепленного за какой-либо языковой единицей. Этот смысл *ситуативен*: он зависит от множества факторов межкультурной коммуникативной ситуации. Культурный код *требует декодирования*, поэтому фактор внешнего наблюдателя особо важен для интерпретации культурно-специфического смысла. Более того, культурные коды достаточно часто *остаются за пределами* не только интерпретации, но и распознавания самого факта существования культурного кода в ситуативном контексте. Сложностью декодирования представителями «чужих» культур обладает именно та информация, которая, по определению В. Н. Телия, представляет собой «интерпретацию денотативного и образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1999, с. 214–215], а также семантически не связанную с языковой единицей прагматическую информацию, «наслаивающуюся» на нее в процессе инференции культурно-специфического контекста.

Как показывают данные настоящего исследования, культурно детерминированные смыслы могут быть актуализированы, по крайней мере, двумя способами:

- 1) с помощью *лингвокультурной коннотации*, передающей культурно-специфическую информацию, которая либо устойчиво ассоциируется, либо уже является узальной, т. е. закрепленной за языковой единицей и признаваемой частью семантической структуры слова;
- 2) посредством *культурных кодов*, т. е. кодированной культурной информации, «ключ» от которой не лежит на поверхности семантической структуры слова, а «приобретается» в процессе погружения в культурную среду общества, разделяющего так называемую «внутригрупповую информацию» [Tajfel et al., 1971; Лотман, 1996].

В чем же кроется отличие и почему мы предлагаем выделить культурный код так же, как и культурную коннотацию, в отдельную категорию культурно детерминированных смыслов?

Культурная коннотация в терминологии В. Н. Телия и В. А. Масловой представляется, как связующее «звено» между языковыми знаками

и знаками национальной культуры, такими как стереотипы, эталоны, символы, концепты и пр. [Телия, 1999; Маслова, 2024]. В такой трактовке термин «культурная коннотация» представляет собой некое подобие «зонтикового термина» [Кубрякова, 1994, с. 35], который объединяет в себе понимание культурной коннотации как «культурно-национального смысла языковой единицы» (т. е. части семантики языковой единицы, относящейся к области исследования лингвистики) и как «социальную, эмоциональную и эмоционально-образную значимость языкового знака для той или иной лингвокультурной общности» [Мамонтов, 2000, с. 115], подпадающую под область научных интересов таких гуманитарных дисциплин, как культурология, лингвокультурология, социолингвистика и пр. Причем понятие «значимость» языкового знака здесь употребляется не терминологично, поскольку оно не объясняет сущности анализируемого феномена. Является ли эта «значимость» частью семантики слова, или же она лежит где-то за пределами языкового значения? Этот вопрос требует отдельного пояснения.

Культурная коннотация *стабильна* в плане передачи культурных смыслов, поскольку она связана либо с семантикой слова, либо с лингвокультурным символом или стереотипом и пр., характеризующимся наличием устойчивых культурно маркированных ассоциаций. Информация, которая содержится в *культурном коде*, связана исключительно с *интерпретативным компонентом значения*. Она *неустойчива и нестабильна*, поскольку является результатом апелляции говорящего к событиям и фактам культурной жизни социума и существует в статусе культурного кода до тех пор, пока сохраняется в его коллективной памяти. Это «внутригрупповая информация», которую разделяют отдельные представители данной культуры и которая остается недоступной для другой, «непосвященной» ее части, в том числе для представителей чужой культуры [Лотман, 1996].

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК СЕРЬЕЗНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Примером того, как культурные коды становятся серьезной переводческой проблемой, может стать уже широко известное интервью американского журналиста К. Симмонса с В. В. Путиным. Рассмотрим отрывок из беседы, который привлеч внимание многих специалистов, так или иначе связанных с переводом:

Keir Simmons: Yeah. You are a religious man. President Biden is saying he told you to your face, "You don't have a soul" (*Laughter*). – *К. Симмонс*: Да, Вас часто описывают как религиозного человека, и он говорил, что он прямо в лицо сказал: «Вы бездушный человек».

Vladimir Putin: I do not remember this. ***Something is wrong with my memory***¹. – *В. Путин*: Я такого не помню. «Что-то с памятью моей стало»².

Англоязычный переводчик дал чисто семантический перевод фразы *что-то с памятью моей стало* как *something is wrong with my memory*, не заметив закодированной культурной информации и, соответственно, совершенно иного, иронического смысла. Буквально на следующий день после публикации данного интервью в ведущих зарубежных изданиях прокатилась череда сообщений о том, что Президент России страдает от проблем с памятью: он сам открыто об этом заявил.

Понятной с точки зрения лингвокультурных смыслов эта фраза стала лишь для тех представителей русской лингвокультуры, кто был знаком с фильмами «Минута молчания» и «В бой идут одни старики», в которых звучала песня на стихи Р. Рождественского «За того парня». После официальных заявлений российской стороны в текст интервью во многих изданиях были сделаны поправки: некоторые переводчики внесли синтаксические изменения в текст, поставив кавычки, некоторые даже дали сноски, указав на источники цитаты. Но особого понимания смысла сказанного с помощью данных манипуляций с текстом достигнуто не было. Ни те, ни другие переводчики не справились с переводом культурного кода.

Анализ переводческой ошибки. Как уже отмечалось ранее, культурные коды содержат информацию, которая не привязана к отдельным лексемам и, следовательно, не относится к разряду лингвокультурных коннотаций. Другим существенным отличием культурного кода от культурной коннотации является наличие у кода маркера смысла, который следует декодировать в процессе инференции смысла высказывания.

Почему мы так уверенно говорим о наличии культурно кодированной информации во фразе *что-то с памятью моей стало*, которую не смогли уловить англоязычные переводчики в процессе перевода, приняв небольшое нарушение порядка слов в предложении за допустимую и свойственную синтетическим языкам вариацию свободного

порядка слов? Безусловно, оба варианта передачи одного и того же смысла возможны, как (а) *что-то с памятью моей стало*, так и (б) *что-то стало с моей памятью*, причем нарушения правил синтаксиса в ни первом, ни, тем более, во втором случаях не наблюдается. Однако прототипической грамматической конструкцией является вариант (б), в котором, несмотря на возможные вариации, типичной моделью является: «подлежащее + сказуемое + предложное дополнение». Последнее из них состоит из существительного и притяжательно-местоимения в функции определения к главному слову. В типичной модели оно предшествует существительному. Данная прототипическая грамматическая конструкция указывает на то, что в предложении актуализируется прямое значение входящих в него лексем (если у предложения нет определенного контекстного окружения, указывающего на наличие переносного смысла). В варианте (а) нарушение типичного порядка слов сигнализирует о том, что в предложении заложен скрытый невербализованный смысл, особая прагматика фразы, которая может наблюдаться в случаях грамматической инверсии. Те, кто владеет кодом дешифровки скрытого смысла данного высказывания, с легкостью продолжит недосказанную фразу: «*Все, что было не со мной, помню*», которая является ключевой в понимании имплицитного смысла предшествовавшего предложения. Однако полное понимание этой пары фраз достигается с помощью апелляции к полному тексту песни. В ней поется о погибшем в Великой Отечественной войне парне, который обещал матери вернуться с войны. Рассказчик, от чьего имени ведется нарратив, обнаруживает у себя странное свойство помнить то, чего с ним никогда не было, «за того парня».

В контексте анализируемого интервью, В. В. Путин использовал эту фразу иронически, и импликация данной фразы была, приблизительно, следующей: «Вы настаиваете на ложных фактах. По-Вашему, я должен помнить о том, чего со мной никогда не случилось?» Ирония фразы не была услышана представителями чужой лингвокультуры, что касается русскоязычных переводчиков, то они ограничились ссылкой на кодированную культурную информацию без расшифровки имплицитного иронического смысла высказывания.

2. В том же самом интервью телеканал NBC дал дословный перевод и других цитат, в которых англоязычные переводчики не уловили скрытого культурного смысла. Несмотря на то, что этот факт также стал достоянием общественности и попал в многочисленные публикации, никто из исследователей не отметил *наличие культурных кодов* и не

¹URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649>.

²URL: <https://inosmi.ru/20210614/249914022.html>.

указал на наличие специфических маркеров, позволяющих обнаружить кодированную информацию. Между тем ее можно успешно выявить, указав на необходимость ее специфического декодирования, которое напрямую не связано с семантикой входящих в высказывание слов.

В эпизоде, касающемся обвинения России в массовых кибератаках, В. В. Путин сказал: «На такие бездоказательные обвинения я могу Вам ответить: "Можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ". Вас это устроит?» Телеканал NBC дал следующий перевод:

With— when there is— when there are charges— without— evidence, I can tell you, ***you can take your complaint to the International League of Sexual Reform***¹.

На наличие скрытого имплицитного смысла указывает апелляция Президента России к несуществующей на сегодняшний момент правовой инстанции со специфическими для рассмотрения вопросами. Два пропозициональных компонента пресуппозиции как бы уравниваются в предложении в соответствии с оценкой автора обеих пропозиций по критерию «СУЩЕСТВУЕТ / НЕ СУЩЕСТВУЕТ». Поскольку автор признает обвинения в массовых кибератаках «бездоказательными» (оценка «НЕ СУЩЕСТВУЕТ»), то и обращаться с обвинениями стоит в правовую организацию, которой уже нет (оценка «НЕ СУЩЕСТВУЕТ»). Более того, фраза *можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ* культурно маркирована, поскольку является цитатой из известного произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», в котором главный герой повествования Остап Бендер отправляет другого персонажа – Паниковского – направить свою жалобу на то, что он «старый, и его девушки не любят», в «Международную лигу сексуальных реформ». Апелляция к известному в России произведению, которое не смогли идентифицировать и декодировать англоязычные переводчики, производит дополнительный юмористический эффект на тех, кто владеет «ключом» от культурного кода: обвинение России в кибератаках смехотворно, как смехотворна сама по своей природе Международная лига сексуальных реформ.

Что касается NBC News, она перевела данную фразу дословно, и в таком варианте перевода полностью отсутствовал смысл. Культурный код остался нераскрытым в инференциях смысла представителями чужих лингвокультур.

¹URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649>.

3. Интересным с точки зрения переплетения культурно детерминированных смыслов является пример перевода одной из цитат В. В. Путина из выступления на мероприятии, посвященном 80-летию прорыва блокады Ленинграда. Рассказывая о попытке России урегулировать разногласия с Украиной мирным путем, В. В. Путин произнес: «Мы долго терпели, долго пытались договориться. Как сейчас выяснилось, нас просто водили за нос, обманывали».

На сайте Такера Карлсона в переводе фразеологизма «водить за нос» появился «переводческий эквивалент» – *to lead somebody by the nose*, который в силу определенных причин не стал таковым, поскольку с течением времени претерпел ряд языковых, смысловых трансформаций в двух различных лингвокультурах: русскоязычной и англоязычной.

Обращаясь к этимологии данного фразеологизма, мы находим предположение о том, что изначально он появился в странах Средней Азии и был связан с представлением о том, как люди приручали животных, по большей части, верблюдов, которым прокалывали ноздри и продевали в них кольцо. В Европе то же самое проделывали с медведями и быками. В кольцо продевали веревку и тянули за нее. Животное, пытаясь избежать боли, шло туда, куда его тянули. Как следствие, во многих языках, в странах, где это явление было знакомо, появился фразеологизм, построенный на ключевом смысле образа – «тянуть за ноздри на веревке в нужную сторону». Но вот что оказалось интересным для данной трансформации: сохраняя формально совпадающую номинацию, оборот «водить за нос» в различных языках выражает различный смысл. К сожалению, переводчики далеко не всегда актуализируют иносказательный смысл идиомы «водить за нос». Не вдаваясь в подробности механизма формирования и развития в диахроническом срезе фразеологического или метафорического смысла, отметим, что, когда в основе метафоры (или фразеологизма) изначально лежит цельный образ, а в процессе многовекового функционирования образ «стирается», мы в таком случае говорим о «стертой метафоре», образный характер которой уже не определяется, и в номинации остается единственный передаваемый метафорой смысл. По своей сути, стертая метафора здесь подобна моносемантической лексеме. Именно на этом этапе мы можем столкнуться с явлением «ложных друзей переводчика»: из когда-то цельного образа динамической картины события остается для удобства языкового функционирования один единственный смысл, который не совпадает с единственным смыслом, сохранившимся в другой лингвокультуре. Так произошло и с фразеологизмом «водить за нос», который

в русской лингвокультуре сохранил смысл «обманывать, вводить в заблуждение», в то время как в англоязычной лингвокультуре у фразеологизма *«to lead (someone) by the nose»* в процессе смысловых трансформаций и «отсеивания ненужных смыслов» сохранился смысл «убеждать кого-либо делать то, что хочешь»¹ или, по другим источникам, «полностью контролировать или доминировать над кем-то, заставляя его делать все, что вы хотите, без вопросов и сопротивления»².

Ошибка англоязычного переводчика заключалась в том, что решающую роль для выбора переводческого эквивалента для него сыграли общая этимология фраз *водить за нос* и *to lead (someone) by the nose*, а также совпадение формальной стороны фразеологизма – лексического значения поверхностной структуры языковой единицы. Несмотря на то, что специфический смысл русского фразеологизма был далее расшифрован В. В. Путиным, который добавил: «обманывали», носитель чужой культуры неверно подобрал ключ к декодированию чужого культурного кода и неправильно выбрал переводческий эквивалент.

Русскоязычный переводчик, в отличие от англоязычного коллеги, верно понял смысл высказывания Президента, но в подборе эквивалента также ошибся в английских культурных кодах и перевел *водили нас за нос* как *pulled our leg* («to deceive someone playfully, to play a joke» – «игриво обмануть кого-то, разыграть шутку»), что также не совсем точно отражает всю серьезность описываемой президентом ситуации.

Завершая анализ переводческой практики политического дискурса, мы можем отметить, что ключи от культурных кодов двух различных лингвокультур на пересечении омонимичных переводческих эквивалентов (межязыковой омонимии)

оказались недоступными представителям взаимно «чужих» лингвокультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты анализа множества лингвистических фактов, культурные коды – это невербальные феномены, которые проявляются в вербальных единицах, влияют на них. Вот почему культурные коды невозможно не учитывать и в переводческой работе.

Вопросы, связанные с коммуникативно-прагматическими проблемами перевода, обладают повышенной сложностью, поскольку, по большей части, они носят субъективный характер и зависят от конкретной ситуации общения. Кроме того, культурные коды всегда обращены к прецедентным культурным текстам, проявляя сложное для инференции смысла *свойство интертекстуальности*. Возможно, по этой причине из семи фундаментальных признаков текста, предложенных В. Дресслером и Р.-А. де Бограндом, ситуативность и типологическая интертекстуальность остались менее всего изученными.

Еще одной значимой причиной того, что культурные коды выпали из зоны научного интереса переводоведения, как дисциплины, является их «незаметность». Коды как бы «теряются» во множественном контексте, что требует дополнительных усилий для их верификации и декодирования.

Тем не менее культурные коды содержат имплицитные, как бы зашифрованные в речи, культурные смыслы, которые, оставаясь незамеченными большинством слушающих, способны диаметрально изменить передаваемый смысл фразы. Поэтому культурные коды являются исключительно значимым элементом дискурса, требующим повышенного внимания и тщательного изучения в будущем.

¹URL: <https://langwitch.ru/idioms/lead-someone-by-the-nose/>

²URL: <https://www.thevillageidiom.org/idioms/lead-by-the-nose-idiom-meaning-and-origin/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
2. Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
3. Баранчеева Е. И. Прагматический потенциал переводного текста // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. №2(24). 2015. С. 193–200.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
6. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976.
7. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
8. Апресян Ю. Д. Язык. Семиотика. Культура // Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2.

9. Батыршин Р. И., Гуревич Л. С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Культурная жизнь Юга России. № 1 (92). 2024. С. 7–18.
10. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
11. Tajfel H., Billig M. G., Bundy R. P., Flament C. (1971). Social categorization and intergroup behavior // European Journal of Social Psychology. Issue 1 (2). P. 149–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ejsp.2420010202> (дата обращения: 13.06.2024).
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / ответственный редактор У. М. Бахтикиреева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. URL: <https://urait.ru/bcode/540160> (дата обращения: 13.06.2024).
14. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. С. 34–47.
15. Мамонтов А. С. Язык и культура: основы сопоставительного страноведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

REFERENCES

1. Nikitin, M. V. (2003). Osnovaniya kognitivnoj semantiki = Fundamentals of Cognitive Semantics. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Beaugrande, R. -A. de, Dressler, W. U. (1981). Einfuhrung in die Textlinguistik. Tübingen.
3. Barancheeva, E. I. (2015). Pragmatic potential of the translated text. Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University, 2(24), 193–200. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translation Studies. Moscow: Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.)
5. Vlahov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoe v perevode = Untranslatable things in translation. Moscow: International Relations Publishing House. (In Russ.)
6. Chernyahovskaya, L. A. (1976). Perevod i smyslovaya struktura = Translation and semantic structure. Moscow: International Relations Publishing House. (In Russ.)
7. Shvejcer, A. D. (1973). Perevod i lingvistika = Translation and linguistics. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Apresyan, Yu. D. (1995). Yazyk. Semiotika. Kul'tura = Language. Semiotic. Culture. Izbrannye trudy (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
9. Batyrshin, R. I., Gurevich, L. S. (2024). Fenomenologicheskie aspekty ponyatij «nacional'naya kul'turnaya identichnost'» i «kul'turnyj kod nacji» = Phenomenological aspects of the concepts of “national cultural identity” and “National cultural code”. Cultural Studies of the South of Russia, 1(92), 7–18. (In Russ.)
10. Teliya, V. N. (1999). Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury = Priority tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture. In Teliya, V. N. (ed.), Frazheologiya v kontekste kul'tury. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
11. Tajfel, H., Billig, M. G., Bundy, R. P., Flament, C. (1971). Social categorization and intergroup behaviour. European Journal of Social Psychology, 1 (2), 149–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ejsp.2420010202> (accessed: 13.06.2024).
12. Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya = Inside the Thinking world. Man – Text – Semiosphere – History. Moscow: Yazyki russkoj kul'tur. (In Russ.)
13. Maslova, V. A. (2024). Lingvokul'turologiya. Vvedenie = Linguoculturology. Introduction: textbook for universities Executive Editor U. M. Bahtikireeva. 2nd edition. Moscow: Yurajt. <https://urait.ru/bcode/540160> (accessed: 13.06.2024). (In Russ.)
14. Kubryakova, E. S. (1994). Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psihologiya – kognitivnaya nauka = Early stages of the formation of cognition: linguistics – psychology – cognitive science. Problems of Linguistics, 4, 34–47 (In Russ.)
15. Mamontov, A. S. (2000). Yazyk i kul'tura: osnovy sopostavitel'nogo stranovedeniya = Language and culture: fundamentals of comparative regional studies: Doctor of Philology Thesis. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**Гуревич Любовь Степановна**

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Gurevich Lyubov Stepanovna**

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2024
23.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Воздействующий эффект переводных текстов средневековой арабо-христианской литературы (прагмалингвистический аспект)

Г. Г. Матвеева¹, Г. И. Мясичев², Ф. М. Беланова³

^{1,2,3}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹gegemat2337633@rambler.ru, ²georgy2583@yandex.ru, ³tina-rostov@mail.ru

Аннотация. Предлагаемое исследование ставит целью изучить реакцию читателя на речевое воздействие средневековой арабо-христианской литературы. Поскольку знакомство с текстами большинством читателей происходит по переводным изданиям, материалом настоящего исследования послужили переводные памятники средневековой арабо-христианской литературы. Исследование основывается на экспериментальных методах современной прагмалингвистики, таких как: методика функциональной прагмалингвистики (прагмемный анализ); методика модифицированного контент-анализа; анкетирование; метод опроса.

Ключевые слова: средневековая литература, арабо-христианская литература, прагмалингвистика, контент-анализ, речевое воздействие, говорящий, читательская реакция

Для цитирования: Матвеева Г. Г., Мясичев Г. И., Беланова Ф. М. Воздействующий эффект переводных текстов средневековой арабо-христианской литературы (прагмалингвистический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 127–133.

Original article

Impacting Effect of Translated Texts of Medieval Arab Christian Literature (pragmalinguistic aspect)

Galina G. Matveeva¹, Georgy I. Myasishchev², Fotina M. Belanova³

^{1,2,3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹gegemat2337633@rambler.ru, ²georgy2583@yandex.ru, ³tina-rostov@mail.ru

Abstract. The proposed work aims to study the reader's reaction to the verbal influence of medieval Arab-Christian literature. Since most readers become familiar with texts through translated editions, the material for this study was translated monuments of medieval Arab-Christian literature. The main research methods were experimental methods of modern pragmalinguistics, such as: the methodology of functional pragmalinguistics (pragmeme analysis); modified content analysis technique; interview; survey method.

Keywords: medieval literature, Arab-Christian literature, pragmalinguistics, content analysis, speech influence, speaker, reader reaction.

For citation: Matveeva, G. G., Myasishchev, G. I., Belanova, F. M. (2024). Impacting Effect of Translated Texts of Medieval Arab Christian Literature (Pragmalinguistic Aspect). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 127–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Механизмы формирования поведенческих реакций пользователей сети Интернет изучаются современными учеными с различных позиций. Базовые представления о взаимосвязи языка, мышления и реакции на воздействие пишущего на читающего отражены в фундаментальных трудах Дж. Р. Сёрла, Дж. Остина, Ю. Н. Караулова, В. В. Красных, В. А. Масловой [Сёрл, 1986; Остин, 1966; Караулов, 2004; Красных, 2003; Маслова, 2010]. Рассмотрение конкретных воздействующих стратегий авторской речи получили отражение в работах Н. Д. Арутюновой, Г. Г. Матвеевой, Е. Е. Сахаровой, Ю. С. Степанова, где указывалось, что речевые намерения говорящего (интенции) реализуются в виде комплекса воздействующих речевых единиц разного уровня, которые определяют реакцию читателя [Арутюнова, 1999; Матвеева, 2023; Сахарова, 2014; Степанов, 2021].

При этом необходимо отметить, что переводчик, в отличие от автора, стремится передать авторский текст максимально точно с позиции языка перевода, а не содержательной стороны текста. Переводчик использует привычные для него единицы языка перевода и опирается на собственные речевые привычки, опыт и чувство языка, что позволяет анализировать такие тексты с позиции скрытой прагмалингвистики и видеть восприятие и реакции как переводчика на текст, так и читателя на текст перевода [Миронина, Сибиряков, 2013]. Под речевой стратегией скрытого воздействия понимается привычный для человека выбор речевых сигналов, отражающих его речевые привычки.

При прочтении текста у читателя формируется собственное отношение как к написанному, так и к написавшему. Диагностирование личных качеств пишущего реализуется в результате подсчета единиц воздействия – как грамматических, так и текстуальных речевых единиц. Реакция на текст читателя определяется по степени одобрения и неодобрения, референции (комментирования), или игнорирования (равнодушия) текста. При этом комментирование с использованием единиц авторского текста означает проявление высшей степени воздействия автора на читателя – лингвокогнитивного следования за автором. Попутно отметим, что даже если авторский текст не вызвал читательского одобрения, то это не означает, что он не оказал на него никакого воздействия. Возникновение полемики, отрицания, переосмысления и исправления авторских интенций свидетельствует о реакции читателя на текст, называемой далее перлокутивным эффектом. В данной работе анализ оценивания на уровне восприятия и ощущения текста читателем в рамках скрытой прагмалингвистики дается

с позиций речевой стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя сообщения» [Матвеева, Мясичев, Хорошевская, 2020].

Современный читатель ассоциирует арабскую литературу исключительно с мусульманским Востоком, между тем, существует целый ряд текстов христианских авторов, писавших на арабском языке в эпоху Средневековья. Христианская арабская литература, по свидетельству К. Брокельманна, занимает особое место среди религиозных текстов [Брокельманн, 1908]. Написанная в эпоху серьезных историко-политических кризисов VI, XI, XIII и даже XVI вв., эта литературная традиция раз за разом означала вехи социально-религиозной жизни общества Востока. Христианская история Ближнего Востока, оказавшаяся на периферии европейской историографии, требует внимательнейшего изучения, поскольку вклад в мировую культуру арабо-христианской литературы недооценен, а для современного интересующегося читателя она открывает совершенно неожиданные стороны бытия, отличные от секвестрированной школьной истории.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве материала для исследования воздействия этой литературы на читателя были избраны труды Ибрахима ибн Юханна «Житие Антиохийского патриарха Христофора» и Булус ар-Рахиба «Богословские и философские трактаты» [ибн Юханна, 2013; ар-Рахиб, 2013].

В качестве источника сравнительного материала были использованы статьи С. А. Моисеевой «“Житие Антиохийского патриарха Христофора” как памятник арабо-мелькитской агиографии конца X – начала XI веков» и О. Давыденкова «Булус ар-Рахиб и его творения» [Моисеева, 2013; Давыденков, 2013]; анкеты и интервью с обучающимися лингвистических направлений высших учебных учреждений.

Основными методами исследования послужили экспериментальные методы современной прагмалингвистики, такие как: изучение исследовательских статей по текстам средневековой арабо-христианской литературы и сравнение реакций их авторов с результатами исследования реакций других групп читателей; методика функциональной прагмалингвистики (прагмемный анализ); методика модифицированного контент-анализа, во время проведения которого выявляются случаи актуализации переводчиком речевых стратегий скрытого воздействия путем интуитивного выбора привычных грамматических и текстуальных единиц, а также последующая реакция читателей на текст; анкетирование читательской аудитории по

прочитанным текстам с целью выявления последовавшей реакции на произведения; свободная беседа (интервью) по прочитанным текстам с фиксацией речевых реакций читателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Первый этап эксперимента включал в себя анализ воздействия авторского текста на исследователей – авторов статей о текстах арабской литературы. Наибольший интерес в этом отношении представляет статья переводчика трудов Булус ар-Рахиба О. Давыденкова, поскольку в его статье мы видим непосредственную реакцию самого переводчика на авторский текст. Статья представляет собою обзор мнений о личности, роли и значении творческого наследия Булус ар-Рахиба в мировой истории. Автор в основном реферирует высказывания об ар-Рахибе и явно почти не проявляет оценочного отношения к переводимому тексту. Однако вступление и заключение статьи, где он формулирует целеполагание данного обзора и выводы, ясно дают представление о результате воздействия арабского текста, на переводчика. Давыденков характеризует самого ар-Рахиба через тексты, говоря, что «Наследие немногих средневековых писателей представлено столь значительным числом рукописей» и характеризуя: «многие рукописи называют его “святым”, “святителем”, “нашим святым” в середине XVII в. говорит о нем как о святом известный арабоязычный писатель Антиохийский патриарх Макарий». Значимость Булуса ар-Рахиба исследователь подчеркивает словами: «...заставляет признать в нем человека, глубоко укорененного в византийской традиции, так и в арабской культуре, разбирающегося в тонкостях христианско-мусульманской полемики и хорошо знающего текст не только Священного писания, но и Корана» [Давыденков, 2013].

Метод функциональной прагмалингвистики – прагмемный анализ показывает, что тексту переводчика свойственна оценочность, ориентированная на себя: «высокая степень»; «особенные черты»; «не более, чем»; «глубоко укорененный» и т. д. Опираясь на труды упомянутых выше теоретиков, можем дифференцировать оценочность с точки зрения функциональной лингвистики по степени ориентированности воздействия и по вектору воздействия на нейтральную, оценивающую с позиции говорящего, воздействующую. Констатирующая оценочность говорит о том, что автор публикации находится под впечатлением переводного текста и декларирует свои ощущения и идеи, появившиеся под воздействием арабского источника, о том, что он неравнодушен к нему и воспринимает его не только с формальной стороны переложения текста с языка на язык.

Прагмемный анализ второй статьи – С. А. Моисеевой «“Житие Антиохийского патриарха Христофора” как памятник арабо-мелькитской агиографии конца X – начала XI вв.» показывает значительную отстраненность автора статьи от текста памятника. С. А. Моисеевой в большей степени свойственна нейтральная оценочность, с эпизодическими прагмемами воздействующей направленности: «лобзание предателя», «крупнейшая победа византийцев». Автор глубже погружен в исторические события конца X – начала XI веков в Антиохии, чем в конкретный литературный источник, хотя, несомненно, опирается на него при изложении фактической составляющей материала.

Второй этап включал в себя изучение текстов статей методами скрытой прагмалингвистики. С этой целью было изучено проявление скрытой речевой стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя сообщения» и получены следующие статистические результаты:

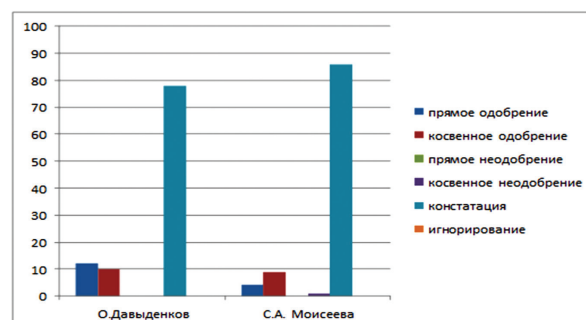

Диаграмма 1. Результаты эксперимента по скрытой прагмалингвистической стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя сообщения»

Данные исследования показывают совпадение скрытых интенций одобрения с открытой оценочностью авторов статьи по отношению к переводному тексту, что говорит о совпадении ощущений текста читателем и его осознанного восприятия. То есть, воздействие текста на читателя-исследователя является преимущественно позитивным, но переводчик текста оказывается под несколько большим впечатлением, чем исследователь.

Третий этап и четвертый этапы были посвящены изучению оценок, данных сторонними читателями. Изучение реакций сторонних читателей на воздействие переводных текстов средневековой арабо-христианской литературы показывает больший разброс мнений (функциональная сторона прагматики речи) и разницу ощущений (скрытая прагмалингвистика).

Третий этап ставил своей целью накопление и обработку эмпирического материала оценок читателями текстов. В качестве метода был избран опрос. Аудитория имела возрастную (18–21 год), образовательную (все студенты); геокультурную (жители европейской части России); лингвистическую (все носители русского языка как родного) общность. Анкетируемые совпадали также по научным интересам (все обучающиеся лингвистических направлений).

Анкеты были анонимны, но исследователи на этапе приема заполненных анкет физически сортировали их по файлам, консолидирующим материалы ответов юношей и девушек. Опрошено было 224 человека (56 юношей и 168 девушек). Анкеты включали в себя вопросы по текстам памятников и короткое творческое задание. Оно заключалось в пересказе фрагмента текста (100 слов пересказа).

На функциональном уровне прагматический анализ оценочности показал следующее:

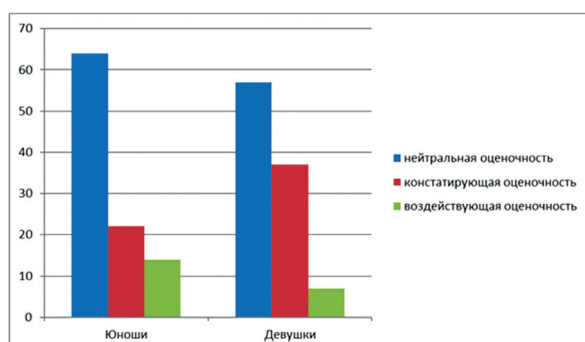

Диаграмма 2. Результаты функционально-прагматического эксперимента с группой читателей

Показатели констатирующей и воздействующей оценочности по данным анкет оказались достаточно высокими. Обычно, констатирующая и воздействующая оценочность референтного текста анкет находится в пределах 5–10 %. В данном случае можно говорить о неравнодушии к тексту, при этом личное впечатление превалирует над интенцией произвести на читающего анкету оценочностью.

На лексико-семантическом уровне в классе констатирующих прагмат преобладают слова: «хороший, приятный, важный, целостный, интересный, интересный, проблемный, неожиданно, спорно, возможно»¹.

В классе воздействующих прагмат оказались «круто, стремно, крупнейший, ужасный, прекрасный,

отчаянный, скромный автор»², «ерунда, занимательно и концептуально, к прочтению рекомендуется»³.

Как видно из перечисленных примеров оценок, тексты произвели неоднозначное и неоднородное впечатление на анкетируемых и для некоторых респондентов послужили поводом к самопозиционированию.

Анализ анкет по скрытой речевой стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя сообщения» показал следующие статистические результаты:

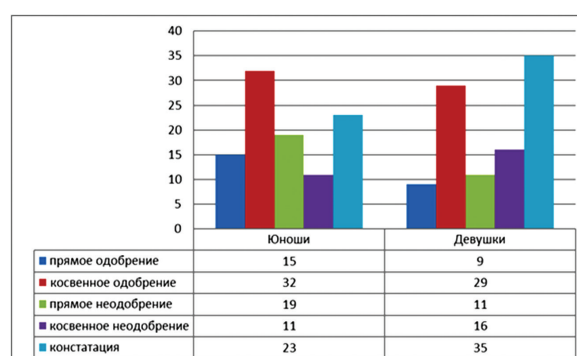

Диаграмма 3. Результаты прагматического эксперимента с группой читателей по скрытой прагматической стратегии «Оценивание коммуникативного успеха речевого взаимодействия Отправителя и Получателя сообщения»

Юноши демонстрировали относительно больший скепсис по отношению к тексту, нежели это было присуще девушкам. В общих же показателях преобладают категории одобрения на уровне как прямой оценки: «хорошо, интересно, не знала, что такие авторы существуют», так и косвенной: «принципиальная позиция автора»; «ключевое в истории»⁴.

Четвертый этап включал в себя интервью, проведенные в форме свободной беседы по теме изучения арабо-христианских источников, которые существенно дополнили результаты анализа. Из числа участников опроса согласились пройти интервью 48 респондентов. Из них 16 юношей, и 32 девушки. Во время беседы обсуждались вопросы роли и значимости арабо-христианской литературы и проблемы ее интерпретации. Исследователи обращали внимание на оценочные суждения, а также прямые и косвенные цитаты, использованные участниками бесед.

Общие наблюдения показали, что обучающиеся рассуждают на темы, поднимаемые в текстах

² Языковая характеристика ар-Рахиба. – Прим. Г. М., Г. М., Ф. Б.

³ С положительной коннотацией. – Прим. Г. М., Г. М., Ф. Б.

⁴ Христианства на Ближнем Востоке. – Прим. Г. М., Г. М., Ф. Б.

¹ Как вводное слово. – Прим. Г. М., Г. М., Ф. Б.

литературных памятников, и оценивают их с различных позиций. При этом оценочность и подход к интерпретации можно представить в следующем виде:

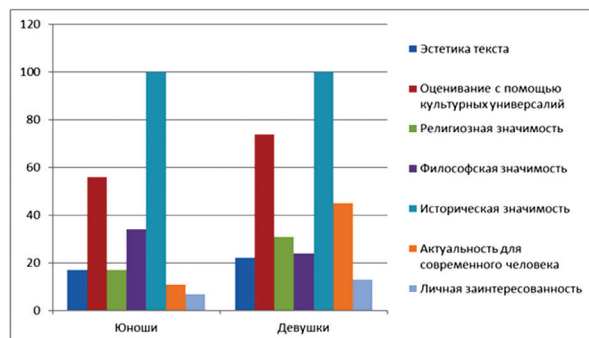

Диаграмма 4. Результаты интервью с группой читателей

Оценивания определялись по пунктам, где каждый пункт указывал процент от 100 % возможных оцениваний по данному пункту. Причем студенты проявили личную заинтересованность в конкретике текста, не только с позиции формального участия в эксперименте, но и с учетом личных впечатлений.

В беседах отмечалось, что для многих данные тексты стали открытием малоизвестных и неожиданных страниц истории христианского вероучения. Часть бесед носила характер заочной полемики с авторами, в частности с ар-Рахибом, что говорит о глубоком впечатлении, которое оказал на читателей его текст. Важно отметить, что во всех случаях участниками бесед подчеркивался личный опыт и личные представления о языковых контактах с религиозными текстами, характер восприятия христианского вероучения, в том числе на основе императивов семейного воспитания.

Проведенные исследования коррелируют с результатами анализа авторов научных статей, приведенного в начале данного исследования. Впечатление, которое переводы текстов арабо-христианских авторов оказывают на читателя, имеет в большинстве положительный характер. А тяготение к дискуссии и подчеркивание значимости текстов для личного генезиса, которое можно наблюдать в статьях и беседах с читателями, говорит об актуальности прагмалингвистического воздействия перевода и о достижении перлокутивного эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В речевом поведении можно выделить три стереотипа: речевой, представляющий собой чужую речь, используемую говорящим, коммуникативный – клишированные обороты, изменяемые в одних и тех же ситуациях, и ментальный, подразумевающий привычные реакции в языковой и неязыковой форме.

Достижение перлокутивного эффекта перевода малоизвестных широкому читателю текстов, выраженное в равнодушии, полемике и личностно ориентированной оценочности, говорит об успехе перевода и значимости текста для читателя, несмотря на временное и лингвистическое расстояние, отделяющее современного человека и арабо-христианскую литературу. Прагматическая направленность перевода определяется сквозь призму восприятия текста читателем и его отношения к идейному и социокультурному окружению, вербально-поведенческому взаимодействию. Перлокутивный эффект имеют переводные тексты, оказывающие прагматически направленное

воздействие на личность читателя, его культурно-языковые потребности и затрагивающие его личностные императивы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVII. С. 151–170.
2. Austin J. L. Three Ways of Spilling Ink // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75. No. 4. P. 427–440.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2004.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2010.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики. М.: Инфра-М, 2023.
8. Сахарова Е. Е. Прагмалингвистические особенности проповеднического дискурса (на материале русского и немецкого языков): дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.

9. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Ленанд, 2021.
10. Миронина А. Ю., Сибиряков О. Н. Прагматический аспект перевода общественно-политических текстов // Вестник ВятГУ. 2013. Вып. 2–2. С. 114–117.
11. Матвеева Г. Г., Мясищев Г. И., Хорошевская Ю. П. Текстологические возможности идентификации личности автора текстов XIII–XV вв. (прагмалингвистический аспект) // Язык. Текст. Дискурс. 2020. Вып. 18. С. 114–125.
12. Брокельманн К. Христианско-арабская литература // Христианское чтение. 1908. Вып. 1. С. 132–141.
13. Ибрахим ибн Юханна Житие Антиохийского патриарха Христофора // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 28–61.
14. Булус ар-Рахиб Богословские и философские трактаты // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 70–149.
15. Моисеева С. А. «Житие Антиохийского патриарха Христофора» как памятник арабо-мелькитской агиографии кон. X – нач. XI в. // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 6–27.
16. Давыденков О. 2013: Булус ар-Рахиб и его творения // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 62–69.

REFERENCES

1. Searle, J. R. (1986). Chto takoye rechevoy akt? Kosvennyye rechevyye akty. Klassifikatsiya rechevykh aktov = What is a speech act? Indirect speech acts. Classification of speech acts. Novoye v zarubezhnoy lingvistike 17, 151–170. (In Russ.)
2. Austin, J. L. (1966). Three Ways of Spilling Ink. The Philosophical Review, 75(4), 427–440.
3. Karaulov, Yu. N. (2004). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Krasnykh, V. V. (2003). «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? = “Ours” among “strangers”: myth or reality? Moscow: Gnozis. (In Russ.)
5. Maslova, V. A. (2010) Lingvcul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Academia. (In Russ.)
6. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man. Moscow: Yazyki russkoi kultury. (In Russ.)
7. Matveyeva, G. G. (2023). Osnovy pragmalingvistiki = Fundamentals of pragmalinguistics. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
8. Sakharova, Ye. Ye. (2014). Pragmalingvisticheskiye osobennosti propovednicheskogo diskursa (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) = Pragmalinguistic features of preaching discourse (based on the Russian and German languages): PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)
9. Stepanov, Yu. S. (2021). V trekhmernom prostranstve yazyka. Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva = In the three-dimensional space of language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: Lenand. (In Russ.)
10. Mironina, A. Yu., Sibiryakov, O. N. (2013) Pragmaticheskiy aspekt perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov = Pragmatic aspect of translation of socio-political texts. Vestnik VyatGU, 2-2, 114–117. (In Russ.)
11. Matveyeva, G. G., Myasishchev, G. I., Khoroshevskaya, Y. P. (2020). Tekstologicheskiye vozmozhnosti identifikatsii lichnosti avtora tekstov XIII–XV vv. (pragmalingvisticheskiy aspekt) = Textological possibilities for identifying the personality of the author of texts of the 13th–15th centuries (pragmalinguistic aspect). Yazyk. Tekst. Diskurs, 18, 114–125. (In Russ.)
12. Brokel'man, K. (1908). Khristiansko-arabskaya literatura = Christian Arabic Literature. Khristianskoye chteniye, 1, 132–141. (In Russ.)
13. Ibrakhim ibn Yukhanna (2013). Zhitiye Antiokhiyskogo patriarkha Khristofora = Life of Antioch Patriarch Christophe. Araby-khristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka (pp. 28–61). Moscow. PTSGU. (In Russ.)
14. Bulus ar-Rakhib (2013) Bogoslovskiy i filosofskiy traktaty = Theological and philosophical treatises. Araby-khristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka (pp. 70–149). Moscow. PTSGU. (In Russ.)
15. Moiseyeva, S. A. (2013) «Zhitiye Antiokhiyskogo patriarkha Khristofora» kak pamyatnik arabo-mel'kitskoy agiografii kon. X – nach. XI v. = “The Life of Antioch Patriarch Christopher” as a monument to the Arab-Melkite hagiography of the end. X – beginning XI century. Araby-khristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka (pp. 6–27). Moscow: PTSGU. (In Russ.)
16. Davydenkov, O. (2013) Bulus ar-Rakhib i yego tvoreniya = Bulus ar-Rahib and his creations. Araby-khristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka (pp. 62–69). Moscow: PTSGU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвеева Галина Григорьевна
доктор филологических наук, профессор кафедры Интегративной и цифровой лингвистики
Донского государственного технического университета

Мясищев Георгий Игоревич
кандидат филологических наук, доцент Интегративной и цифровой лингвистики
Донского государственного технического университета

Беланова Фотина Михайловна
аспирант Донского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Matveeva Galina Grigorievna
Doctor of Philology, Professor at the Department of Integrative and Digital Linguistics
Don State Technical University

Myasishchev Georgy Igorevich
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Integrative and Digital Linguistics
Don State Technical University

Belanova Fotina Mikhailovna
Postgraduate student of Don State Technical University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	17.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	20.06.2024	
	24.06.2024	

Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод

На Цзунюань¹, Гуань Сюэцзюань², И. С. Карабулатова³

^{1,2,3}Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

³Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

³Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

¹n3xuss@icloud.com, ²guanshan4500@sina.com, ³radogost2000@mail.ru

- Аннотация.** Авторы рассматривают аспекты современной переводной видеоигры, понимаемой как новый тип поликодового искусства благодаря использованию достижений нейроэстетики, истории, фольклористики, культурологии в виртуальных игровых вселенных и вероятностного прогнозирования речеповеденческих профилей пользователей видеоигр. Исследование выполнено на основе анализа переводов топонимических локусов в видеоигре, особое внимание уделяется специфике перевода в зависимости от страны, в которой данная игра получила распространение.
- Ключевые слова:** языковой корпус, гейм-индустрия, локализация, цифровой двойник, игровая топонимика, качество перевода, оптимизация переводоведения
- Благодарности:** Авторы выражают благодарность Специальному фонду Хэйлунцзянского университета для фундаментальных исследовательских проектов (проект №2020-KYYWF-0903), а также фонду Института перевода (№Z202304) и фонду провинции Хэйлунцзян (проекты № GJB1423248 и №JGXM_YJS_2022010) за финансовую поддержку проекта.
- Для цитирования:** На Цзунюань, Гуань Сюэцзюань, Карабулатова И. С. Игровая топонимика: влияние локализации китайских видеоигр на их перевод // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 134–142.

Original article

Game Toponymy: the Impact of Localization of Chinese Video Games on Their Translation

Junyuan Na¹, Xiujuan Guan², Irina S. Karabulatova³

^{1,2,3}Heilongjiang University, Harbin, China

³Lomonosov MSU, Moscow, Russia, ³Lumumba RUDN-university, Moscow, Russia

¹n3xuss@icloud.com, ²guanshan4500@sina.com, ³radogost2000@mail.ru

- Abstract.** The authors consider aspects of modern translated video games, understood as a new type of polycode art through the use of achievements in neuroesthetics, history, folklore, cultural studies in virtual game universes and probabilistic forecasting of speech and behavioral profiles of video game users. The study is based on the analysis of translations of toponymic loci in a video game, special attention is paid to the specifics of translation depending on the country in which this game is distributed.
- Keywords:** language corpus, game industry, localization, digital twin, game toponymy, translation quality, optimization of translation studies
- Acknowledgements:** The authors express their gratitude to the Special Foundation of Heilongjiang University for Fundamental Research Projects (Project No. 2020-KYYWF-0903), as well as the Foundation of the Institute of Translation (No. Z202304) and the Foundation of Heilongjiang Province (projects No. GJB1423248 and No.JGXM_YJS_2022010) for financial support of the project.
- For citation:** Na, Junyuan, Guan, Xiujuan, Karabulatova, I. S. (2024). Game toponymy: the impact of localization of Chinese video games on their translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 134–142.

INTRODUCTION

The challenges of translating video game locations involve the process of adapting an original game from one language and culture to other languages and cultures in order to make it more accessible to players in different countries and regions [Chandler, O'Malley-Deming, 2012; Kharlashkin, 2016]. These issues open up new aspects in digital toponymy, which has been highlighted literally only recently. The onomastic problems of translating video game loci relate to the process of translating an original game from one language and cultural environment into other languages and cultural environments in order to better adapt to players in different countries and regions. Building the toponymic space of a video game is an important part of the global promotion of game developers. Chinese gaming products are of great interest to the international user audience, which creates serious challenges for translators. Currently, interdisciplinary research in the field of ideology as a new science based on the multicomponent analysis of computer games is actively developing [Wilson, 2012].

The relevance of this study lies in the insufficient research on the phenomenon of video games in translation studies [Khoshsalighen, Zoraqi, 2022]. The study focuses on the toponymic space within a video game, which is related to the process of localizing event action, translating text, and adapting game interfaces, dialogues, and images to ensure a consistent user experience for players in different countries.

The toponymy of a video game is an important component of the so-called geolocation mobile games, which are a variant of a digital double of a map of the real world, at the same time it can represent a digital double of a fictional mental world created by analogy with physical reality, folklore and artistic ethnocultural tradition of naming the area [Bukharova, 2021; Włodowska, 2021].

Consequently, the localization of video games is a complex process that involves transforming the original game from its original language and cultural context into other languages and cultural settings, as well as adapting game elements such as text, dialogue, images, and interface. The aim of localization is to provide a more satisfying gaming experience for players from different countries and regions by taking into account their linguistic and cultural differences. In this regard, the term “localization” is an appropriate definition, as defined by A. D. Schweitzer: “the process of interlingual and intercultural communication” [Schweitzer, 1988, p. 20].

Translation is the conversion of content from one language into another, while maintaining the original meaning and intent. This is particularly important

for documents, technical publications, and scientific journals, as these types of texts need to be accurate in conveying information. It is essential to ensure the accuracy of translations to ensure that the meanings in the target language are consistent with those in the source text.

Thus, there are many points of view on the study of video game localization, such as metaphorical game toponymy and its translation, the application of developments in digital humanities, projective management, and the use of a digital twin.

MATERIALS AND METHODS

In this study, we use Citespace as a visualization tool for conducting hotspot analysis. This allows us to identify the shortcomings of current research and consider the prospects in this area in the future. The following main sources were used to search for literary materials: China National Knowledge Infrastructure (China), eLibrary.RU and Web of Science (WoS). Literature data from WoS and CNKI can be imported into Citespace for visualization, data from eLibrary.RU cannot be imported in a format supported by Citespace. That's why we use the built-in analysis tools.

The philosophical and phenomenological approach is aimed at focusing on new phenomena that arise when diving into the space of the digital twin of linguistic culture in a video game: the symmetry of instruction, clustering of evaluative reflection, the need for a virtual assistant, and increasing the value of communication among gamers.

The perspective that can most directly improve translation quality is a translation perspective. However, traditional translation theory may not be applicable to the localization of video games, which often involve a large volume of text and complex data extraction processes. This presents a challenge for studying the localization of video games from a translation theory perspective.

Corpus translation can accurately analyze the macro and micro characteristics of a language, allowing translators to quickly understand the characteristics of a text and contribute to the optimization of the translation process by analyzing corpus data.

In this paper, Citespace is used as a visual research tool to conduct literature research for the period from 2013 to 2022. This research provides an insight into the current state of research and its shortcomings, as well as prospects for future development. The development of the video game industry is closely linked to the globalization process, and research into the localization of video games is actively ongoing. In this paper, we have analyzed the

current state of localization research for video games in three languages: Chinese, Russian, and English.

The following research methods were used during the course of this project:

1. Methods of analysis and synthesis to collect and generalize theoretical material.
2. Pre-translation analysis to accurately understand the translation unit in context.
3. Comparative analysis to identify differences between linguistic units in the original text and the translation.
4. Continuous sampling to compile lists of toponyms, anthroponyms, and their translations in English, Chinese, and Russian for further analysis.
5. Descriptive method to ensure the most accurate and complete transmission of the theoretical basis.
6. Statistical calculation to process the results obtained.
7. Computer visualization of the findings.

RESULTS

In CNKI, 27 relevant articles were found for the keyword “localization of video games”, including 2 articles from the core of Peking University and CSSCI (Chinese Social Sciences Citation Index). The number of relevant articles is shown in the figure.1. In 2022, 7 articles were published, which is 133 % more than in 2021, but still significantly less than the 57 articles published in eLIBRARY.RU. At the same time, there is a lot of research on the localization of games on eLibrary.RU is growing year by year, the average increase is 47.4 %, the largest increase is 100 % in 2019.

The amount of relevant literature available in the main library at eLibrary is significantly larger than in WoS and CNKI. This indicates that foreign researchers devote much more effort to researching game localization compared to Chinese researchers, who are lagging behind in this area. The quality of the research outputs from Chinese scholars is also lower (fig.1).

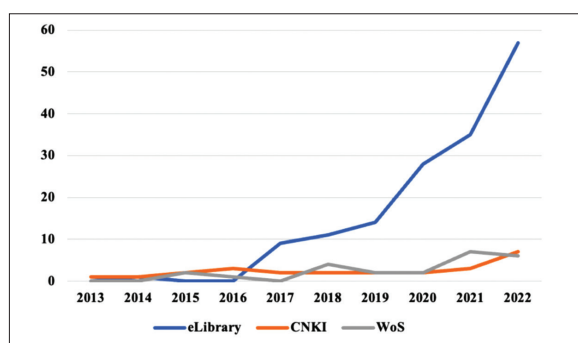

Fig. 1. The number of publications in eLibrary.RU, CNKI and WoS

According to the number of articles in the core of Web of Science, it can be found that the largest number of publications related to the localization of video games was carried out in Spain – only 9 articles, which is 30% of the total number of publications. Spain is followed by Jordan with 3 articles, which is 10%, and Iran with 2 articles, which is 6.7%. Compared to these countries, the United States, as one of the most developed countries in the global video game industry, has released only 1 article. This indicates that extensive and in-depth academic research on video game localization has not been conducted in the United States.

Despite the fact that American game companies are responsible for the localization of various language versions, there has not been enough academic research on game localization in the United States. In Spain, English is not the official language, so non-Spanish localization teams face certain problems in the localization process, and these problems are usually described in academic research conducted in the target language countries.

Russia ranks third in the world in terms of the number of players after the United States and China, so there is a large amount of literature on the topic of localization of video games in Russia. However, most of this literature is not included in the core of the RSCI (Russian Science Citation Index), and the quality of research is lower than in the Web of Science (Fig. 2).

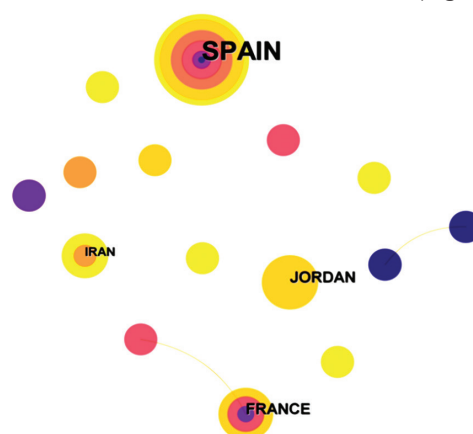

Fig. 2. Country of origin of analytical literature on localization of video games

In the Web of Science, only three authors have published more than two articles on the topic of localization of video games. The most published author is Carme Mangiron from Barcelona, Spain, with four articles on the subject. The second most published author from the University of Jaime I, Spain is Laura Mejias-Clement, who has three publications, mainly in the field of multimodality and dubbing of video games. Mohammed AL-Batineh also has three publications and deals with linguistics and player

preferences in video game localization. Zhang Wu Jiang from the Beijing Institute of Electronic Science and Technology has the largest number of articles on CNKI – two, and his main research interests are related to localization and translation strategies.

Table 1

TOP-10 TERM'S

№	Term	Frequency
1	Video games	12
2	Video game localization	12
3	Localization	6
4	Arabic video game	3
5	Localization	3
6	Translation	2
7	Innovation	2
8	Video game industry	2
9	Language	2
10	Knowledge audiovisual translation	2

A comparative table of the number of publications is shown in Table 1. As can be seen from the figure, the popularity of domestic research on game localization is significantly lower compared to foreign countries. Since 2014, the annual number of articles has been around 2, with only a slight increase in the number published in 2022 to 7. While this represents a significant growth compared to the previous eight years, the total number of publications remains significantly lower than that of eLibrary, which published 57 articles in EN. For comparison, the popularity of game localization research in RU has grown steadily year on year. Since 2017, the number of posts has increased year after year, with an average increase of 47.4 %. The largest increase occurred in 2019, when it reached 100 %. Growth in 2022 also reached 63 %.

The number of related documents in the Web of Science core library is significantly higher than in the e-Library. This indicates that foreign scientists pay more attention to game localization research than Chinese researchers. However, domestic research on game localization is relatively behind, and the quality of the research results is lower. A keyword search for “localization of video games” in the Web of Science database yielded 30 relevant publications. After visualizing the data using CitespaceV, Figures 3 and 1 were generated. The localization of video games is a complex process that involves translating content from one language to another, and Arabic localization is one of the most significant areas. This is because the Arabic language has unique features that make it challenging to translate text effectively. Audiovisual translation, such as subtitle translation and voice acting, is an integral part of this process. Additionally, cultural adaptation plays a

crucial role in localization, as video games often have a strong cultural identity and context that can influence player experiences. Proper cultural adaptation can help to mitigate the negative effects of cultural shock for the audience of a game.

After conducting a visual analysis, it becomes clear that the study of video game localization has many disadvantages. Data analysis methods are not sufficiently systematic and scientific, and most of the work is based on the analysis of individual cases. However, this approach is not able to identify the general characteristics of the text under study and does not exclude the influence of other factors on the conclusions.

According to the keywords “localization of video games”, 30 related publications were identified in the Web of Science database. After visualizing the data in CitespaceV, Figure 3 was obtained. Localization of video games is a complex translation process, and it can be noted that localization of video games in Arabic is one of the main directions. This is due to the fact that the Arabic language has its own unique features in the display of text, which creates certain difficulties for the localization of video games in this language. Audiovisual translation is an important part of the localization of video games, the process of converting non-written forms of expression into written ones, including translation of subtitles, dubbing, etc. In addition, cultural adaptation is an important factor in localization, since video games have a cultural affiliation, and different cultural contexts can significantly affect players. Proper cultural adaptation helps to avoid the negative impact of cultural shock on the audience of the game.

After conducting a visual analysis, it becomes clear that the study of video game localization has many disadvantages. Data analysis methods are insufficiently systematic and scientific, and most of the work is based on the analysis of individual cases. However, this approach is not able to identify the general characteristics of the text under study and does not exclude the influence of other factors on the conclusions.

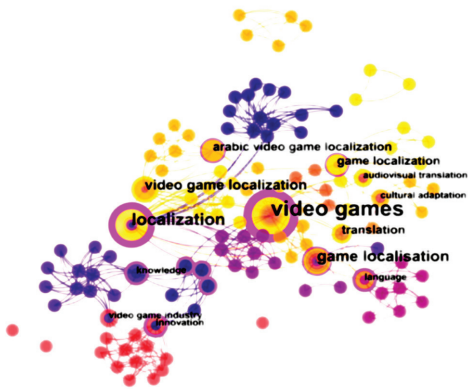

Fig. 3. Research trends in video game localization

A good translation that accurately conveys all the nuances of the original text plays an important role in how the target audience perceives a product. Poor-quality translations can not only ruin a player's experience by destroying the atmosphere of a game, but they can also affect the player's decisions, changing the course of the plot.

One of the main challenges in translating computer games is dealing with proper names. In particular, anthroponyms (names of people) and toponyms (place names) can play a significant role in conveying the intended meaning of the author. The presence of these names in the game's text, which are designed to trigger certain associations in the player, can lead to difficulties in translation.

During localization, the main focus is on adapting the product to the new target market's culture, rather than trying to preserve the characteristics of the original culture.

Depending on their budget and goals, companies can choose different levels of localization. If we consider that localization is more important, the more words of a certain type in the game, and the more significant the text is for making decisions in the gameplay, MMORPGs, RPGs, and quests will come first, while puzzles and casual games will be last. There are six levels of localization, and each subsequent level includes all the previous levels:

1. Paper localization (includes translating the box, user manual, etc.).
2. Economic localization (the entire text in the game is translated, from the interface and subtitles to hints and descriptions).
3. In-depth localization (sound files are also translated, and the game is played again).
4. Excessive localization (graphic objects are also localized; it may be necessary to change the text or remove certain characters prohibited in the target country).
5. Deep localization (the scenario adapts to a specific country) [Merlian, 2014, p. 245].

So, the localization of games is becoming an increasingly integral part of their promotion on the international market in today's world, and therefore, the need for high-quality implementation is also growing, including the translation of game text. Creating a vast majority of large games takes years and a significant amount of money, so companies are interested in ensuring that they successfully enter foreign markets, among other things.

In this regard, preference is given to the highest level of game localization, which implies the maximum level of cultural adaptation, with the depth of localization ranging from economic to deep, if necessary.

Proper names often have a complex semantic structure and the ability to transform. They also have numerous connections with other units and categories in the language. Anthroponyms, for example, can indicate the gender and nationality of a person. In computer games, there are special categories of anthroponyms that indicate the status of a character. When creating toponyms, productive models are used to give them typical, familiar features for native speakers.

DISCUSSION

The development of the video game industry is intrinsically linked to the process of globalization, and research into the localization of video games has also progressed.

Localization of computer games has also been described by H. M. Chandler and S. O'Malley-Deming [Chandler, O'Malley-Deming 2012] as the process of translating games into other languages. However, Chandler herself clarifies that localization involves many stages beyond simply translating text, audio, or video files. Based on this, the author suggests using the term "linguistic localization" to more accurately describe the process. A. Pym believes that localization is often mistakenly referred to as a complete process of translating and adapting products, when in fact it should only refer to changing details for better understanding by the target culture [Pym, 2011].

Localization of video games is partially similar to literary translation, but there are some important differences between the two processes. In literary translation, the main goal is to preserve the original meaning and beauty of the text, while in localization, the focus is on adapting the text to the target audience and culture [Bredikhin, Leonov, 2019].

While both processes involve translating text from one language to another, the approach is different. In literary translation, attention is paid to preserving the original style and structure of the text. However, in localization, the goal is to create a text that is easy to understand and enjoyable for the target audience. This means that the language may be simplified or adapted to suit the cultural context. Because of this, during the process of localization, it is important to ensure that the functional needs of the game take precedence over cultural factors.

Zhu Xuan argues that the incorrect adaptation of cultural images in the localization of video games can lead to translators imposing their own interpretations, making it difficult for players to fully understand the cultural context of the game [朱璇, 2014].

Low research value of language materials used in video game localization. To conduct research on the localization of video games, it is essential to choose

high-quality sources of language materials. The language materials in publications selected from the e-library and WoS websites are mainly derived from AAA (triple-A) games, such as Hyperpunk 2077, The Witcher 3, and Some of Us. These games provide a vast amount of language material, sufficient to create a small corpus.

However, it has been found that many researchers simply take the text from the game's gameplay and justify their conclusions based on these language materials. As a result, there may be serious problems with the source of the language materials selected, as more or less subjective factors can affect the objectivity of the conclusions.

The choice of appropriate name translation methods will depend on the approach the translator takes: foreignization or domestication. Domestication is inherent in the highest level of adaptation to the target culture. In recent years, domestication has gained popularity, as jokes, cultural references, and wordplay are adapted pragmatically, and transcription is often used to transform the translated text completely. Sometimes, the need to consider several factors can lead to some being sacrificed in favor of others. For example, to convey the national character of a name's design, it may be necessary to give up preserving its internal form [Em, Toizhan, 2022; Khoshsalighen, Zoraqi, 2022].

Video game localization studies lack analysis using corpus tools, most articles provide only analyses of individual examples. The use of corpora makes it possible to clarify the nature of localization, properties and laws of the localization process in the field of translation studies more effectively. According to Figure 4, it can be seen that popular areas of research are legal translation, news translation, parallel corpus, corpus translation studies, corpus linguistics, etc. Popular research languages are English, Chinese, Spanish, French, Russian, etc. Currently, there is still no study of video game localization using corpus tools, and video games as software extract text materials relatively more easily and efficiently.

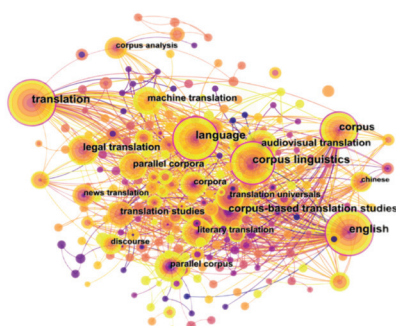

Fig. 4. Visualization of research on the topic of corpus translation studies

Currently, research on corpus-based translation studies in China mainly focuses on the individual

translator's style, translation universals, teaching translation, interpretation research, and other related fields. However, there is a lack of corpora and research related to the localization of video games, despite the strong compatibility between video games and corpus-based tools. Extracting and processing textual materials from video games is relatively easier compared to other types of materials, which presents new research opportunities in the field of video game localization using corpus-based translation tools [Mikhailin, 2023; Peng, 2022].

Video games, by their very nature, have a high cultural significance. Cultural factors take priority in the localization process, being one of the most fundamental and important aspects of video games [Fekete, Porkoláb, 2019]. If these cultural factors are not taken into account during the localization, strong negative reviews are likely to arise in the target country.

First and foremost, it is essential to understand the significance of the cultural context in video games. The cultural elements of video games stem from various sources, and therefore, it is crucial for localization teams to research relevant encyclopedias, literature, and consult with professionals in this field in order to guide the localization process [Shkurko, 2022]. As T. V. Em & J. N. Toizhan suggests, creating space for cultural contexts in games is vital in preserving the experience, atmosphere, and emotions that video games offer players [Toizhan, 2022].

Secondly, it is essential to integrate cultural aspects more deeply into the localization process and enhance the professionalism of teams working on this task. At present, many gaming companies employ localizers with varying levels of cultural sensitivity and translation expertise. Therefore, it is crucial to provide adequate training for localization teams and choose only highly skilled localization service providers.

Thirdly, video game texts should be actively analyzed using corpus tools. The data obtained from this analysis should then be analyzed using the principles of corpus translation studies. These tools can help researchers analyze texts at both the micro and macro level, revealing information that may not be visible in individual studies, and generating new ideas for optimizing localization.

CONCLUSION

Based on the results of this study, it is possible to conclude that visualization methods based on CiteSpace can be very useful for analyzing trends in the field of computer game localization. This approach allows researchers to better understand the

structure of scientific papers related to this topic and identify the most significant and relevant areas in this field. In addition, the results of the study can be used to identify promising areas for further research in computer game localization.

While the analysis of individual cases of video game localization may not be sufficient to create a comprehensive theoretical base, the use of corpus-based tools for analyzing video game textual data is a viable solution.

Until now, there has been no single algorithm for bringing the game to the international level, and decisions on globalization are made individually. Nevertheless, large projects are fully localized,

which indicates the importance of localization for the product's success.

Proper names, such as anthroponyms and toponyms, which are particularly interesting for this research, occupy a special place in translation. Translators working on them need to consider more factors than they do with other text units, such as preserving tradition, allusions, references to nationality, and additional connotations. The onomastic world of video games, especially game toponymy, structures the understanding of geolocation in so-called mobile games, so that the variant of the digital twin of offline reality begins to influence the perception of the map of the real world, its history and culture.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chandler H. M., O'Malley-Deming S. The Game Localization Handbook. 2nd ed. Sudbury, MA; Ontario and London: Jones & Bartlett Learning, 2012.
2. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-92-98.
3. Wilson P. The Video Game Industry: Formation, Present State, and Future: Formation, Present State, and Future. ProQuest Ebook Central: Taylor & Francis Group, 2012.
4. Khoshsalighen M., Zoraqi A. A. Enhancing Video Games Localization through Dubbing // Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts. 2022. № 8 (3). P. 342–347.
5. Бухарова А. А. Имя собственное как прецедентная номинация в составе лексико-грамматической конструкции XYZ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 135–147. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_135.
6. Włodowska Z. (2021). Wybrane toponimy w rosyjskim przekładzie gry The Elder Scrolls V: Skyrim // Pattern Recognition. 2021. № 1 (173). S. 218–232. doi:10.31261/pr.8957.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода: состояние, проблемы, аспекты/ под ред. В. Н. Ярцева; Академия наук СССР, Институт языкознания. М.: Наука, 1988.
8. Мерлиан С. Э. Локализация как вид переводческой деятельности// Коммуникативные аспекты языка и культуры: материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. С. 241–247.
9. Рум А. The Oxford Handbook of Translation Studies. New York: Oxford University Press Inc., 2011.
10. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформация структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2019. Т. 1. С. 70–76. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-70-76. – EDN TISHLZ
11. 朱璇. 游戏翻译中文化意象的翻译策略[D]. 北京外国语大学, 2014 = Чжу Сюань. Переводческие стратегии культурных образов в игровом переводе. Пекинский университет иностранных языков, 2014 (на кит. яз.).
12. Эм Т. В., Тойжан Ж. Н. Особенности передачи культурных реалий при локализации видеоигр // Достижения в науке и образовании 2022: сборник статей II Международного конкурса научных исследований, Пенза, 15 мая 2022 г. Пенза: Наука и образование (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 112–114. EDN IIWWDM.
13. Михайлин И. А. Топонимика компьютерных игр (на материале игры «Ведьмак 3. Дикая охота») // Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа. II Новиковские чтения: материалы Международной научной конференции по общей и региональной ономастике. Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2023. С. 128–131.
14. Peng W Q. Video game localization as homecoming in Total War: Three Kingdoms // Translator. 2022. № 28 (1). P. 95–111.
15. Fekete T., & Porkoláb Á. From Arkngthand to Wretched Squalor: Fictional place-names in The Elder Scrolls universe // ICAME Journal. 2019. № 43. P. 23–58.

16. Шкурко Е. А. К вопросу о возможных трудностях при переводе русскоязычных видеоигр (на примере видеоигры «Metro: 2033 Redux» и ее английской локализации) // Шаги в науку: сборник материалов Межвузовского научного семинара, Брянск, 18 ноября 2022 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2022. С. 112–118. EDN UFTMRY.

REFERENCE

1. Chandler, H. M., O'Malley-Deming, S. (2012). The Game Localization Handbook. 2nd ed. Sudbury, MA; Ontario and London: Jones & Bartlett Learning.
2. Kharlashkin, M. (2016). Features of discourse of videogames. Bulletin of the Moscow State Regional University, 1, 92–98.
3. Wilson, P. (2012). The Video Game Industry: Formation, Present State, and Future: Formation, Present State, and Future. ProQuest Ebook Central: Taylor & Francis Group.
4. Khoshsalighen, M., Zoraqi, A. A. (2022). Enhancing Video Games Localization through Dubbing. Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts, 8(3), 342–347.
5. Bukharova, A. A. (2021). Proper names as precedent nominations within the XYZ construction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 135–147. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_135.
6. Włodowska, Z. (2021). Wybrane toponimy w rosyjskim przekładzie gry The Elder Scrolls V: Skyrim. Pattern Recognition, 1(173), 218–232. doi:10.31261/pr.8957.
7. Schweitzer, A. D. (1988). Theory of translation: status, problems, aspects / ed. by V. N. Yartsev; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Merlian, S. E. (2014). Localization as a kind of translation activity. In Communicative aspects of language and Culture (pp. 241–247): Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University. (In Russ.)
9. Pym, A. (2011). The Oxford Handbook of Translation Studies. New York: Oxford University Press Inc.
10. Bredikhin, S. N., Leonov, A. A. (2019). Transformation of the concept structure in the process of localization of computer games with elements of the fantasy genre. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 1, 70–76. 10.29025/2079-6021-2019-1-70-76. EDN TISHLZ. (In Russ.)
11. 朱璇. 游戏翻译中文化意象的翻译策略[D].北京外国语大学, 2014. Zhu Xuan. (2014). Translation strategies of cultural images in game translation. Beijing Foreign Studies University. (In Chinese)
12. Em, T. V., Toizhan, J. N. (2022). Features of the transmission of cultural realities in the localization of video games. In Achievements in Science and education 2022 (pp. 112–114): collection of articles of the II International Scientific Research Competition, Penza, May 15, 2022. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.). EDN IWWDM. (In Russ.)
13. Mikhailin, I. A. (2023). Toponymy of computer games (based on the material of the game “The Witcher 3. Wild Hunt”). In The Russian language in the educational space of Southern Russia and the North Caucasus. II Novikov readings (pp. 128–131). Proceedings of the International Scientific Conference on General and Regional Onomastics. Maikop: Publishing House of the Adygea State University. (In Russ.)
14. Peng, W Q. (2022). Video game localization as homecoming in Total War: Three Kingdoms. The Translator, 28(1), 95–111.
15. Fekete, T., Porkoláb, Á. (2019). From Arkngthand to Wretched Squalor: Fictional place-names in The Elder Scrolls universe. ICAME Journal, 43, 23–58.
16. Shkurko, E. A. (2022). On the issue of possible difficulties in translating Russian-language video games (using the example of the video game “Metro: 2033 Redux” and its English localization). Steps into science (pp. 112–118): collection of materials of the Interuniversity scientific seminar, Bryansk, November 18, 2022. Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. EDN UFTMRY. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

На Цзунюань

аспирант Института русского языка
Хэйлунцзянского университета

Гуань Сюцзюань

доктор филологических наук, профессор
заместитель директора Института русского языка
Хэйлунцзянского университета

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор
руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий
Института русского языка Хэйлунцзянского университета
руководитель проекта
ведущий научный сотрудник лаборатории «Машинное обучение и семантический анализ»
Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Na Junyuan

post-graduate student
Institute of Russian Language

Guan Xiujuan

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Deputy-director of Institute of Russian Language, Heilongjiang University

Karabulatova Irina Sovetovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of Scientifical-Research Center of Digital Humanitarian Technologies, Institute of Russian Language, Heilongjiang University
Project Manager
leading researcher of laboratory of machine learning and semantic analysis, Institute AI, Lomonosov Moscow State University
professor of department of foreign languages of Faculty of Philology, Lumumba RUDN-university

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	16.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.06.2024	
	24.06.2024	

Амбивалентный образ Прометея – персонификация диалектики природы и цивилизации

А. П. Бондарев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
literatura_mglu@mail.ru*

Аннотация. Рецепция многотысячелетнего конфликта между природой и цивилизацией восходит к амбивалентному образу титана Прометея, персонифицирующему бифуркацию двух исторических тенденций – эволюционной и инволюционной. Диалогизация разума и чувства пробуждает историческое самосознание, которое сводит в диалоге инфантильные упования на благосклонность провиденциальной истории с претензиями конечновекторного евклидова разума, заменить суд незрячей истории судом догматической мысли.

Ключевые слова: Прометей, эволюционизм, инволюционизм, диалогизация, историческое самосознание

Для цитирования: Бондарев А. П. Амбивалентный образ Прометея: персонификация диалектики природы и цивилизации. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Гуманитарные науки. Вып. 9 (890). С. 143–152.

Original article

Ambivalent Image of Prometheus – Personification of the Dialectics of Nature and Civilization

Alexandre P. Bondarev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
literatura_mglu@mail.ru*

Abstract. The perception of the millennia-old conflict between nature and civilization goes back to the ambivalent image of the titan Prometheus, who personifies the bifurcation of two historical trends – evolutionary and involutionary. Dialogization of reason and feeling awakens historical self-awareness, which brings together in dialogue infantile hopes for the benevolence of providential history with the claims of finite-vector Euclidean reason to replace the court of blind history with the court of dogmatic thought.

Keywords: Prometheus, evolutionism, involutionism, dialogization, historical self-awareness

For citation: Bondarev, A. P. (2024). The ambivalent image of Prometheus: personification of the dialectics of nature and civilization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 143–152. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Генезис конфликта между цивилизацией и природой восходит к вражде добрых и злых божеств древних мифологий. Шумерские Мардук и Тиамат, зороастрийские Ариман и Ормузд, индуистские Вишну и Шива, древнегреческие Аполлон и Дионис, ветхозаветные Бог и Сатана воплощают борьбу созидательных и разрушительных сил Большой истории. Когнитивное сознание, реагирующее на смену конкретно-исторических форм междоусобной войны природы и культуры, вычленило эпохи, отдававшие предпочтение цивилизации в ее конструктивном противостоянии разрушительным природным катаклизмам, и эпохи надежд, возлагаемых на природу, живущую по законам органической регуляции, в свете которой проявлялись подрывающие основы жизни последствия технического прогресса.

Ретроспективная рецепция многотысячелетнего конфликта между природой и цивилизацией обнаруживает в амбивалентном образе титана Прометея бифуркацию двух исторических тенденций – эволюционной и инволюционной.

ЭВОЛЮЦИОНИСТЫ

Эволюционисты традиционно прославляли титана как основателя и покровителя цивилизации. Брат недалёковидного Эпиметея даровал обделенному естественными средствами защиты человеку огонь – символ пробудившегося разума, – а вместе с ним и перспективу научно-технического *прогресса*, за что подвергся распятию на скале Гефестом и телесным истязаниям Орлом – исполнителями мстительной воли Зевса (Apollod. I. 7,1). В диалоге со Старшей Океанидой герой трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» со сдержанным достоинством обосновывает свою альтруистическую позицию тем, что разум, который он возжиг в людях, помог им в их борьбе за физическое и историческое выживание:

Они как дети были несмышленные.
Я мысль вложил в них и сознания острый дар.

Пер. А. И. Пиотровского

Восприятие Прометея как благодетеля человечества было прервано католическим Средневековьем, объективировавшим себя в противостоянии язычеству греко-римской Античности. Согласно А. Ф. Лосеву, «Прометей никак не мог быть популярным в христианской средневековой литературе, потому что Прометей как создатель людей

имел своего мощного конкурента в христианском Боге, а Прометей как страдалец за людей имел здесь своего мощного конкурента в Христе» [Лосев, 1976, с. 207].

Средневековая теология ставила и решала дилемму свободы и необходимости в парадигме категорий христианской антропологии.

ПРОВИДЕНИЕ И СВОБОДА ВЫБОРА

Расширяющееся историческое сознание средневекового человека открывало перед ним Христа, Сына Божия, как основателя и идеолога «Града Небесного» (Августин). Вертикаль религиозного строя души обесценивала горизонталь «града земного» – территориальных амбиций Древнеримской империи: «Из этого-то града и выходят враги, от которых нам надлежит защищать град Божий», – предостерегал Августин.

Возвышение Града Небесного над градом земным выявляло преемственность искупительной жертвы Христа мифу об альтруисте Прометее. Рабству у «града земного» Блаженный Августин противопоставил в «Исповеди» (397–400) добровольное приятие бремени Божьего Промысла («Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко Мф. 11:30): «Да подставляю шею свою под удобное ярмо Твое и плечи под легкую ношу Твою, Христе Иисусе, “Помощник мой и мой Искупитель”», – с веселием в сердце исповедуется Августин [Августин, 1992, с. 229]. Благостное смирение Августина, духовно вознесшее его над уничижительной борьбой честолюбий, проникалось утешением, которое Христос оставил в наследство Своим ученикам перед неизбежной разлукой:

³² «Вот, наступает час и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою *сторону* и Меня оставите одного: но Я не один, потому что Отец со Мною.

³³ «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16: 32–33).

Сын Божий пророчил духовное освобождение от порождаемых социальной конкуренцией страданий.

В «Слове о Законе и благодати» (XI век) митрополит Иларион Киевский возгласил верховенство христианской Благодати над «идольской лостью» язычества и иудаизма. «Что дал Закон, и что Благодать? / Прежде Закон, потом она, Благодать. / Прежде лишь тень, потом – истина» [Митрополит Иларион, 2011, с. 41]. Внешний Закон был дан Богом через Моисея, а Благодать и Истина проявлены Иисусом Христом через душевную гармонию. Познание

дарующей Благодать Истины превратилось в главную заботу христианина, направленную на обретение себя в Боге и Бога в себе.

Поощряемое Реформацией расширение гносеологического поля способствовало осмыслению «символов веры» не как сводов малопонятных и трудноисполнимых Законов Ветхого и Нового Заветов, а как признание человеческой немощи, уповающей на Божью Милость.

В трактате «О свободе христианина» (1520) Мартин Лютер, инвертировав члены языческой корреляции телесного и духовного, постулировал принципиальную вторичность внешней человеческой ипостаси, «телесной и ветхой», признав иерархическую первичность внутренней – божественной и бессмертной: «Очевидно, что извне ничто не оказывает никакого влияния на формирование христианской праведности или свободы, или же на формирование несправедности, или рабства» [Лютер, 1994, с. 26].

Эпоха Возрождения вменила гуманистам труд вживания в диалектику борьбы духовной свободы и исторической необходимости, определяющей смысл каждого конкретно-исторического события. В поисках *ответственной* (способной к ответу) позиции по отношению к корреляции сакрального провиденциализма и исторической закономерности Эразм Роттердамский нашел опору в античном рационализме сократовского типа («Познай самого себя»). В «Диатрибе, или Рассуждении о свободе воли» (1524) он вступил с Лютером в полемику по вопросу дилеммы веры и знания. Нравственный смысл поступка следует оценивать не как результат *воздействия* на праведника осенившей его Благодати, а как итог верного либо ошибочного *понимания* исторического Промысла: Лютер, – скептически замечает Эразм, – «придает очень мало значения просвещенности и очень много духу, который иногда окропляет более невежественных людей тем, в чем отказывает мудрым». Не покидая пределов логической аргументации Священного Писания, Эразм приводит слова Господа, обращенные к Моисею: «Я положил перед лицом твоим путь жизни и путь смерти. Избери, что есть добро, иди за ним». Можно ли было сказать понятнее? – обосновывает Эразм преимущество осознанного поступка. – Бог показывает, что хорошо и что плохо, показывает награду за то и за другое: смерть и жизнь. Он оставляет человеку свободу выбора. Смешно, если говорят “избери” тому, у кого нет возможности обратиться в ту или иную сторону» [Роттердамский Эразм, 2000, с. 195].

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВКУСА

В сфере искусства необходимость обретения художником *самостоятельной* ценностной

позиции, равноудаленной как от надисторической религиозной догматики, так и от вневременной нормативности классической эстетики, актуализировала когнитивный потенциал *вкуса*, способного придать извлеченному из исторического события *смыслу* адекватную ему эстетическую *форму*.

Шефтсбери воспринял Прометея как художника, творчески реализовавшего продуктивность своего *промежуточного* положения между Юпитером и людьми – смыслом и формой. В трактате «Солилоква, или Совет автору» (1710) английский просветитель вознес хвалу титану как первому поэту, творящему не по прихоти фантазии, а по законам созданной Юпитером *natura naturans* – *порождающей себя природы*: «Но такой поэт – уже второй Творец, подлинный Прометей, ходящий под Юпитером. Подобно этому верховному художнику, или же всемирной *пластической природе* (выделено нами. – А. Б.), он созидает форму целого, соразмерную и пропорциональную самой себе, с должным соподчинением и соответствием составных частей» [Шефтсбери, 1975, с. 365–366].

ПРОМЕТЕЙ ГЛАЗАМИ ШТЮРМЕРОВ И РОМАНТИКОВ

Индивидуальный опыт автономного становления личности навевал *сентименталистам* настроения, удалявшие их от просветительского утилитаризма. В *Драматическом отрывке* «Прометей» (1773) молодой Гете вложил в уста титана аргументы, выстраданные «штюрмерами» – бунтарски настроенными по отношению к этико-эстетическому нормативизму энтузиастами движения “Sturm und Drang”. Гетевский Прометей, отклоняя призыв Меркурия чтить непреходящий авторитет родителей, обосновывает свой персонализм самоочевидной спонтанностью личностного роста:

Что мне отец! Что мать!
Откуда мы, кто знает?
Едва мои окрепли ноги,
Я встал на них.
Простер я руки,
Когда узнал, что можно протянуть их.
Отец и мать, как их зовешь ты,
Глядели на меня – и это всё.

Пер. М. Л. Михайлова

Прометей ощущает себя посланцем не «творящей природы» (*natura naturans*), а поощряющей индивидуальное становление «творящей истории» (*historia naturans*), от имени которой бросает вызов патриархальной власти Зевса и созидает людей не по его, а *по своему подобию*:

Я здесь сижу, творю людей
По образу и лику моему,
Мне равное по духу племя,
Страдать и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
К я.

Зевс мстит титану за отказ поделиться с ним пророчеством вещей мойр, согласно которому главу бессмертных сместит с престола его сын, рожденный от брака верховного олимпийца с морской богиней Фетидой. По истечении тысячелетий («тридцати тысяч лет») Прометей все же передал Зевсу через Гермеса смысл предсказания и в благодарность удостоился освобождения от оков.

В лирической драме «Прометей освобожденный» (1819) Перси Биши Шелли деконструирует примиренческую развязку в свете своего понимания непреклонности характера тираноборца. Сюжетная версия Шелли предполагает женитьбу Зевса на Фетиде, в результате которой от их брака, во исполнение пророчества, родился лишивший отца верховенства *Демогоргон*¹. Уполномоченный воспрявшим от исторического небытия человечеством Демогоргон провозгласил бесславную кончину «Небесного произвола»:

Раскрылся день зияюще бездной,
И в бездну канул произвол Небесный
По манию рожденного Землей...
Пер. К. Бальмонта

Шелли отверг вариант малодушного компромисса Прометея с Зевсом, исключавшего убедительную победу прогрессивного будущего над консервативным прошлым: «Освобожденный Прометей Эсхила, – обосновывает Шелли свой вариант переработки мифологического сюжета, – предполагал примирение Юпитера с его жертвой, как оплату за разоблачение опасности, угрожавшей его власти от вступления в брак с Фетидой. <...> Но, говоря правду, я испытывал отвращение к такой слабой развязке, как примирение Поборника человечества с его Утеснителем. Моральный интерес вымысла, столь мощным образом поддерживаемый страданием и непреклонностью Прометея, исчез бы, если бы мы могли себе представить, что он отказался от своего гордого языка и робко преклонился перед торжествующим и коварным противником» [Шелли, 1998, с. 69].

Дав сбыться роковому для Зевса пророчеству, Шелли возвел Демогоргона в ранг глашатая и проводника *времени*, возрождающего попорченное техническим прогрессом царство Природы.

¹Шелли заимствовал имя Демогоргона из трактата Д. Боккаччо «Генеалогии богов».

Остро переживая углубляющееся разобщение людей, естественное братство которых разрушалось враждой, разжигаемой искусственной цивилизацией, Шелли наделил представительствующую от имени всех родов искусств *Поэзию* даром переподчинить практический разум эстетическому чувству и восстановить в правах закон органической регуляции: «Поэзия есть действительно нечто божественное. <...> Это одновременно корень и цветок всех иных видов мышления; то, откуда все происходит, и то, что все собою украшает; когда Поэзию губят, она не дает ни плодов, ни семян; и пораженный бесплодием мир лишается и пищи, и новых побегов на древе жизни» [Шелли, 1980, с. 344].

Правда, Демогоргон не исключил и рокового развития событий, при котором питающий надежды на реванш технический прогресс попытается змеиным кольцом производственного цикла задушить природный цикл «вечного возвращения». Однако к тому времени овладевшее своей судьбой человечество найдет средство отринуть слепой демонизм прогресса и противопоставить ему зрячую волю «Терпеливого, Мудрого, Мужественного и Честного» жизнестроительства:

И если Вечность, на беду свою,
Освободит когда-нибудь змею
И та замрет, обвив ее собою,
То Человек заткнет Хаосу пасть
И восстановит прерванную власть
Над подлинной и понятой судьбою
Благодаря тому, что в мире есть
Терпенье, Мудрость, Мужество и Честь...

ИНВОЛЮЦИОНИСТЫ

Полемизируя со своими оппонентами-оптимистами, инволюционисты-пессимисты вдумывались в консервативную функцию психики Прометея: благодетель человечества, раздваивавшийся между эволюционным (прогрессивным) и инволюционным (регрессивным) проектами Большой истории, внушил людям «незрячие надежды» на будущее, чтобы не допустить трагического осознания ими факта своего подчинения автономному процессу расширенного воспроизводства:

ПРОМЕТЕЙ
Да, я избавил смертных от предвиденья.

СТАРШАЯ ОКЕАНИДА
От этой язвы исцеленье как нашел?

ПРОМЕТЕЙ
В сердцах надежды поселил незрячие.

Прометею хотелось думать, что, внушив людям безосновательную веру в будущее, он избавит их от осознания разрушительных для экологии последствий экспансии техногенной цивилизации.

Эволюционная концепция истории сохраняла за Прометеем статус благодетеля до тех пор, пока технический прогресс способствовал улучшению бытовых и производственных условий жизни. Метаморфоза титана из дарителя во вредителя совершалась по мере проявления амбивалентности прогресса, сопровождавшегося дегуманизацией общественных отношений. «Оковы природы» сменялись «оковами разума», обосновывавшего преимущества экономического принуждения над внеэкономическим. Мудрое предвидение Хора Эсхила указало Прометею на пагубность его охранительной стратегии: историческая диалектика, подменившая *цель* – средством ее достижения, а *жизнь* – адаптацией к ней, отравила сознание индивида *рефлексией*, лишившей его радости непосредственного присутствия в мире:

Что ж, ты похвалишь то знание,
что в душах людей пробудил?

Дать им сумел только жажду, –
а чем же ты их напоил?

Дал им надежду, желанья, любви
лихорадочный бред,

Воды ключей мелководных, –
бесплодный вопрос, – не ответ.

Между тем, упрек альтруистически настроенного Хора в свою очередь грешил односторонней недалекостью. Чуткая интуиция открывала Прометею, что истории, приводимой в действие не человеческими потребностями, а производственной Необходимостью, предстояло отвергнуть персонифицируемое Зевсом «естественное состояние»: «Слабее ум, чем власть Необходимости», – просвещает титан Старшую Океаниду.

Сопrotивляясь усиливающейся власти Необходимости, Зевс наказал не только Прометея, но и воспользовавшихся его даром людей: верховный олимпиец поручил Гефесту создать первую женщину, Пандору, «прекрасное зло» – воплощение притягательности игнорирующего этические нормы порока. Выпущенные Пандорой из ларца грехи наводнили мир страданиями и бедствиями, которыми люди расплачивались за угождение своим противоестественным – искусственным – страстям. Обеспечить их удовлетворение взялся свободный от моральных ограничений «чистый разум». В работе «Революция надежды. О гуманизации технологического общества» (1968) Эрих Фромм описал диалектику переподчинения общественной

морали автономной логике научного поиска: если технически можно создать нечто даже в ущерб человеческому здоровью и самой жизни, то это непременно будет создано: «Как только принимается принцип, что нечто должно быть сделано, потому что это технически возможно, все другие ценности развенчиваются, и развитие техники берется за основание этики» [Фромм, 2005, с. 54].

Перепроизводство и сверхпотребление дискредитировали «общественно необходимый труд». Потребление ради потребления трансформировало «волю к жизни» в «волю к власти». Социальный дарвинизм – порождение торгово-промышленной конкуренцией – возжег «войну всех против всех» – *bellum omnium contra omnes* (Т. Гоббс).

Зевс, вознегодовавший на разгул безнравственности, поручил Гермесу интегрировать в человеческую психику *моральный* компонент как контрапункт притязаниям «духа отрицанья». По словам платоновского Протагора, Гермес «низвел к людям стыд и правду, которые, служа украшением и союзом обществ, водворили бы в них дружество» [Платон, 2013, с. 585].

Для Гегеля, который на всех уровнях своего эволюционного панлогизма поэтапно отслеживал стадии диалектического становления «абсолютного субъекта познания», образ Прометея маркировал переход от враждовавших с Зевсом титанов, хтонических «чудовищ прежних времен» (Эсхил), к новым божествам олимпийского периода классической мифологии. Комментируя притчу Протагора, Гегель умалил вклад Прометея в культурную историю человечества. Он переселил дарителя в прошлое и причислил его к архаичным божествам доолимпийской мифологии: «Так как Прометей не наделил человека ничем духовным и нравственным, то он и принадлежит не к роду новых богов, а к роду титанов» [Гегель, 2007, с. 490].

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Восприятие автономного исторического процесса как эволюционного основывалось на креационной модели мира, сотворенного Богом и направляемого Его Промыслом.

Блаженный Августин в «Энхиридионе Лаврентия о вере, надежде и любви» возводит свою теодицею на всеблагой воле Творца, диалектически претворяющего зло в добро: «Всемогущий Господь... который в высочайшей степени благ, никоим образом не позволил бы, чтобы в Его делах было хоть сколько-нибудь зла, если бы не был так всемогущ, чтобы и зло обратить в добро» [Августин Блаженный, 1998, с. 8].

Этот силлогизм пришелся по вкусу гетевскому Мефистофелю, отрекомендовавшемуся Фаусту как противоположная Богу ипостась:

Ein Teil von jener Kraft, Die stets das Böse will Und stets das Gute schafft.	Часть силы той, что без числа Творит добро, всему желая зла. <i>Пер. Б. Пастернака</i>
---	--

Размышляя в «Сумме теологии» (1265–1274) о взаимоотношениях Провидения и свободной воли, Фома Аквинский, утверждает, что ходящий перед богом благочестивый человек выбирает поступки, одобряемые божьим Промыслом: «Но поскольку сам акт свободного выбора возводится к Богу как к причине, то необходимо, чтобы то, что происходит из-за свободного выбора, подлежало божественному провидению, ведь предвидение человека содержится в провидении Бога, как частная причина – в универсальной причине» [Фома Аквинский, 2019, с. 140].

Секуляризация сакральной истории непрерывно повышала степень ответственности человека за принимаемые им решения.

В трактате «Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» (1710) Готфрид Вильгельм Лейбниц призывал субъекта познания сознательно отличать ноуменальное от феноменального – истинное добро Творца от лукавого зла истории: «Было бы неразумным противопоставлять видимость, столь несовершенную и столь мало обоснованную, доказательствам разума и откровения веры» [Лейбниц, 1989, с. 285].

Бог в трагедии И. В. Гете «Фауст» возложил на чернокнижника труд самостоятельного снятия противоречия между видимостью и сущностью. В «Прологе на небесах» Творец выразил уверенность, что у Фауста достанет творческой интуиции избежать провоцируемых и поощряемых Мефистофелем искушений:

Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.

Гете задумал трагедию как полемику с мифологическим априоризмом, противопоставив ему творческую необратимость линейной истории. Когнитивное сознание Фауста расширялось по мере разочарования в познавательном потенциале средневековых университетских дисциплин (философии, медицины, юриспруденции и теологии), усвоения открытий естественных наук и обретения личного жизненного опыта. Выводы, к которым приходил Гете в ходе собственных изысканий в области

морфологии растений и животных, оптики, акустики, минералогии, геологии, метеорологии, побуждали его постоянно корректировать воплощение и бесконечно откладывать завершение грандиозного замысла. Работа над первой редакцией «Прафауста» пришлось на 1772–1775 годы, а условно окончательный вариант датировался 1832 годом. Спонтанно складывавшийся сюжет проблематизировал завершение второй части непрерывно накапливаемыми сведениями, нуждающимися в столь же непрерывном их осмыслении. Диалектический синтез природы и культуры – земли и неба – переносился Фаустом на отдаленное будущее. Дожив до глубокой старости, за мгновение до смерти, ревнитель правды выразил надежду на способность грядущего человечества переломить свою роковую судьбу:

Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».

Ученый чернокнижник, беспокойный разум которого изгнал его из замкнутости природных циклов и вовлек в устремленную в будущее линейную историю, не дожидаясь «пикового переживания» (А. Маслоу). Развивающий личность Фауста познавательный труд исключал завершающее самоопределение. В статье «Шекспир и несть ему конца» (1815) Гете сформулировал принципиальное отличие Античной литературы от романтической: «В древних произведениях преобладает конфликт между долженствованием и свершением, в новейших – между волею и свершением. <...> Волею, превосходящее силы индивидуума, – порождение Нового времени» [Гете, 1975, с. 414; 417]. Хор Ангелов возвестил миру о спасении «бессмертной сущности» грешника в награду не за «свершение», а за подвиг «волеия», возвысивший его дух до служения сверхличной цели:

Спасен высокий дух от зла
Произволением божьим,
Чья жизнь в стремлениях прошла,
Того спасти мы можем.

«Естественная теология», допускавшая невмешательство Бога в Творение, складывалась как реакция на развитие техники, функционировавшей на основе открываемых наукой законов природы. Концепция деизма обогащалась аргументами Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона, Шефтсбери, Ньютона и др.

Гегелевский объективный идеализм представил Историю как процесс триумфального самообретения

«Мирового Духа». В романе «Генрих фон Офтердинген» (1802) и в набросках к трактату «Христианство, или Европа» Новалис возвестил возвращение Золотого века в обличье «мировой христианской монархии».

Философская антропология Людвиг Фейербаха («К критике философии Гегеля», 1839; «Сущность религии», 1845) облегчила Карлу Марксу понимание того, что гегелевский Мировой Дух являл собою небесную проекцию Духа Земли, эволюционирующего не ко всемирной христианской монархии, а к бесклассовому гуманистическому обществу: «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, – писал Маркс в «Немецкой идеологии», – мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе... <...> для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. [К. Маркс и Ф. Энгельс, 1955, с. 25]. Экономическая теория марксизма описала саморазвитие Духа как самопознание человечества, превращавшего его из пассивного *объекта* истории в сознательно творящего ее *субъекта*. В третьем «Тезисе о Фейербахе» К. Маркс выделил это принципиальное для него положение: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» [К. Маркс и Ф. Энгельс, 1955, с. 2].

Целенаправленная деятельность преобразует как самого *Homo Faber*, так и способы его созидательного присутствия в мире. Формационная теория марксизма описывала историю как субъектно-объектный процесс, преодолевающий в своем развитии пять общественно-экономических формаций – первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, чтобы увенчаться отвергнувшим гегелевское государство бесклассовым коммунистическим обществом.

Кризис теории социально-экономической антропологии, обозначившийся на этапе трансформации капитализма в империализм и антигосударственный глобализм, поставил под сомнение приписываемую истории способность к гуманной самоорганизации. Ее угрюмая механическая интенциональность приносила народы в жертву интересам техногенной цивилизации.

Философский витализм возник как полемическая реакция на вырождение сплывающей

морали Протагора в разобщающую *дисциплину* всемирного «рабочего дома» (Г. Д. Торо). *Имморализм* Ф. Ницше аффективно противопоставил аполлонической *индивидуации* дионисийское *первоединство* (Ur-Eine), развенчивавшее как доморальную архаику, так и христианское непротивленчество. «Устранение этического», превратившее человека культуры в *ничто*, детерминировало нарративную позицию рассказчика романа Ф. Кафки «Процесс» (1914). Его «остраненная» безучастность описывает не отличимую от убийства казнь на заброшенном пустыре прокуриса банка Йозефа К. как обыденное явление. Два палача с длинными кухонными ножами, обликом напоминавшие отставных актеров, привели в исполнение анонимный приговор за преступление, которого К., по его убеждению, не совершал. Между тем, как это вычитывается из имплицитной логики событий, «трагическую вину» прокуриса составил его филистерский конформизм. В кафкианской притче первородный грех усугубился неспособностью законопослушного обывателя вступить в борьбу за свое *Ego* со своим *Id* – бессознательной «анонимной всеобщностью». За миг до дикой расправы парализованное предсмертным ужасом сознание прокуриса наполняется потоком безадресных lamentаций: «Может быть, забыты еще какие-нибудь аргументы? Несомненно, такие аргументы существовали, и, хотя логика непоколебима, но против человека, который хочет жить, и она устоять не может. Где судья, которого он ни разу не видел? Где высокий суд, куда он так и не попал?»

Этика экзистенциализма трактует глобализм как вселенское судопроизводство, приговаривающее «теневое» (К. Г. Юнг) «молчаливое большинство» (Ж. Бодрийяр) к небытию. Альбер Камю проблематизирует романтизированную мифологему образа Прометея кафкианской типологемой. По мысли автора аллегорических эссе «Миф о Сизифе» (1942) и «Прометей в аду» (1946), прогресс уготовил представляющему народ *Демогоргону* участь Сизифа, а Прометею – узника Аида. Осознание Сизифом оскорбительной абсурдности навязанного ему труда исцеляет его от «незрячей надежды» на будущее: «Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает сполна все ничтожество человеческого удела: именно об этом он думает, спускаясь вниз. Ясность ума, которая должна бы стать для него мукой, одновременно обеспечивает ему победу» [Камю, 1988, с. 353]. Победоносное отрезвление Сизифа развенчивает иллюзорную надежду на то, что приписываемому истории гуманистическому потенциалу по силам примирить сошедшихся в смертельной схватке природу и цивилизацию.

Обретенный Прометеем адский опыт «пограничной ситуации» убеждает его в безучастности

истории: «история – незряча и, стало быть, надо отвергнуть ее суд и заменить его, насколько это возможно, судом мысли». De profundis призывает Прометей разорвать цепи рабства, которыми когда-то опутал людей его недальновидный внеэтический альтруизм, и приступить к ответственному жизнестроительству в согласии теперь уже не с техническим, а с гуманистическим проектом: «Обещаю вам иное и лучшее будущее, о смертные, если у вас достанет ума, доблести и сил сотворить его своими руками» [Камю, 1988, с. 370].

ИММОРАЛИЗМ ИСТОРИИ

В свете мизантропии глобализма, в который выродилось «мировое гражданство» масонства и космополитизма, *прекраснодушие* Прометея Камю прочитывается как косвенное признание наивности экзистенциального гуманизма (Ж.-П. Сартр. «Экзистенциализм – это гуманизм»), отчаявшегося в способности тотально несвободного человека «выбрать самого себя». Андре Жид *травестировал* в соти «Плохо прикованный Прометей» (1899) мифологического титана, низведя его до обывателя, «беспатентного продавца спичек», освобожденного от оков не волей смилостивившегося громовержца, а в результате коррозии приковывавших его к скале цепей. Сбросив с плеч источенные ржавчиной путы, Прометей Жид поспешил свернуть шею истерзавшему его орлу, олицетворению «категорического императива» И. Канта – внутреннего «нравственного закона», более беспощадного, чем навязываемая государственным монополизмом Необходимость. «Если этическое высшее, – развенчивает Лев Шестов диктатуру внутренней нормы, – то Авраам погиб. Погиб – ибо этическое так изуродует его, как ни один палач не уродовал своей жертвы, если он не забудет своего Исаака» [Шестов, 1992, с. 142].

Разделавшийся с Орлом Прометей объявил себя полномочным представителем низложившего Зевса прогресса. В речи, произнесенной в «Зале Новолуний», выродившийся в нравственного пигмея мифологический титан признал, что навязал людям прогресс из ненависти к ним, а внушенные им «болезненные надежды на лучшее» помогали ему веками удерживать их в рабском состоянии: «Вера в прогресс, господа, – вот что было их орлом».

Прометей Жид «устранил этическое», испокон веков обслуживавшее Необходимость: «История человечества – это история орлов, господа». Но, отвергнув моральный априоризм, поставил на его место не «материальную этику ценностей» Макса Шелера (аналогичную политэкономическому

понятию «потребительной стоимости»), а производственную дисциплину: «Я не люблю людей; я люблю то, что их пожирает», – юродствует перед толпой праздных буржуа нравственно деградировавший «продавец спичек».

ИНТРОВЕРТНЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Юнгианство как психоаналитическая редукция философской антропологии углубилось в недра человеческой души в поисках оснований для нравственности, генерируемой спонтанным процессом «индивидуации». Откликаясь на необходимость преодоления морока «коллективной психологии», философская антропология увидела свое назначение в том, чтобы помочь «человеку одолеть его удел посредством обретения в себе внутренних сил, которые прежде он искал вовне» [Malraux, 1947, с. 87].

Сопоставляя образы Прометея из *Драматического отрывка* (1773) И. В. Гете и из поэмы Карла Шпиттелера «Прометей и Эпиметей» (1881), К. Г. Юнг диагностировал амбивалентность экстравертной (эволюционной) и интровертной (инволюционной) установок Прометея. Создатель аналитической психологии пришел к выводу, что экстраверсия гетевского Прометея ориентирует его на альтруистическую заботу о внешнем мире, тогда как интроверсия шпиттелерова Прометея направляет поток его витальной энергии на актуализацию центра его личности: «Гетевский Прометей творит, и творчество его направлено во внешний мир, он наполняет пространство образами, которые оформлены им и оживлены его душой, он населяет землю созданиями, порожденными его творчеством; <...> У Шпиттелерова же Прометея, напротив, все уходит во внутрь, исчезает во мраке душевных глубин... <...> Согласно принципу компенсации, принятому в нашей аналитической психологии, душа (т. е. олицетворение – персонификация – бессознательного) должна быть в таком случае особенно активной и *подготавливать некое дело*¹, которое остается пока еще невидимым» [Юнг, 1995, с. 223–224].

Интровертная установка Прометея тайно работала над пробуждением его *самости* (Das Selbst). Прометею предстояло «умереть и обновиться» («sterben und werden», Гете), чтобы создать условия для возможности *диалога* его конкретно-исторического я с его вневременным бессознательным *оно*.

Диалогизация как очеловечивающая *ассоциация* разума и чувства, Персоны и Тени, цивилизации и природы открывает перед когнитивным

¹Выделено нами. – А. Б.

сознанием перспективу *третьего пути*, приближающего к «некоему» до поры «невидимому делу». Она вырабатывает *историческое самосознание*, способное усматривать аналогию между диалектикой исторических событий и динамикой душевных процессов. Диалогическое самосознание позволяет воспринимать сюжеты бессознательного как

интроверсию исторических конфликтов, а исторические конфликты – как экстраверсию психической динамики. Оно сводит в отрезвляющем диалоге инфантильные упования на благосклонность провиденциальной истории с претензиями конечновекторного евклидоваго разума заменить суд незрячей истории судом догматической мысли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
2. Августин. Исповедь. М.: ГЕНДАЛЬФ, 1992.
3. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
4. Лютер М. Свобода христианина // Избранные произведения. СПб: Андреев и согласие, 1994. С. 24–54.
5. Роттердамский Эразм. Диатриба, или Рассуждения о свободе воли // Сочинения. М.: Эксмо-пресс, 2000. С. 169–256.
6. Шефтсбери. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975.
7. Шелли П. Б. Предисловие // Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Философские этюды. М.: Рипол Классик, 1998. С. 69–73.
8. Шелли П. Б. Защита поэзии. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Издательство Московского университета, 1980. С. 325–348.
9. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М.: Айрис-пресс, 2005.
10. Платон. Протагор, или Софисты. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013.
11. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Наука, 2007. Т. 1.
12. Августин Блаженный. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви // Творения. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 3–73.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями. М.: Издательство АСТ, 2019.
14. Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 49–401.
15. Гете И. В. Шекспир и несть ему конца // Об искусстве. М.: Искусство, 1975. С. 409–423.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Издание второе. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–78.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Сочинения. Издание второе. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 1–4.
18. Камю А. Избранное: сборник ; пер. с фр. / составл. и предисл. С. Великовского. М.: Радуга, 1988. (Мастера современной прозы).
19. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992.
20. Malraux A. L'Homme et la culture artistique // Conférences de L'UNESCO (nov. – déc. 1946). Paris, 1947. P. 86–92.
21. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента ; М.: Прогресс-Универс, 1995.

REFERENCES

1. Losev, A. F. (1976). Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The problem of symbol and realistic art. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Avgustin (1992). Ispoved' = Confession. Moscow: Gendal'f. (In Russ.)
3. Mitropolit Ilarion (2011). Slovo o Zakone i Blagodati = A Word on Law and Grace. Moscow: Institut russkoj civilizacii. (In Russ.)
4. Lyuter, M. (1994). Svoboda hristianina = Freedom of a Christian. Izbrannye proizvedeniya (pp. 24–25). St. Petersburg: Andreev i soglasie. (In Russ.)
5. Rotterdamskij Erasm (2000). Diatriba, ili Rassuzhdenii o svobode voli = Diatribe, or Discourses on Free Will. Sochineniya (pp. 169–256). Moscow: Eksmo-press. (In Russ.)
6. Sheftsberi (1975). Esteticheskie opyty = Aesthetic experiences. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

7. Shelli P. B. (1998). Izbrannye proizvedeniya. Stihotvoreniya. Poemy. Dramy. Filosofskie etyudy = Selected works. Poems. Poems. Dramas. Philosophical studies. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
8. Shelli, P. B. (1980). Zashchita poezii. = Defense of poetry. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov (pp. 325–348). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
9. Fromm, E. (2005). Revolyuciya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzij = Revolution of hope. Getting rid of illusions. Moscow: Ajris-press. (In Russ.)
10. Platon (2013). Protagor, ili Sofisty. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome = Protagoras, or Sophists. Complete works in one volume. Moscow: AL'FA-KNIGA. (In Russ.)
11. Hegel, G. W. F. (2007). Lekcii po estetike = Lectures on aesthetics (vol. 1): in 2 vols. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
12. Avgustin Blazhennyj (1998). Enchiridion Lavrentiye o vere, nadezhde i lyubvi = Enchiridion to Lawrence on faith, hope and love. Tvoreniya (pp. 3–73). St. Petersburg: Aletejya; Kiev: UCIMM-Press. (In Russ.)
13. Thomas Aquinas (2019). Summa teologii: s kommentariyami i ob"yasneniyami = Summa Theology: With Comments and Explanations. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.)
14. Leibniz, G. W. (1989). Opyt teodicei o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla t = Experience of theodicy about the goodness of God, human freedom and the beginning of evil. Sochinenia (vol. 4, pp. 49–401): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
15. Goethe, J. W. von. (1975). Shekspir i nest' emu konca = Shakespeare and there is no end to him. In Ob iskusstve (pp. 409–423). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
16. Marx, K., Engels, F. (1955). Nemeckaja ideologija = German ideology. In Essays (vol. 3, pp. 7–78). 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
17. Marks, K., Engel's, F. (1955). Tezise o Fejlerbahe = Thesis on Feuerbach. In Sochineniya (vol. 3, pp. 1–4). 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
18. Kamyu, A. (1988). Izbrannoe = Selected Works: compendium. Compilation and Introduction by S. Velikovskiy. Mastera sovremennoj prozy. Moscow: Raduga. (In Russ.)
19. Shestov, L. (1992). Kirkegard i ekzistencial'naya filosofiya. Glas vopiyushchego v pustyne = Kierkegaard and existential philosophy. The voice of one crying in the wilderness. Moscow: Progress-Gnozis. (In Russ.)
20. Malraux, A. (1947). L'Homme et la culture artistique. Conférences de L'UNESCO = Man and artistic culture. In UNESCO Conferences (pp. 86–92) (nov. – déc.1946). Paris.
21. Jung, C. G. (1995). Psihologicheskie tipy = Psychological types. St. Petersburg: Yuventa. Moscow: Progress-Univers. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.05.2024
22.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Образы Швейцарии и Италии в повести Г. Джеймса «Дейзи Миллер»: К вопросу о художественном пространстве

М. Б. Раренко

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук
Москва, Россия, rarenco@rambler.ru*

Аннотация. Первая встреча героев повести Г. Джеймса «Дейзи Миллер» происходит в швейцарском городке Веве, вторая – в «вечном городе» Риме. Художественное пространство в повести, таким образом, представлено двумя локациями – Веве и Римом. Курортный городок Веве описывается как живописный уголок, расположившийся на берегу Женевского озера у подножия горы. Подчеркивается его связь с природой. Рим представлен как город с историей. «Вечный город» с его старинными улицами и парками, историческими памятниками, напоминающими о его легендарном прошлом, соборами, триумфальными арками и Колизеем, хотя и не производит, вопреки ожиданиям Дейзи, впечатления «мертвого города», становится местом ее упокоения. Помимо географической оппозиции в повести реализуется «культурная» оппозиция «периферия – центр».

Ключевые слова: Веве, Рим, образ Швейцарии, образ Италии, Г. Джеймс, Дейзи Миллер, художественное пространство

Для цитирования: Раренко М. Б. Образы Швейцарии и Италии в повести Г. Джеймса «Дейзи Миллер»: К вопросу о художественном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 153–158.

Original article

Images of Switzerland and Italy in the Novella by H. James “Daisy Miller”: on the Issue of Art Space

Maria B. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences
rarenco@rambler.ru*

Abstract. The first meeting of the characters of the novella by Henry James “Daisy Miller” takes place in the Swiss town of Vevey, the second one is in the “eternal city” of Rome. The art space in the novella is thus represented by two locations – Vevey and Rome. The resort town of Vevey is described as a picturesque area located on the shores of Lake Geneva at the foot of the mountain. Its connection with nature is emphasized. Rome is presented as a city with a history. The “Eternal City” with its ancient streets and parks, historical monuments reminiscent of its legendary past, cathedrals, triumphal arches and the Colosseum, although it does not, contrary to Daisy’s expectations, give the impression of a “dead city”, becomes her resting place. In addition to the geographical opposition, the novella implements the “cultural” opposition “periphery – centre”.

Keywords: Vevey, Rome, the image of Switzerland, the image of Italy, Henry James, Daisy Miller, art space.

For citation: Rarenko, M. B. (2024). Images of Switzerland and Italy in the novella by H. James “Daisy Miller”: on art space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 153–158. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель рубежа XIX–XX веков, получивший образование в Европе и проживший в ней большую часть своей жизни, но не порвавший связей со своей родиной. До переезда в Старый Свет родители Джеймса неоднократно возили своих детей в Европу в образовательных целях. В их среде такие поездки считались обязательным элементом воспитания детей.

Хорошо знакомый с творчеством европейских писателей, живописцев, музыкантов, Джеймс сохранил интерес к своим соотечественникам – американцам, приезжавшим в Европу приобщиться к мировой культуре. Неоднократно в своих произведениях Г. Джеймс поднимал тему американцев в Европе. Отчасти это можно объяснить тем, что Г. Джеймса, вопреки мнению его современников-рецензентов, упрекавших писателя в пренебрежении «американским материалом», всегда эта тема притягивала. Отношение к Америке и американцам у писателя было неоднозначное, что в полной мере отразилось в его произведениях. Так, в «Осаде Лондона» (1883) Америка описана как страна, в которой все «ново и многое безобразно». То, чем живут американцы, каковы их приоритеты и предпочтения, их образ жизни, восприятие действительности и пр., – все это находилось в центре внимания Г. Джеймса и как человека, и как писателя. Изображая на страницах своих произведений американцев в Европе – как простых обывателей, прибывших в Европу развлечься (повесть «Дейзи Миллер», 1878), так и государственных мужей, получивших дипломатический пост в одной из европейских стран (повесть «Осада Лондона», 1883), Г. Джеймс показывал их через призму европейского восприятия. Нередко европейцам американцы кажутся слишком естественные, слишком раскрепощенные, не связанные европейскими условностями, американцы представлялись европейцам вульгарными, бесцеремонными, недостаточно культурными, необразованными, плохо воспитанными – одним словом, «другими» (более подробно о диалоге культур в творчестве Г. Джеймса см.: [Жердева, 2021; Нерсесова, 2007]). Исключение составляют американцы, прожившие в Европе довольно долго и усвоившие европейский культурный код. Сходство и различие в поведении, манере вести разговор, образовании, стиле жизни, мышлении, оценке событий, отношении друг к другу европейцев и американцев – всё это нашло отражение на страницах его произведений. Более того, нередко противостояние у Г. Джеймса приобретает форму латентного или даже открытого конфликта (более

подробно см.: [Жердева, 2021; Киреева, 2015; Нестер, Федорова, 2017; Нерсесова, 2007; Селитрина, 2019] и находит отражение в структуре художественного произведения, системе образов и пр.

ПОВЕСТЬ Г. ДЖЕЙМСА «ДЕЙЗИ МИЛЛЕР»

Повесть Г. Джеймса «Дейзи Миллер» (1878), в заглавие которой вынесено имя главной героини, представляет собой историю богатой юной американки, впервые приехавшей в Европу с матерью и младшим братом с ознакомительной целью. Сюжет повести не отличается замысловатостью. Система персонажей весьма ограничена, помимо Дейзи, Фредерика Уинтерборна и Джонавелли, это мать и брат Дейзи, тетушка Фредерика и их несколько знакомых.

Проста и канва повести: молодой американец по имени Фредерик Уинтерборн, живущий в Женеве и приехавший в швейцарский курортный городок Веве на берегу Женевского озера, знакомится с Дейзи. Это знакомство, начавшееся, было, к удовольствию обеих сторон, внезапно прерывается. Отправляясь в Рим, Дейзи предлагает Уинтерборну присоединиться к ее семейству на правах учителя для ее девятилетнего брата, однако он вынужден отказаться. Спустя какое-то время Дейзи Миллер и Уинтерборн снова встречаются, на этот раз в Риме. Уинтерборн узнает, что в глазах их общих знакомых у Дейзи невысокая репутация – окружающие считают ее поведение фривольным, а ее общение с мужчинами, в частности с итальянцем Джованелли, часто становится предметом не только обсуждения, но и осуждения. Уинтерборн, изначально считавший поведение Дейзи не более чем сумасбродством, под влиянием своей тети миссис Костелло начинает склоняться к мысли о том, что оно не так уж невинно. Кульминационным моментом повести можно считать сцену в Соборе Святого Петра, где под звуки соборного органа пришедшие на службу с упованием обсуждают поведение Дейзи, признавая его возмутительным. Спустя несколько дней после случайной встречи в Колизее с Дейзи и ее спутником Джованелли Уинтерборн узнает, что Дейзи заболела лихорадкой и умерла. В течение последующего года Уинтерборн постоянно вспоминает Дейзи и жалеет, что был несправедлив к ней. Его слова: «You were right in that remark that you made last summer. I was booked to make a mistake. I have lived too long in foreign parts». – «Вы правы в том, что заметили прошлым летом. Я был обречен на ошибку. Я слишком долго жил за границей»¹, адресованные тетушке, звучат трагически. Дейзи Миллер вовсе не заслужила к себе такого отношения. Она просто была «другой».

¹Перевод наш. – М. Р.

ШВЕЙЦАРСКИЙ ГОРОДОК ВЕВЕ И «ВЕЧНЫЙ ГОРОД» РИМ

Вопросу художественного пространства в произведениях Г. Джеймса посвящены несколько работ [Горшкова, 1995; Сафарова, 2019; Сафарова, 2023; Селитрина, 2008; Феклин, 2007; Эстрина, 2022]. Художественное пространство повести «Дейзи Миллер» – это два города: швейцарский городок Веве на берегу Женевского озера, популярное место отдыха богатых европейцев и американцев на рубеже XIX–XX веков, и Рим, «вечный город», место паломничества всех, причислявших себя к высшему свету. В структурном плане повесть также разделена на две части: на первую, действие которой происходит в Веве, и вторую, действие которой происходит в Риме.

Описание Веве, маленького старинного швейцарского городка, основанного еще в римские времена и до сих пор являющегося центром виноградно-градного региона Лаво (Lavaux), не располагающего и сегодня какими бы то ни было достопримечательностями мирового масштаба, в повести представлено довольно скупо. В качестве его основных достоинств упоминаются отели (*from the “grand hotel” of the newest fashion, with a chalk-white front, a hundred balconies, and a dozen flags flying from its roof, to the little Swiss pension of an elder day, with its name inscribed in German-looking lettering upon a pink or yellow wall and an awkward summer-house in the angle of the garden*¹), поскольку городок известен как пользующийся популярностью среди туристов (*the entertainment of tourists is the business of the place*) благодаря своему расположению на берегу «удивительно голубого озера» (*a remarkably blue lake*) на фоне уходящих в даль гор. Отмечается, что особенно популярным городок становится в летние месяцы у американцев, что делает его похожим на американские курорты, такие как Нью-Порт или Саратога. Здесь можно увидеть модно одетых девиц, услышать громкую танцевальную музыку и «резкие американские голоса»² (с. 19), что составляет резкий контраст «ступенным немецким официантам, похожим на секретарей дипломатических миссий, русским княгиням, отдыхающим в саду, маленьким польским мальчикам, прогуливающимся за ручку со своими гувернерами...» (с. 19–20).

¹ Здесь и далее английский текст приводится по: James H. Daisy Miller. URL: <https://bookstacks.org/pdf/james-henry-daisy-miller.pdf> (date of access: 07.05.2024).

² Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, русский текст приводится по изданию: Джеймс Г. Дэйзи Миллер // Джеймс Г. Повести и рассказы / пер. с англ., сост. и предисл. А. Елистратовой. М.: Художественная литература, 1974. С. 19–79. В скобках указана страница.

В повести несколько раз подчеркивается удивительная природа Веве, в частности, несколько раз упоминается городской парк, где прогуливаются Дейзи Миллер и Уинтерборн. Веве в какой-то степени олицетворяет собой тихий природный оазис, куда со всей своей непосредственностью врывается Дейзи Миллер, нарушая привычный уклад жизни тихого места. Ее поведение не могло остаться незамеченным консервативно настроенными посетителями мирного городка, в частности, тетушкой Уинтерборна миссис Костелло, пожилой американкой, давно обосновавшейся в Европе.

В городке нет цивилизации в привычном смысле этого слова. Его жизнь протекает размеренно. Здесь по пути в Италию часто останавливаются состоятельные люди. Нет и достопримечательностей, которыми может похвастать Рим, впрочем, Дейзи достопримечательности и не привлекают. В разговоре с Уинтерборном, когда он пытается обратить внимание Дейзи на местные достопримечательности, выясняется, что ей о них ничего не известно. Однако на предложение Уинтерборна посетить Шильонский замок, в котором она еще не была, Дейзи соглашается с большим удовольствием, объяснив свое желание тем, что она «очень любит бывать в обществе» (с. 27). Ее привлекает не столько старинный замок, сколько возможность «пообщаться». Сама, говоря о себе, Дейзи замечает: «Я больше люблю разговаривать» (с. 55). Оказавшись в старинном замке, Дейзи «бегала по сводчатым подземельям, шурша юбками, взбиралась по винтовым лестницам, шаловливо вскрикивала, с испугом отступая от oubliettes...» – история средневековая совсем не интересовала Дейзи Миллер, мрачное прошлое старинного замка никак не влияло на свойственное ей поведение. История Бонивара, рассказанная Уинтерборном, «вошла ей в одно ухо и вышла в другое» (с. 45). Однако она воспользовалась ситуацией и задала Уинтерборну множество вопросов о нем самом, его семье, планах на будущее, вкусах, привычках и пр., а также рассказала почти все о себе.

Несмотря на признание Рима колыбелью европейской цивилизации, описанию города и его достопримечательностей уделено не так много внимания. По большей части они в тексте только упоминаются, задавая своего рода вектор повествования. Для рассказчика (в тексте несколько раз встречается отсылка к нему (*I hardly know...* и др.)), и у нас есть все основания предположить, что рассказчик и автор в данном случае выступают как одно лицо), хорошо знакомого с европейскими городами, в частности с Веве и Римом (в обоих городах Г. Джеймс бывал, об этом он упоминает в своих дневниках и письмах), указание на локацию оказывается вполне достаточным.

Приехавшей в Европу юной американке Рим изначально представляется скучным, унылым городом, лишенным каких-либо развлечений, однако затем она меняет свое мнение о нем: «Здесь гораздо лучше, чем я думала. Я думала, что Рим совсем мертвый город, что это захолустье. Мне казалось, что мы только и будем рассматривать разные достопримечательности под руководством какого-нибудь дряхлого старичка. Знаете, есть такие, которые рассказывают вам про картины и прочее тому подобное» (с. 54–55). Столица Италии привлекает юную Дейзи возможностью развлечься, завести новые знакомства, приятно и весело провести время в обществе «обладателей великолепных усов» (с. 48). Культурное наследие города остается вне круга интересов Дейзи. Это подчеркивает и миссис Миллер, мать Дейзи в разговоре с Уинтерборном: «Дейзи без ума от этого города. Ведь здесь прекрасное общество. Дейзи всюду бывает, у нее обширные знакомства.... Ее приняли здесь с распростертыми объятьями и очень хорошо к ней относятся. Кроме того, у нее много знакомых мужчин. Да, она в восторге от Рима. Конечно, молодой девушке гораздо веселее, если у нее много знакомых мужчин» (с. 51).

В повести упоминается «прекрасный парк на склоне холма Пинчио» (с. 54), «самый людный уголок Рима» (с. 57), куда Дейзи направляется на прогулку с мистером Джованелли, ее новым знакомым итальянцем. Это местечко в Риме известно тем, что сюда любят приходить как жители Рима, так и туристы. Пинчио (сегодня общепринятым стало произношение Пинчо или Пинчьо (от *um. Pincio*, *лат. Mons Pincius*)), расположенный немного севернее Квиринала, при этом не относящийся к легендарным семи римским холмам, хотя и охваченный Аврелиановой стеной, – одно из знаковых мест Рима. У подножия холма расположена роща зонтичных сосен. В конце XIX века в парке можно было увидеть как гуляющих, так и совершающих прогулки в экипажах богатых представителей общества. Также в повести упомянута расположенная рядом с парком улица Виа Грегориана (*Via Gregoriana*), заложенная в 1575 году и сама являющаяся сегодня одной из достопримечательностей города. Она поднимается от улицы Виа Каполе Касе до площади Пьяцца делла Тринита дей Монти, на которой расположена знаменитая церковь, носящая то же название, также известная как Сантиссима-Тринитá-дей-Монти (*um. Chiesa della Santissima Trinità dei Monti*) или *antissima Trinità al Monte Pincio* (букв. 'церковь Пресвятой Троицы на горах' или 'церковь Пресвятой Троицы на холме Пинчо'). Сантиссима-Тринитá-дей-Монти Сантиссима-Тринитá-дей-Монти входит в пять франкоязычных католических церквей Рима вместе с

Сан-Луиджи-дей-Франчези, Сан-Никола-дей-Лоренези, Сант-Иво-дей-Бретони, Санти-Клаудио-э-Андреа-дей-Боргоньони. От нее берет свое начало знаменитая Испанская лестница, или Лестница Тринита-дей-Монти (*um. La Scalinata di Trinità dei Monti*, 1721–1725) – парадная лестница в центре Рима, ведущая к Испанской площади (*um. Piazza di Spagna*), с которой открывается панорамный вид на Рим, одно из любимейших мест туристов, приезжающих в Рим.

Еще одна локация неподалеку от парка Пинчио упоминается в повести – вилла Боргезе (*um. Villa Borghese*), окруженная рощей многовековых сосен с плоскими кронами. Вилла Боргезе, носящая имя семейства Боргезе, ставшего известным в XV веке, и сегодня привлекает туристов богатством своих художественных и ландшафтных памятников. На обширной территории виллы представлены памятники садово-парковой архитектуры XVIII–XIX веков, среди которых выделяют знаменитый Храм Эскулапа на небольшом островке в рукотворном озере, а также привлекающий своей оригинальной формой круглый Храм Дианы наряду с Казино дель Грациано и Казино Джустиниани с тайными садами, которые были восстановлены согласно первоначальной планировке сада XVII века и пр.

Собор святого Петра (*лат. Basilica Sancti Petri*, *um. Basilica di San Pietro*; букв. 'Базилика Святого Петра'), центральный католический собор Ватикана, в повести упоминается как место, направляясь куда вместе со своей тетушкой, Уинтерборн снова встречает Дейзи в обществе ее неизменного спутника Джованелли. Особое внимание в повести уделяется описанию широкой лестницы собора, а также вечерней службы, на которой присутствуют уважаемые и влиятельные особы местного сообщества. Показательно, что под звуки соборного органа, наполняющие его воздушное пространство, пришедшие на церковную службу с упоением обсуждают поведение «бедняжки» Дейзи Миллер, которая по всеобщему мнению «заходит слишком уж далеко» (с. 70).

Все локации, упоминаемые в повести, связаны с передвижениями Дейзи Миллер. В следующий раз Уинтерборн увидел ее ранней весной в Палаццо Цезарей на Палатинской холме «среди развалин, окаймленных замшелой мраморной оградой, среди выложенных на полу надписей, увековечивающих далекие времена» (с. 72).

Последняя встреча Уинтерборна и Дейзи состоялась в Колизее. До этого в повести довольно подробно описывается маршрут Уинтерборна тем вечером. Он посетил одну из вилл на Целейском холме (одном из известных римских семи), прогулялся под Триумфальной аркой Константина (*лат. Arcus Constantini*, *um. Arco di Costantino*, 315 год) недалеко от Колизея

на древней улице Виа Триумфалис (Via Triumphalis) и мимо Форума, около одиннадцати часов вечера Уинтерборн прошел мимо Колизея, привлечшего его внимание: «Колизей никогда еще не производил на него такого сильного впечатления. Половина громадного цирка тонула в густой тени, другая мирно покоилась, затаенная прозрачной дымкой лунного света» (с. 74). Он вышел на середину арены и увидел две человеческие фигуры – мужчины и женщины – Джованелли и Дейзи. Видимо, Колизей произвел особое впечатление и на Дейзи, воскликнувшую: «А всё-таки я видела его при лунном свете!» (с. 76)

Последняя локация, упомянутая в повести, – маленькое протестантское кладбище у стены древнего Рима, где в могиле под кипарисами нашла последний приют юная американка Дейзи Миллер.

Такой драматический переход от знаковых для итальянской, и в целом для европейской, культуры локаций к обыденной, «житейской», весьма символичен, наглядно демонстрируя тщетность многих условностей, бытующих в мире и правящих в нем. Смерть Дейзи заставляет Уинтерборна задуматься о том, что есть истинное и что есть мнимое в окружающем его мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В повести американского писателя Г. Джеймса образы Швейцарии и Италии представлены достопримечательностями швейцарского курортного городка Веве и столицы Италии Рима. Все упомянутые в тексте локации связаны с передвижениями главной героини – Дейзи Миллер, юной американки, прибывшей в Европу в сопровождении матери и младшего брата. В поисках «общества» Дейзи Миллер заводит сомнительные знакомства, чем вызывает гнев местного сообщества.

Веве описан как маленький природный заповедник, основными достопримечательностями которого выступают озеро и горы. Не зря он полюбился европейцам как место, где можно отдохнуть от городской суеты. Рим, напротив, представлен как место, в котором все бурлит. Его парки переполнены людьми, даже в Соборе святого Петра люди не могут

абстрагироваться от проблем, перестать думать о них. Дейзи Миллер, стремящаяся к общению, чувствует себя в этом «вечном городе» вполне комфортно, несмотря на то, что его жители отказали ей в приемах. Тем не менее именно этот город ее погубил.

Веве и Рим в повести оказываются взаимно противопоставленными, с одной стороны, как потерявшийся среди природных ландшафтов курортный городок с его девственной природой и с другой – как город, по праву заслуживший славу одной из самых цивилизованных локаций Европы, куда истинные ценители прекрасного съезжаются со всего света запечатлеть свое почтение. Художественное пространство повести также разделено на две части. Если в Веве отдыхающие лишь обращают внимание на Дейзи, отмечая, что ее поведение отличается от принятого в их обществе, то в Риме Дейзи подвергается открытому осуждению, и, как следствие, ей отказывают в приеме.

Посещение Веве семейством Миллеров – их первый опыт приобщения к европейской культуре – можно рассматривать как предысторию того, что произойдет с Дейзи Миллер впоследствии в Риме. Не случайно многие европейцы на пути во Францию и Италию останавливались в Веве. «Столкновение» европейского и американского образа жизни, реализованное в повести образами представителей европейского светского общества, в первую очередь миссис Уоркер и миссис Костелло, и юной американкой-провинциалкой Дейзи Миллер и ее семейством, заканчивается не в пользу последнего. Физическая гибель Дейзи Миллер в знаковом для европейского мира месте (Италию можно рассматривать в этом контексте как культурную колыбель европейской цивилизации), фактически в Колизее (по крайней мере, именно там она заразилась лихорадкой), навевает тревожные мысли.

В то же самое время представленные в повести Г. Джеймса «римские» достопримечательности в совокупности образуют своего рода культурный «европейский» код, предполагающий определенные правила поведения в «вечном городе». Помимо географической оппозиции в повести реализуется «культурная» оппозиция «периферия – центр».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жердева О. Н. Конфликт Европы и Америки в романе Генри Джеймса «Европейцы»: национально-маркированное пространство // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2021. № 7. С. 43–47.
2. Киреева Д. Р. «Международная тема «Генри Джеймса в романе «Портрет леди»: от американской невинности к европейскому опыту // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1 (56). С. 78–83.
3. Нестер Н. В., Федорова Н. Ю. Особенности национального характера в новеллах Генри Джеймса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 46–49.
4. Нерсесова Э. В. Еще один взгляд на диалог двух культур в романе Генри Джеймса «Американец» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 282–285.
5. Селитрина Т. Л. Образ Лондона в статьях Генри Джеймса сквозь призму «своего» – «чужого» // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 212–219.

6. Горшкова О. А. Италия в творчестве Генри Джеймса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1995.
7. Сафарова З. А. -Г. Пространство культуры как пространственная модель в романах Генри Джеймса // Перспективы развития науки и образования. сборник научных трудов по материалам IX международной научно-практической конференции. Под общ. ред. А. В. Туголукова. 2016. С. 52–56.
8. Сафарова З. А. Г. Пространство события в романах Генри Джеймса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 73–82.
9. Селитрина Т. Л. Париж как символ культуры в романе Генри Джеймса «Послы» // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3. С. 117–118.
10. Феклин М. Б. Итальянские мотивы в творчестве Генри Джеймса и И. С. Тургенева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2007. № 1. С. 231–235.
11. Эстрина Т. Г. Образ Лондона глазами Генри Джеймса // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 554–557.

REFERENCES

1. Zherdeva, O. N. (2021). Konflikt evropy i ameriki v romane genri dzhejmса "evropejcy": nacional'no-markirovannoe prostranstvo = The conflict between Europe and America in Henry James's novel "The Europeans": a nationally labelled space. Jazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve, 7, 43–47. (In Russ.)
2. Kireeva, D. R. (2015). "Henry James" international theme in the novel "the portrait of a lady": from American innocence to European experience. Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana, 2015, 1 (56), 78–83. (In Russ.)
3. Nester, N. V., Fedorova, N. Ju. (2017). Osobennosti nacional'nogo haraktera v novellah Genri Dzhejmса = Originality of the national character in Henry James' short stories. Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities, 2017, 2, 46–49. (In Russ.)
4. Nersesova, Je. V. (2007). Eshhe odin vzgljad na dialog dvuh kul'tur v romane Genri Dzhejmса "Amerikanec" = Another look at the dialogue of two cultures in Henry James's novel "The American". Bulletin of the Moscow Region State University: Series: Russian Philology, 2, 282–285. (In Russ.)
5. Selitrina, T. L. (2019). The image of london in the articles of Henry James through the prism of "our" and "their". Philology and Culture. 2019, 2 (56), 212–219. (In Russ.)
6. Gorshkova, O. A. (1995). Italija v tvorchestve Genri Dzhejmса = Italy in the works of Henry James: abstract of Doctorate in Philology. Institute of Linguistics. N. Novgorod. (In Russ.)
7. Safarova, Z. A. G. (2016). Prostranstvo kul'tury kak prostranstvennaja model' v romanah Genri Dzhejmса = The space of culture as a spatial model in the novels of Henry James. Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya. sbornik nauchnyh trudov po materialam IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (pp 52–56). Pod obshh. red. A.V. Tugolukova. (In Russ.)
8. Safarova, Z. A. G. (2023). Prostranstvo sobytija v romanah Genri Dzhejmса = The space of events in the novels of Henry James. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo, 9(2), 73–78. (In Russ.)
9. Selitrina, T. L. (2008). Parizh kak simvol kul'tury v romane Genri Dzhejmса "Posly" = Paris as a symbol of culture in Henry James's novel "Ambassadors". World Literature in the Context of Culture, 3, 117–118. (In Russ.)
10. Feklin, M. B. (2007). Ital'janskije motivy v tvorchestve Genri Dzhejmса i I.S. Turgeneva = Italian motifs in the works of Henry James and I.S. Turgenev. Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin (LUNN Bulletin), 2007, 1, 231–235. (In Russ.)
11. Estrina T. G. (2022). Obraz Londona glazami Genri Dzhejmса= The image of London through the eyes of Henry James. Molodoj uchenyj, 18 (413), 554–557.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук

ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН)

Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology)

Leading Research Fellow of Linguistics Department

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)

of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.05.2024
18.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Время и хронотоп в философии и искусстве Серебряного века русской культуры

Д. Г. Горин

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Gorin.DG@rea.ru

Аннотация. Философия и искусство Серебряного века русской культуры исследуются в статье с точки зрения особенностей хронотопа как единства временных и пространственных параметров смыслообразования. Проявление хронотопа рассматривается в трех его функциях: дескриптивной, аскриптивной и прескриптивной. На основании анализа изменения концептуальной модели времени–пространства, эсхатологического утверждения представлений о постисторической идеальной действительности, разрывов между будущим и прошлым, феномена двойничества и оборачиваемости добра и зла автор приходит к выводу о взаимосвязи развития философии и искусства Серебряного века с социальными преобразованиями конца XIX и начала XX вв.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, темпоральность, Серебряный век, символизм, футуризм, авангард

Для цитирования: Горин Д. Г. Время и хронотоп в философии и искусстве Серебряного века русской культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (890). С. 159–165.

Original article

Time and Chronotope in the Philosophy and Art of the Silver Age of Russian Culture

Dmitry G. Gorin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Gorin.DG@rea.ru

Abstract. The philosophy and art of the Silver Age of Russian culture are examined in the article from the point of view of the chronotope's features as the interrelation of temporal and spatial parameters of meaning formation. Based on the analysis of changes in the conceptual model of time-space, the eschatological affirmation of ideas about post-historical ideal reality, gaps between the future and the past, the phenomenon of duality and the reversibility of good and evil, a conclusion is drawn about the relationship between the development of philosophy and art of the Silver Age with the social transformations of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: chronotope, time, space, temporality, Silver Age, symbolism, futurism, avant-garde

For citation: Gorin, D. G. (2024). Time and Chronotope in the Philosophy and Art of the Silver Age of Russian Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 159–165. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Серебряный век русской культуры, охвативший несколько десятилетий конца XIX – начала XX века, отражает существенные трансформации, связанные как с переживанием социального и исторического времени, так и с поисками новых стратегий утверждения вневременных смыслов. Именно в этот период проявляются не всегда очевидные тенденции, которые определяют дальнейшее развитие культуры России, включая авангард и соцреализм.

В качестве теоретической рамки исследования используется анализ хронотопических предпосылок философии и искусства Серебряного века на основании выявления их признаков в таких параметрах хронотопа, как континуальность и дискретность временных и пространственных форм, их открытость и закрытость, статичность и динамизм. Как писал М. М. Бахтин, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин, 2000, с. 9]. Хронотоп как формально-содержательная категория отражает единство временных и пространственных отношений в проявлении смысловых порядков, а в социально-философском плане также их объективацию в социальных практиках и институтах. Проблематика объективации смысловых порядков в социальной действительности важна для исследования философии и искусства Серебряного века, поскольку в этот период заявленные философские и эстетические программы сочетались с радикальными социальными трансформациями.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ хронотопа культуры Серебряного века основывается на идее о том, что временная и пространственная определенность культурной картины мира проявляется в трех функциональных аспектах. Эти аспекты состоят, во-первых, в дескриптивной функции хронотопа, который задает систему координат, определяющую в конкретных условиях места и времени восприятие и описание действительности. Во-вторых, в аскриптивной функции, связанной с приписыванием такому описанию и восприятию онтологических свойств, ограничивающих спектр потенциальных возможностей. В-третьих, в прескриптивной функции, позволяющей предписывать определенный образ действий, направленных на преобразование действительности. К примеру, хронотопическая определенность эстетической программы футуристов требует ее рассмотрения в единстве трех аспектов: мыслимого, проживаемого и практического, каждый из которых имеет временную и пространственную определенность.

Различение указанных функциональных аспектов хронотопа будет недостаточно вне анализа соотношения перцептуального и концептуального времени. Первое связано с эмпирическим освоением темпоральности, а второе – с абстрактно-образными представлениями о времени. Одной из наиболее очевидных черт переживания времени на рубеже веков является его ускорение. «Мы несёмся сломя голову вперед и вперед, оглушенные грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздраженными нервами, извращёнными вкусами и тысячами новых болезней» [Куприн, 1957, с. 29], – писал А. И. Куприн в 1896 году. Однако мотив преодоления привычного восприятия времени и пространства основывается на существенных изменениях не только перцепции временных и пространственных отношений, но и их концептуализации. Рассуждая о том, что наука и искусство проектируют мир в пространстве координат, Е. Замятин в 1923 году замечал, что характерное для реализма «проектирование на неподвижные, плоские координаты Эвклидова мира» – условность; «неизмеримо ближе к реальности проектирование на мчащиеся кривые поверхности, – то, что одинаково делают новая математика и новое искусство». К основным признакам новой формы Е. Замятин относил не только «быстроту движения (сюжета, фразы)», но и «сдвиг, кривизну (в символике и лексике)» [Замятин, 1990, с. 436].

В качестве одной из гипотез, объясняющих особенности хронотопических представлений, проявившихся в философии и искусстве Серебряного века, можно рассматривать следующий тезис О. Матич: запоздалое, «отстающее» по времени от западноевропейской культуры распространение идеи завершенности исторического цикла (*fin de siècle*) в России привело к тому, что эта идея сохранялась здесь дольше, захлестнув начало XX века с характерным для него утопизмом. Поэтому идея *fin de siècle* в России понималась не только в логике декаданса, которым заканчивается линейная траектория истории, но, прежде всего, в логике внеисторического утопического обновления [Матич, 2008, с. 6]. Действительно, запоздалое распространение идеи *fin de siècle* в России способствовало, например, тому, что плеяда поэтов-символистов начала XX века воспринималась как «вторая волна» символизма, которая не принимала декадентства «первой волны». По словам Андрея Белого, «нас называли “символистами второй волны”; для меня это название значило: “символисты”, но не “декаденты”» [Белый, 1990, с. 536]. Декадентам, которые чувствовали «провал культуры» и невозможность его перепрыгнуть, символисты «второй волны»,

многие из которых испытали влияние философии Вл. Соловьева, противопоставляли безысходности «первой волны» программу активного социального преобразования мира в акте художественного творчества.

Однако эта гипотеза лишь отчасти объясняет такую важнейшую черту хронотопа философии и искусства Серебряного века, как утверждение топоса будущего вне его связи с историческим прошлым. Русская культура открыла внеисторическое время и пространство значительно раньше. В «Философических письмах» П. Я. Чаадаев рассуждал о том, что Россия выпадает из всемирно-исторического процесса: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно» [Чаадаев, 1991, с. 31–32]. Возвращаясь к этой идее в «Апологии сумасшедшего», он указывал на преимущество того, что «мы никогда не жили под роковым давлением логики времен». Согласно его мысли, это преимущество освобождения от груза истории открывает возможность «повиноваться только голосу просвещенного разума, сознательной воли» [Чаадаев, 1991, с. 154]. В хронотопе Серебряного века пространство внеисторического, создаваемого в результате преодоления или завершения истории, обретает особо тщательную проработку. В своих лекциях о смысле истории, прочитанных в одну из первых после революции зим, Н. А. Бердяев говорил о разрешении напряженности между временем и вечностью именно в логике преодоления истории: «Для того чтобы разрешить задачу истории, неразрывно связанную с природой времени, нужно всю перспективу истории обратить внутрь и от попытки разрешить ее, вытянув во временном историческом свершении, перейти к разрешению ее через выход за пределы истории, через прорыв истории в сверх-историю» [Бердяев, 1990, с. 154].

Неомания, увлеченность новейшими достижениями техники, способными изменить не только человеческую жизнь и человеческую психику, но и сущность человека, создавали особую напряженность духовной жизни, которая проявлялась в разных формах и направлениях философии и искусства. Футуризм, возникший в Италии после публикации в 1909 году «Манифеста футуризма», написанного поэтом Ф. Маринетти, вскоре оказывается одним из влиятельнейших направлений русского искусства. Уже через несколько дней после своего появления манифест Маринетти был опубликован на русском языке в петербургской газете «Вечер». В нем провозглашалась устремленность не просто в будущее, а в то невозможное будущее, которое находится за пределами привычного времени и пространства: «Мы стоим на обрыве столетий!..

Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир Невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость» [Называть вещи ... 1986, с. 160–161].

Концентрация творческих стремлений художников, поэтов и писателей на будущем, которое несло в себе принципиально иную жизнь и открывало неизвестные ранее перспективы, вела к беспрецедентному отказу от уходящего прошлого. Эта черта переживания времени нашла свое выражение не только в эстетических программах, но и в программах общественного переустройства. В 1915 году В. Маяковский, провозгласив смерть футуризма как особой группы, утверждал: «Сегодня все футуристы. Народ футурист. Футуризм мертвой хваткой взял Россию» [Маяковский, 1955, с. 350]. Социально-политические процессы в годы революции отражали, таким образом, не только мыслимое и проживаемое время-пространство, но и практическую реализацию утопических представлений о будущем, образ которого не вырастает из прошлого, а утверждается в радикальном разрыве с ним.

Новое понимание концептуального времени, связанное с научной революцией, промышленным ростом, развитием средств транспорта и коммуникаций, формируется под влиянием идеи *fin de siècle*, которая актуализирует характерные эсхатологические переживания. Всплеск эсхатологических переживаний наблюдался в культуре России периодически, часто совпадая со сменой столетий. Однако эсхатология начала XX века имеет существенное отличие, связанное с соединением идеи метафизического переворота и переворота социального, в результате чего эсхатологическое мышление соединяется с мышлением утопическим, а дескриптивная и аскриптивная функция хронотопа, реализуются в их прескриптивной функции и проявляются в стремлении к радикальному преобразованию социальной действительности.

В перспективе утверждения постисторического времени в хронотопе искусства Серебряного века определенную роль сыграла эсхатология Вл. Соловьева, которая применительно к искусству была обоснована в его работе «Общий смысл искусства». Искусство он рассматривал как «вдохновенное пророчество» той вечной красоты, которая открывается «с концом всего мирового процесса». Художественное произведение как воплощение такого «вдохновенного пророчества» представляет собой, как писал, Вл. Соловьев, «ощутительное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира» [Соловьев, 1990,

с. 398–399]. Б. Гройс указывает на связь между философией Вл. Соловьева, и авангардом в отношении, например, статьи одного из теоретиков ЛЕФа Н. Чужака «Под знаком жизнестроения», которая отсылает к идеям Соловьева о том, что искусство должно преобразовывать действительность [Гройс, 2003, с. 47]. В этом контексте русский авангард предстает в роли посредника между эсхатологией философии и искусства Серебряного века и соцреализмом как методом сталинского искусства, который призван был отображать реальность не в том виде, в каком она существует, а в каком она должна быть в контексте коммунистического идеала.

В условиях характерной для российского общества слабости институциональных возможностей проработки и реализации альтернативных представлений о социальном развитии программы постепенных социальных преобразований начала XX века блекли на фоне призывов к радикальному решению актуальных проблем в ситуации исторических разломов, открывающих выход за пределы исторической необходимости. В самом начале XX века П. И. Новгородцев, анализируя интеллектуальную ситуацию в российском обществе, писал: «Попытки рассматривать сверхприродный порядок как норму для человеческой жизни приводят к отрицанию относительного ради абсолютного, к пренебрежению исторической работы человечества» [Новгородцев, 1991, с. 70]. Поэтому для социально-политических исканий начала XX века были характерны, как писал в сборнике «Вехи» С. Булгаков, «известная неотмирность» и «эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами)» [Булгаков, 1991, с. 48].

Стремясь противостоять этим тенденциям и отвечая критикам из газеты «Трудовая армия», А. Платонов писал в 1920 году: «Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать – искусство не по силе людей, но зато единственное истинное искусство» [Платонов, 1989, с. 378–379]. В своих рассказах он обосновывал необходимость поиска ростков нового не в постисторической перспективе, а в действительной жизни со всеми ее неприглядными чертами. Если оторвавшееся от этого мира искусство мечтало о «великой целомудренной красоте», то сам Платонов доказывал, что на земле эту «чистую красоту» встретить невозможно, но «Красота – все дни и все вещи, а не одна надземная и недоступная, гордая» [Платонов, 1989, с. 378–379]. Однако эти идеи Платонова так же, как и усилия реформаторов, тонули в эсхатологическом мотиве противопоставления «грядущего царства правды» и падшего мира.

Одним из характерных для поэзии рубежа веков мотивов, отражающих дискретность

хронотопа, разорванность исторического времени и противопоставление истории постисторическому миру, является мотив разрушительной и одновременно обновляющей мощи восточного, степного, кочевнического компонента культуры. Наиболее яркие образцы представлены в «Панмонголизме» Вл. Соловьева (1894 г.) и в грезах В. Брюсова о «грядущих гуннах», призванных «оживить одряхлевшее тело волной пылающей крови» (1904–1905). В этом же ряду можно назвать и навеянную революцией блоковскую рефлексию: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!» (1918). В поэзии Серебряного века прослеживается связь стихии степи с разрушением исторического порядка и одновременно с эсхатологическими надеждами (степные племена «нездешней силою хранимы» сокрушают остывший алтарь и несут новую сакральность). Стихия кочевничества в культуре России представлена как элемент внешний и внутренний одновременно. В отдельные периоды своей истории Россия оказывалась открытой в сторону степи не только в территориальном или геополитическом планах, но, прежде всего, в духовном, культурном, смысловом. Видимо, борьба леса со степью на заре русской истории породила своеобразный синтез, в котором степная стихия лишь иногда прорывается на поверхность культуры, хотя всегда чувствуется как лава, бурлящая где-то в периферийных структурах. Эта особенность хронотопа отразилась в концепции В. О. Ключевского, который периоды стабильного развития называл «привалами» или «стоянками», прерывавшими движение русского народа по равнине. На каждом из таких «привалов», по его словам, «наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке» [Ключевский, 1993, с. 21].

Хронотоп философии и искусства Серебряного века содержит признаки двоения мира и, соответственно, перехода из одной реальности в другую. Одним из вариантов концептуализации такого двоения является противопоставление «дневной» и «ночной» культуры. Если носителем «дневной» культуры «духа и ума», как писал Г. Флоровский, выступает книжное меньшинство, то «ночная» культура – это культура «мечтания и воображения», которая «слишком долго и слишком упорно укрывается и ускользает от "умного" испытания, проверки и очищения». Она представляет собой «своеобразный синкретизм, в котором местные языческие "переживания" сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения» [Флоровский, 2006, с. 7–8]. Символика «ночной» иррациональности культуры России с особой тщательностью прорабатывалась в поэзии Серебряного века. В стихотворении А. Блока «Русь» (24 сентября 1906), например, путь

духовных исканий предстает как «тропа печальная, ночная» с «мутным взглядом колдуна» и «ночными хороводами под заревом горящих сел». Однако результат этих исканий неочевиден: Русь, погруженная в сон, «живую душу укачала». Один из основателей религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, учрежденного в 1910 году, Е. Трубецкой писал: «Но жаль, очень жаль, когда откровение остается для человека, а тем более для народа – только сном, далеким от жизни и мало влияющим на поведение» [Трубецкой, 1998, с. 486]. В условиях революционных потрясений начала XX в. эта черта проявилась наиболее очевидным образом. «Где светлые силы дремлют и грезят, там темные силы действуют и разрушают», – писал Е. Трубецкой. – И оттого-то современная Россия оказалась в положении человека, которого разворачивали в глубоком сне» [Трубецкой, 1998, с. 487] (в предпринятом уже после смерти автора в 1920 г. издании книги «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» этот фрагмент был почти полностью сокращен цензором).

Мотивы обостряющегося противостояния добра и зла в философии и искусстве Серебряного века дополняются их взаимной оборачиваемостью, в результате которой они становятся неразличимыми. Философия и искусство первых десятилетий XX века активно обращались к теме соблазна, обмана, подмены, оборотничества. Одно из проявлений мотива оборачиваемости связано с переживаниями широким кругом петербургской интеллигенции аллюзий, восходящих к античному сюжету борьбы и взаимооборачиваемости солнечного бога Аполлона и хтонического чудовища Пифона. Достаточно назвать резкую поляризацию мнений относительно программы журнала «Аполлон», издававшегося в 1909–1917 годы, или характерное противопоставление аполлинизма Петербурга и пифонизма Ленинграда. Как отмечал В. Топоров, сюжет битвы Аполлона с Пифоном «на глубине своей пронизан укорененной в нем двойственностью, подменой одного другим, более того, превращением одного в другое» [Топоров, 2004, с. 46]. В. Топоров, в частности, реконструировал проявление этого мифа в символизме революционной стихии у А. Блока. Блок, которого часто сравнивали с Аполлоном, черпал вдохновение в античных аллюзиях и ницшеанских размышлениях о противопоставлении Аполлона и Диониса. Увлеченный и одновременно «преследуемый Аполлоном», как он сам писал Андрею Белому, Блок в последние месяцы жизни разбивает кочергой образ античного бога, испытывая при этом облегчение.

Можно предположить, что логика подмены и оборачиваемости руководила А. Блоком, когда в поэме «Двенадцать» он увенчал кровавый разгул революции образом Христа. Сам этот факт вызвал непонимание и возмущение у многих современников поэта, в частности, с резкой критикой поэмы выступил И. Бунин [Бунин, 1991, с. 426–434]. Особенности космической мистики Блока Г. Флоровский выводил из влияния свободной теургии Вл. Соловьева и из ситуации начала XX века, когда от «религиозной мысли» переходят к «религиозной жизни». На этом пути в духовном опыте А. Блока «клик Христа был заслонен от него ликом Софии» – космической стихии, которая «переливчата и многолична» [Флоровский, 2006, с. 459]. В напряженной и неоднозначной игре света и тьмы образ Христа в «Двенадцати» затуманивался и становился невидимым («И за вьюгой невидим»), что можно рассматривать как признак мотива подмены. Этот мотив вдохновлял А. Блока еще в 1901 году, когда переживания соприкосновения с сакральным явно окрашивались у него страхом подмены («Но страшно мне: изменишь облик Ты»). На фоне развития ключевых мотивов философии и искусства Серебряного века происходит, как писал Н. А. Бердяев [Бердяев, 2016, с. 286], подмена русского мессианства идеей коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хронотоп философии и культуры Серебряного века, таким образом, содержит ряд существенных характеристики кодирования времени и пространства, которые имеют не только дескриптивные и аскриптивные, но и прескриптивные функции, проявившиеся в социальных трансформациях российского общества первых десятилетий XX века. К ним, прежде всего, следует отнести изменения перцептуального и концептуального времени и пространства, утверждение эсхатологических (милленаристских) представлений об идеальной действительности за пределами истории и трехмерно понимаемого времени–пространства, радикального разрыва между будущим и прошлым, двоения действительности, подмены и взаимной оборачиваемости добра и зла. Все эти черты, хотя и нашли свое уникальное проявление в первые десятилетия XX века, имеют свои предпосылки в хронотопе культуры России и связаны с архетипическими чертами ее исторического развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. М.: Азбука, 2000.
2. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 2.

3. Замятин Е. Избранные сочинения. М.: Советская Россия, 1990.
4. Матич О. Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
5. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.
6. Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991.
7. Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
8. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986.
9. Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955.
10. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
11. Гройс Б. Искусство утопии. М.: Художественный журнал, 2003.
12. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, Вопросы философии, 1991.
13. Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 43–84.
14. Платонов А. Живя главной жизнью. М.: Правда, 1989.
15. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1.
16. Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006.
17. Трубецкой Е. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998.
18. Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М.: ОГИ, 2004.
19. Бунин И. А. Из статьи «Третий Толстой» // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М.: Советская Россия, 1991. С. 419–434.
20. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (2000). Epos i roman = Epic and novel. Moscow: Azbuka. (In Russ.)
2. Kuprin, A. I. (1957). Sobraniye sochineniy (vol.2): in 6 vols. Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.)
3. Zamyatin, E. (1990) Izbrannyye sochineniya = Selected works. Moscow: Sovetskaya Rossiya . (In Russ.)
4. Matic, O. (2008). Eroticheskaya utopiya. Novoye religioznoye soznaniye i fin de siècle v Rossii = Erotic utopia. New religious consciousness and fin de siècle in Russia. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
5. Bely, A. (1990). Nachalo veka = Beginning of the century. Moscow: Fiction. (In Russ.)
6. Chaadaev, P.Ya. (1991). Izbrannyye sochineniya i pis'ma = Selected works and letters. Moscow: Pravda. (In Russ.)
7. Berdyaev, N. (1990). Smysl istorii = The meaning of history. Moscow: Mysl. (In Russ.)
8. Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programmnyye vystupleniya masterov zapadnoyevropeyskoy literatury XX veka = Calling a spade a spade: keynote speeches by masters of Western European literature of the twentieth century (1986). Moscow: Progress. (In Russ.)
9. Mayakovsky, V. (1955). Polnoye sobraniye sochineniy = Complete works (vol. 1): in 13 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)
10. Soloviev, V. S. (1990). Sochineniya. = Works (vol. 2) : in 2 vols. Moscow: Mysl. (In Russ.)
11. Groys, B. (2003). Iskusstvo utopii = The Art of Utopia. Moscow: Art magazine. (In Russ.)
12. Novgorodtsev, P. I. (1991). Ob obshchestvennom ideale = About the social ideal. Moscow: Press, Questions of Philosophy. (In Russ.)
13. Bulgakov, S. (1991). Geroizm i podvizhnichestvo = Heroism and asceticism. Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: Sborniki statey 1909–1910 (pp. 43–84). Moscow: Young Guard. (In Russ.)
14. Platonov, A. (1989). Zhivya glavnoy zhizn'yu = Living the main life. Moscow: Pravda. (In Russ.)
15. Klyuchevsky, V. O. (1993). Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh = Russian history. A complete course of lectures (vol. 1): in 3 vols. Moscow: Mysl. (In Russ.)
16. Florovsky, G. (2006). Puti russkogo bogosloviya = Ways of Russian theology. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate. (In Russ.)
17. Trubetskoy, E. (1998). Izbrannyye proizvedeniya = Selected works. Rostov-on-Don. (In Russ.)
18. Toporov, V. N. (2004). Iz istorii peterburgskogo apollinizma: yego zolotyye dni i yego krusheniye = From the history of St. Petersburg Apollinism: its golden days and its downfall. Moscow: OGI. (In Russ.)
19. Bunin, I. A. (1991). Iz stat'i «Tretiy Tolstoy» = From the article “The Third Tolstoy”. Pod sozvezdiyem topora: Petrograd 1917 goda – znakovyy i neznakovyy (pp. 419–434). Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
20. Berdyaev, N. (2016). Russkaya ideya = Russian idea. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горин Дмитрий Геннадьевич
доктор философских наук
профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorin Dmitry Gennad'yevich
Doctor of Philosophy (Dr. habil.)
Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	05.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	15.06.2024	
	24.06.2024	

Научная статья
УДК 7.01+7.045+747.012

Сьюзен Лангер об эстетике художественных символов: влияние на дизайн ресторанного пространства

Чжу Чуаньхуа

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st108334@student.spbu.ru

Аннотация: В статье проводится анализ эстетики художественных символов Сьюзан Лангер, рассматривается «теория художественной иллюзии» как основные концепты эстетической системы этого автора. Результаты анализа показывают, что художественные символы играют важную роль в тематике и формообразовании визуального оформления пространств общественного питания. Иллюзия пространства как особый символический язык превращает ресторанный интерьер из обычного функционального пространства в пространство символическое.

Ключевые слова: Сьюзан Лангер, художественный символ, теория художественной иллюзии, дизайн пространства, ресторан

Для цитирования: Чжу Чуаньхуа. Сьюзен Лангер об эстетике художественных символов: влияние на дизайн ресторанного пространства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 166–171.

Original article

The Inspirations of Susan Lang's Aesthetic Ideas of Art Symbols on Restaurant Space Design

Zhu Chuanhua

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
st108334@student.spbu.ru

Abstract. The article provides an analysis of Susan Langer's aesthetics of artistic symbols, examining the "theory of artistic illusion" as the main concepts of this author's aesthetic system. The results show that artistic symbols play an important role in the theme and shape of visual design of catering spaces. The author argues that the illusion of space as a special symbolic language transforms the restaurant interior from an ordinary functional space into a symbolic space.

Keywords: Susan Langer, artistic symbol, theory of artistic illusion, spatial design, restaurant

For citation: Zhu Chuanhua (2024). The Inspirations of Susan Lang's Aesthetic Ideas of Art Symbols on Restaurant Space Design. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 166–171. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Сьюзен Катерина Лангер (1895–1985) — выдающийся американский философ, эстетик и семиотик XX века, которую, наряду с Эрнстом Кассирером, принято считать одним из пионеров символической эстетики»¹ [沙凯, 2014, с. 1]. Находясь под влиянием философии культурных символов Кассирера, Лангер полагала, что искусство является самостоятельной символической вселенной. В середине XX века Лангер впервые выдвинула гипотезу о символической природе искусства: «искусство — это творение символической формы человеческих эмоций» [прив. по: 苏珊·朗格, 1986, с. 12].

«Теория художественной иллюзии» является неотъемлемой частью теории символической эстетики искусства Лангер. В рамках этой теории искусство рассматривается семиотическим путем.

В современных дискуссиях о теории и методологии художественных иллюзий всё реже рассматривают трансформацию свойств одного и того же пространства, вызванную иллюзией, также пренебрегают необходимостью иллюзии в пределах физического пространства. Чтобы восполнить досадный пробел, автор данной статьи подробно анализирует «теорию художественной иллюзии» Лангер, изложенную в работе «Чувство и форма», и в особенности эстетику «пластических художественных символов», а также исследует, какое влияние художественные символы оказывают на тематику и формообразование в визуальном оформлении ресторанного пространства. Автор статьи показывает, что иллюзия пространства как особый символический язык превращает ресторанный интерьер из обычного функционального в символическое пространство.

Актуальность исследования определяется необходимостью полного изучения и описания средств и способов конструирования иллюзии пространства. Она часто зиждется на художественных символах и оказывает сильное эмоциональное воздействие на людей.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЬУЗЕН ЛАНГЕР О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИМВОЛАХ

В своей работе «Чувство и форма» (1953) Лангер утверждает, что «нечто становится образом, когда предстает нашему взгляду в чисто визуальной форме, то есть не как объект местного и практического значения. Если мы воспринимаем нечто как полностью визуальную вещь, мы абстрагируем его внешний вид от его материального существования.

То, что мы видим, таким образом, становится просто предметом видения — формой, образом» [Langer, 1953, с. 47]. «Эта форма — иллюзия, чистое визуальное пространство, созданное художником и оторванное от реальности» [цит. по: 房昱辛, 2014, с. 42]. Символы или «образы» (images) на самом деле относятся к восприятию как к материализованной проекции. Художник проецирует на холст, музыку, литературу и другие виды искусства своих собственных творений, внутренних мыслей, эмоций или понимания и интерпретации мира, чтобы сформировать образы или ситуации, которые могут тронуть сердца зрителей. Это абстрактный процесс разработки художником конкретных художественных форм в ответ на эмоциональное воздействие.

Искусство как важный канал выражения и передачи идей и чувств способно представлять концепции в формах, насыщенных выразительностью. Но, «пространство, в котором мы живем и действуем, вовсе не то, что обрабатывается в искусстве» [Langer, 1953, с. 72]. Например, нарисованное пространство — это иллюзия, которая опирается исключительно на визуальное восприятие, создавая иллюзорное ощущение трехмерного пространства с помощью форм и цветов (яркий пример — литографии «Восхождение и спуск» и «Водопад» Маурица Эшера). Оно отличается от пространства реальной жизни или от других сенсорных ощущений. «Это виртуальное пространство является основной иллюзией (primary illusion) всего пластического искусства» [там же].

В теории Лангер «иллюзия» является основанием для классификации художественных символов. Например, основная иллюзия живописи, скульптуры и архитектуры — это «иллюзорное пространство», основная иллюзия музыки — «иллюзорное время». Таким образом, каждый тип художественного символа имеет свою уникальную внешнюю форму выражения и внутреннее символическое значение. «Так же, как у нас нет никакого фиксированного значения художественного символа, так же у нас нет и единственной модели для значений символов» [Langer, 1930, с. 134]. Сказанное Сьюзен Катериной Лангер означает, что значение и форма выражения любого художественного символа являются свободными, однако можно выразить абстрактное значение художественного символа через определенную логику и порядок.

Помимо «основной иллюзии», в теоретической системе Лангер в различных видах изобразительного искусства существует также «вторичная иллюзия» (secondary illusions). С одной стороны, она относится к внешнему виду вещей. «Они принадлежат тому виртуальному пространству,

¹Зд. и далее перевод наш. — Ч. Ч.

которое, как я верю, является первым творением в пластическом искусстве — основной иллюзией, в которой все гармоничные формы существуют как вторичные иллюзии, созданные символы для выражения чувств и эмоций» [Langer 1953, с. 75]. Трактовка вторичных иллюзий, которой придерживается Лангер, сходна с их толкованием в психологии или философии, где вторичные иллюзии обычно являются инстинктивной реакцией на воспринимаемые или ощущаемые вещи и могут вызывать колебания эмоций. С другой стороны, Лангер убеждена: «тот факт, что основная иллюзия одного искусства может появиться, словно эхо, в качестве вторичной иллюзии в другом, дает нам намек на основное единство всех искусств» [там же, с. 118]. То есть различные типы художественных символов могут превысить собственную «основную иллюзию», тем самым создавая множественные художественные иллюзии и достигая перехода между «основной иллюзией» и «вторичной иллюзией». Например, в искусстве живописи существуют «иллюзии времени», а в искусстве музыки — «иллюзии пространства». Причем «основная» и «вторичная иллюзия» наделены единой природой.

Поговорим подробнее о «пластических художественных символах». Согласно Лангер, «цель всего пластического искусства — сформулировать визуальную форму и представить эту форму — такое непосредственное выражение человеческих чувств» [Langer, 1953, с. 71]. Пластическое искусство (Plastic Art) — это искусство, постоянно создающее визуально-выразительные пространственные символы. Однако «иллюзорное пространство», создаваемое видами пластического искусства, должно пониматься не в качестве части какого-либо пространства, но — в качестве независимой и целостной систематизированной пространственности. Например, Лангер пишет, что «архитектура является пластическим искусством, и ее первое достижение всегда, неосознанно и неизбежно, является иллюзией; нечто чисто воображаемое или концептуальное, переведенное в визуальные впечатления» [там же, с. 94]. Архитектура как иллюзорная сущность, прежде всего, обретает систематизированное пространство иллюзии. Подобно «архитектуре», пространство ресторана является выражением пластического искусства, это независимый и свободный чувственный пространственный мир. Тем не менее «художественную иллюзию» в пространстве ресторана часто упускают из виду. Стремясь удовлетворить «потребности практического значения», дизайнеры большинства ресторанных пространств в первую очередь думают о функциональности.

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ НА ДИЗАЙН РЕСТОРАННОГО ПРОСТРАНСТВА

«Теория художественных иллюзий» Лангер может послужить фундаментом для анализа ресторанного пространства с опорой преимущественно на различия между художественными символами, а также на построение пространства на базе «основной иллюзии» и «вторичной иллюзии». Художественный символ по своей природе не является дедуктивным. Поэтому он представляет волю к самовыражению, исходящую изнутри наружу (а не снаружи вовнутрь). Как носитель ценности «иллюзии пространства» художественный символ не только является воплощением внутреннего сознания художника, но и отражает слияние формы и эмоций.

Процесс создания «художественной иллюзии» в пространстве ресторана можно рассматривать как «эстетическую перестройку» пластического искусства, то есть использование формообразующей функции художественных символов для создания основной иллюзии пластического искусства в пространстве. Рассмотрим следующий пример: тематический ресторан Koï в Санкт-Петербурге — современный азиатский ресторан от успешного шеф-повара Антонио Фреза в «Доме 12» на острове Новая Голландия (рис. 1)¹. Дизайн интерьера разрабатывал римский дизайнер Фабио Бронда (Marso Polo, Fresa's). Основной акцент в интерьере сделан на татуированную статую, дополняют декор заведения азиатские маски, комоды-шкапулки с восточными мотивами и японские люстры. На входе висят афиши в азиатском стиле — чтобы гости сразу считали стилистику ресторана, «основную иллюзию» пространства. В центре ресторанного зала, прямо на столе, установлена массивная разукрашенная статуя (по форме она копирует «Дискобол» Мирона — одну из наиболее прославленных статуй Античности). Стены украшают странные керамические маски, изображающие персонажей японского фольклора и т. д. В ресторане Koï внутреннее символическое значение таких художественных символов создает «вторичную иллюзию» пространства и уникальную форму визуального представления. Пространство наполнено атмосферой востока — сочетает художественные культурные элементы Японии, Китая и Тайваня. На наш взгляд, это и есть «иллюзорное пространство», сообразное теории арт-иллюзии Лангер.

Художественные символы позволяют человеку увидеть сущность сквозь явления, акцентируя внимание на более глубоком выражении эстетической

¹Источники: фотографии автора (2024).

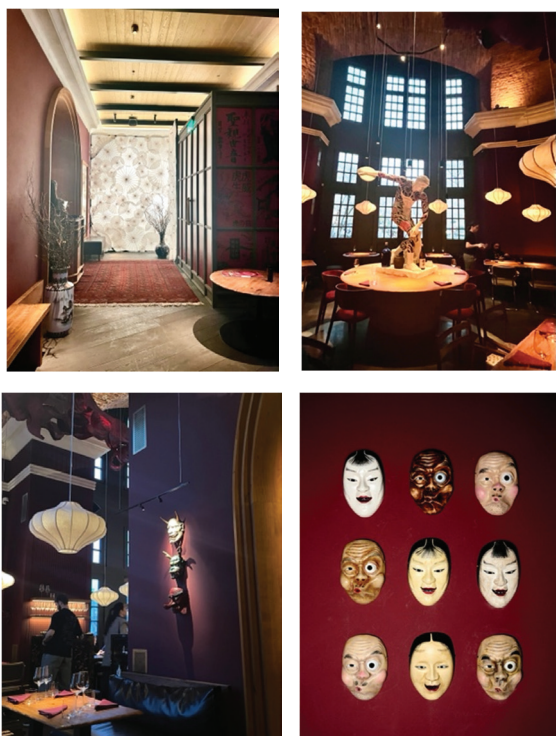

Рис. 1. Ресторан Koi в Санкт-Петербурге (Россия)

Рис. 2. Ресторан Cartoonist в Ханчжоу (Китай)

образности. Рассмотрим, например, тематический ресторан «Cartoonist» расположенный в городе Ханчжоу в Китае (рис. 2)¹. Дизайн интерьера разработала компания «Hello Design Studio» в 2018 году. В ресторане используются художественные символы из комиксов для создания «пространственной иллюзии», превращая обыденное пространство в символическое. Входная ресторана, напоминающая дупло в дереве, символизирует врата времени и пространства между реальным миром и миром комиксов. Иллюзорное и реальное эстетическое выражение пластических художественных символов в ресторане позволяет относительно легко воспринимать пространственную иллюзию. С другой стороны, извлечение и перестройка порядка художественных символов, таких как темы, стили и цвета из комиксов, создают уникальную атмосферу пространства, придавая трехмерному пространству ресторана двумерные характеристики. Существование этого «иллюзорного пространства» на основе физического пространства предоставляет новые возможности для совместного развития художественных символов и пространственной иллюзии. Как указывает Лангер, «будь то двухмерное или трехмерное [пространство], оно непрерывно во всех возможных направлениях и бесконечно пластично» [Langer, 1953, с. 75].

Любой художественный символ неизбежно проходит этап «ре-контекстуализации» в процессе использования. Чаще всего она проявляется в пространстве как «вторичная иллюзия». Рассмотрим, например, дизайн ресторана в испанском стиле Тара Тара, расположенного в городе Шанхай в Китае (рис. 3)². Ресторан с дизайн-концепцией «Эхо моря» разработала компания CROX в 2021 году.

¹Источник: <https://www.goood.cn/cartoonist-hangzhou-china-hello-design-studio.htm>.

²Источник: <https://www.goood.cn/tapa-tapa-spanish-restaurant-shanghai-by-crox.htm>.

Рис. 3. Ресторан Тара Тара в Шанхае (Китай)

Дизайн основан на естественной форме водворота. Использование разнообразных материалов и различных символических элементов усиливает «пространственную иллюзию» ресторана. Согласно теории Лангер, искусство передает абстрактные идеи и чувства через использование символов. В дизайне данного ресторана специально выбраны связанные с морем художественные символы, они призваны вызвать ассоциации с морем. Эти символы создают «основные иллюзии», визуальные и слуховые элементы, которые трансформируются во «вторичные иллюзии», описанные Лангер. Они превращают дизайн ресторана из простого практического пространства в комплексное художественное произведение. Также стимулируют воображение людей и предоставляют глубокое духовное удовольствие, превышающее визуальное и чувственное наслаждение.

Из анализа «теории художественной иллюзии» Лангер и разобранных дизайн-решений ресторанов несложно заметить, что влияние, которое художественные символы оказывают на пространство ресторана, проявляется главным образом на двух уровнях. Во-первых, формирование тематики пространства. Клайв Белл отмечает, что «в разных произведениях линии и цвета, организованные определенным специфическим образом в форму или в отношения между формами, пробуждают в нас эстетические чувства. Эти связи и сочетания линий, цветов, эти эстетически трогательные формы, я называю “значимыми формами”» [克莱夫·贝尔, 2015, с. 4]. Художники часто выбирают «значащие формы» и смело выходят за рамки традиционных дизайнерских шаблонов, включая в процесс создания пространства художественные символы с нарративной функцией для раскрытия темы пространства (например, тематического ресторана Koi). Во-вторых, — создание визуальной эстетики пространства. Дизайнеры могут интерпретировать концептуальные выражения и абстрактные ценности художественного символа в ресторанном пространстве с эстетической точки зрения, что позволяет провести визуальную перестройку иллюзии пространства (как в ресторанах Cartoonist или Tapa Tapa). Кроме того, стимуляция других органов чувств, включая слух, вкус и обоняние, может помочь создать полную и богатую пространственную иллюзию.

ПРЕВРАЩЕНИЯ ИНТЕРЬЕРА ИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СИМВОЛИЧЕСКОЕ

«Пространственная иллюзия» как режим представления художественных символов наполняет сцены

(«основное иллюзии») и атмосферу («вторичное иллюзии») в пространстве ресторана глубоким культурным содержанием и пространственной атмосферой. «Вторичное иллюзии» не так легко узнать, как «основное иллюзии», однако они могут эстетически преобразить пространство и наполнить его новым смыслом. Например, в ресторанах приятная музыка улучшает атмосферу пространства, однако эта музыка представляет вид искусства, художественным материалом которого является звук, а не изображение. В таких разных по стилю заведениях, как рестораны Koi, Cartoonist и Tapa Tapa, «вторичные иллюзии» пространства создаются художественными символами. Визуальные характеристики этих художественных символов в пространстве ресторана можно свести к следующим пяти особенностям: целостность, разнообразие, выразительность, символичность и восприимчивость. Целостность художественных символов тесно связана с представлением темы пространства. Разнообразие, выразительность и символичность являются ключевыми в создании «пространственной иллюзии». Восприимчивость достигается за счет стимуляции восприятия зрительными эффектами пространства, вызывая у людей определенные воспоминания и эстетические представления.

По мнению Лангер, элементы, вызывающие художественную иллюзию в пространстве, обладают внешней визуальной привлекательностью и внутренней символикой (создают репрезентацию пространства и символику пространства). Суть трансформации пространственных свойств из функционального пространства в символическое заключается в придании пространству новых смыслов посредством выражения художественных символов. А символический подход позволяет выразить «невидимые» абстрактные понятия с помощью «видимых» культурных символов. То есть художники используют «символический подход» создания «иллюзии пространства», тем самым достигая изменения пространственных свойств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на основе систематического анализа эстетической концепции символов искусства Лангер можно сделать следующие выводы: во-первых, Лангер с ее концепцией «основной иллюзии» предоставляет важную теоретическую рамку для определения и различения разных типов художественных символов. Введенная Лангер теория «вторичной иллюзии» не только углубляет наше понимание различных символов искусства в пространстве, но также открывает нам новые возможности для исследования отношений между

функциональным пространством и символическим пространством. Эти теоретические построения, с одной стороны, расширяют перспективы исследования теории художественной иллюзии Лангер, с другой – предлагают новые методы исследования для изучения проблемы трансформации пространственных свойств.

Во-вторых, «теория художественной иллюзии» и «пластический художественный символ» как уникальные категории в эстетике художественных символов Лангер оказывают значительное влияние на построение иллюзии в пространстве ресторана: а) обеспечивается слияние визуальной эстетики

с художественными символами; б) раскрывается особая роль художественных символов в ресторанном пространстве, их эмоциональная, структурная и эстетическая функции; в) теория Лангера способствует однородному развитию художественных символов и формированию тематики ресторанного пространства на эстетическом уровне. Кроме того, исследование идеологии и метафизического внутреннего потенциала художественных символов воплощает в себе дух слияния философии и искусства, а также привносит новое в практическое развитие и теоретическое исследование дизайна ресторанных пространств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 沙凯. 苏珊·朗格符号理论研究[D]. 南京师范大学博士学位论文. 2014年. = Ша Кай. Исследование теории сигнификации Сьюзен Лангер: дис. докт. н. Нанкинский педагогический университет. 2014.
2. 苏珊·朗格, 情感与形式. 刘大基、傅志强、周发祥译. 北京: 中国社会科学出版社. 1986年. = Langer S. K. Чувство и форма / перевод Лю Дачжи, Фу Чжицян, Чжоу Факсян. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 1986.
3. Langer S. K. Feeling and Form: A Theory of Art. Developed from Philosophy in a New Key. New York: Charles Scribner's Sons, 1953.
4. 房昱辛. 《情感与形式》中的艺术空间理论研究[D]. 山东大学硕士学位论文. 2014年. = Фан Юйсинь. Исследование теории художественного пространства в работе «Чувство и форма»: маг. дис. Шаньдунский университет. 2014.
5. Langer S. K. The Practice of Philosophy. New York: Henry Holt and Company, 1930.
6. 克莱夫·贝尔, 《艺术》. 马钟元、周金环译. 中国文联出版公司中文版. 2015年. = Клайв Белл. Искусство. Перевод Ма Чжунъюаня и Чжоу Цзиньхуаня. Издательство ВАРЛИ, китайское издание. 2015.

REFERENCES

1. 沙凯. 苏珊·朗格符号理论研究[D]. 南京师范大学博士学位论文. 2014年. = Sha Kai (2014). A study of Susan Lange's theory of signification. Doctoral dissertation. Nanjing Normal University. (In Chinese)
2. Langer, S. K. Feeling and Form. Translated by Liu Daji, Fu Zhiqiang, Zhou Faxiang. Beijing: Social Science Publishing House of China. (In Chinese)
3. Langer, S. K. (1953). Feeling and Form: A Theory of Art. Developed from Philosophy in a New Key. New York: Charles Scribner's Sons.
4. 房昱辛. 《情感与形式》中的艺术空间理论研究[D]. 山东大学硕士学位论文. 2014年. = Fang Yuxin (2014). Research on the theory of artistic space in emotion and form. Master's thesis. Shandong University. (In Chinese)
5. Langer, S. K. (1930). The Practice of Philosophy. New York: Henry Holt and Company.
6. Bell, C. (2015). Art. Translated by Ma Zhongyuan and Zhou Jinhuan. China Federation of Literature and Art Publishers, Chinese edition. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжу Чуаньхуа

аспирант кафедры культурологии, эстетики, философии культуры
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhu Chuanhua

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Aesthetics, Philosophy of Culture
Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2024
19.06.2024
24.06.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 9 (890)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 9 (890)**

Ответственный за выпуск

Н. Н. Германова
доктор филологических наук, профессор

Executive editor

Natalia N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Редактор: В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor: V. A. Geronimus

Layout: A. V. Alymov

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 15.09.2024

Усл. печ. л. 21,5.

Формат 60х90/8

Заказ № 61/24

Signed for print: 15.09.2024

Conventional printed sheets: 21,5

Layout format 60x90/8

Order 61/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

© FSBEI HE MSLU, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».